

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

***RUSSIA:
MODERNIZATION
OF A SOCIETY
ADMINISTRATION SYSTEM***

*SOCIAL
AND SOCIO-POLITICAL
SITUATION IN RUSSIA
- 2011 year*

Edited by
G.V.Osipov., V.V.Lokosov

**MOSCOW
2012**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

***РОССИЯ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВОМ***

*СОЦИАЛЬНАЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ В РОССИИ
в 2011 году*

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

МОСКВА
2012

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0470-3

Россия: модернизация системы управления обществом. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 году*. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – ??? с.

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

Настоящий научный доклад является продолжением реализации фундаментального научно-исследовательского проекта ИСПИ РАН комплексного изучения основных тенденций и закономерностей изменения социальной и социально-политической ситуации в постсоветской России. Идейный вдохновитель и руководитель проекта – академик Г.В.Осипов.

Данная монография является двадцать первым по счету научным докладом, в которых собран и систематизирован уникальный концептуальный, статистический, эмпирический материал, раскрывающий подлинную сложность *последствий* трансформации российского общества в 1991–2011 гг. Тексты научных докладов позволяют из мозаичности и фрагментарности меняющихся событий и общественного мнения создать целостную научную картину поворотных для истории России преобразований.

Авторы рассматривают широкий круг вопросов социального и социально-политического развития российского общества, создания субъективных и объективных условий для инновационного выхода из системного кризиса, проблем консолидации российской нации. Работа построена на базе материалов теоретических и прикладных исследований, проведенных подразделениями ИСПИ РАН, многие из которых публикуются впервые.

Тенденции, выводы, прогнозы, изложенные в научном докладе, могут быть использованы учеными, политиками дипломатами, специалистами, чьей областью деятельности является выработка конкретных управленческих решений и выбор социальных технологий. Книга также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся развитием российского общества и судьбой России.

ISBN 978-5-7556-0470-3

© Институт социально-политических исследований РАН, 2012

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Акад. РАН **Осипов Г.В.** – Введение. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом; под общей редакцией д.э.н. **Кривова В.Д.** – Инновационное развитие России: стратегия и ресурсы; д.э.н. **Богданов И.Я.** – Экономическая безопасность и антикризисная политика; к.с.н. **Мареева С.В.**, под общей редакцией акад. РАН **Горшкова М.К.** – Динамика взглядов россиян на роль государства в экономике и социальной сфере; д.э.н., проф. **Бобков В.Н.** – Неравенство качества и уровня жизни населения России: межрегиональный аспект; д.э.н., проф. **Черной Л.С.** – Национальная корпоративная система; д.хим.н., проф. **Кара-Мурза С.Г.** – Проблемы модернизации экспертного обеспечения управления; д.с.н., проф. **Левашов В.К.**, **Шушпанова И.С.**, **Афанасьев В.А.**, **Новоженкина О.П.** – Общество и политика; чл.-корр. РАН **Шульц В.Л.**, д.с.н., проф. **Локосов В.В.** – Процесс консолидации современного российского общества: показатели и индикаторы; д.с.н., проф. **Дзущев Х.В.** – Социально-политический кризис в Республике Дагестан; к.ф.н. **Мерзликин Н.В.**, к.с.н. **Злотковский В.В.**, к.с.н. **Иванов А.В.** – Социальный портрет проголосовавших за политические партии на выборах в Государственную Думу; к.ф.н. **Ковалева Т.В.**, к.с.н. **Селезнев И.А.** – Российская модернизация и реформа высшей школы; д.с.н., проф. **Зубок Ю.А.**, д.с.н., проф. **Чупров В.И.** – Факторы совершенствования подготовки профессиональных кадров в высшей школе и эффективности их использования; к.э.н. **Сигарева Е.П.**, д.э.н. **Доброхлеб В.Г.**, д.э.н. **Иванова А.Е.**, к.э.н. **Архангельский В.Н.**, к.э.н. **Сивоплясова С.Ю.**, **Софронова Т.Г.** – Анализ состояния демографических процессов и их обусловленность объективными тенденциями; д.э.н., проф. **Рыбаковский Л.Л.**, к.э.н. **Кожевникова Н.И.**, д.э.н. **Ходенко С.В.** – Демографическое развитие России в 2011–2025 гг.; чл.-корр. РАН **Рязанцев С.В.**, к.э.н. **Тарасова Н.В.**, к.э.н. **Гришанова А.Г.**, к.э.н. **Макарова Л.В.**, к.э.н. **Морозова Г.Ф.**, к.э.н. **Борзунова Т.И.**, **Оберемок-Якубова Е.Б.** – Миграционная политика как аспект реализации мегапроекта «Интегральная Евразийская транспортная система»; к.э.н. **Сигарева Е.П.** – Малочисленные народы Севера: демографический аспект; чл.-корр. РАН **Рязанцев С.В.**, к.физ.-мат.н. **Зоидов К.Х.**, д.с.н. **Письменная Е.Е.**, к.э.н. **Маньшин Р.В.**, к.с.н. **Акрамов Ш.Ю.** – Экономико-математическая модель управления демографическими процессами и оценка ее эффективности; д.ф.н., проф. **Орлова И.Б.** – Иммиграция и сохранение социально-культурной идентичности России; д.с.н., проф. **Тузиков А.Р.** – Инновационное развитие и модернизация как идеологическая «повестка дня»; д.с.н. **Ковалев В.И.** – Макроструктура эволюции современного социума; д.с.н. **Синелина Ю.Ю.** – Основные тенденции изменения религиозности россиян; **Скворцова Е.Е.** – Факторы формирования исторического самосознания школьников начальных классов; чл.-корр. РАН **Иванов В.Н.**, д.п.н. **Назаров М.М.**, д.ф.н. **Кублицкая Е.А.** – Изменение межэтнических и межконфессиональных отношений в Москве; к.и.н. **Стрельцова Я.Р.** – Процесс сохранения социально-культурной идентичности в европейских странах и России; д.с.н. **Милехин А.В.**, к.п.н. **Блинов В.В.** – «Индекс оптимизма» как показатель общественного самочувствия и эффективности государства в социальной сфере.

Введение

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМУ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Сегодня нередко приходится слышать, что академическая социальная наука в период «перестройки» и неолиберального реформирования якобы устранилась от решения тех проблем, которые стояли перед страной. Научная деятельность ведущих социологов, а также академических институтов социологического профиля Российской академии наук полностью опровергает это утверждение. ИСПИ РАН неоднократно направлял первым лицам государства – М.Горбачеву, Е.Гайдару и Б.Ельцину – документы, в которых содержалось предупреждение о серьезных рисках и угрозах принятого курса реформирования страны.

К сожалению, рекомендации социологов, которые позволили бы избежать многих ошибок, не были приняты во внимание, и в результате развитие России пошло по курсу, который не отвечал национальным интересам страны и ее народа. Диалог между властью и социальной наукой не состоялся. Культура власти и культура науки не нашли общего языка для плодотворного взаимодействия.

ИСПИ РАН продолжил анализ социально-экономических и социально-политических трансформаций, которые происходили в России, и ежегодно представлял в органы государственного управления результаты своих исследований в виде опубликованных докладов под общим названием: «Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз». В этих документах на основе изучения конкретных фактов был сделан вывод об ошибочности выбранного курса трансформации и о разрушительном харак-

тере тех методов, которыми осуществлялись неолиберальные реформы. В этой связи учеными оценивались возможные последствия, разрабатывались конкретные предложения по исправлению ситуации, по корректировке осуществляемого курса реформирования России. В настоящее время, спустя два десятилетия, ошибки курса реформирования, проанализированные в докладах социологов, стали общепризнанными.

Социология как наука показала свою способность реально оценить происходящие трансформации, осудить метод проб и ошибок, метод экспериментов над людьми. Социология дала научно обоснованные предложения по корректировке курса реформ. Если бы диалог между социологами и властью состоялся, то результаты реформирования были бы качественно иными, и социальная цена реформ была бы несравненно меньшей.

Социологический анализ социальной и социально – политической ситуации в годы трансформации в России, позволил сделать принципиально **новые концептуальные и теоретические выводы**. В классических концепциях уровень и качество жизни долгое время считался прямым следствием роста материального благосостояния. В экономической науке на протяжении более 50 лет качество жизни оценивалось в материальном выражении: в деньгах и стоимости разного рода благ, связанных с ростом внутреннего валового продукта. Такой экономико-центристский подход к социальной реальности сохраняется и сегодня, когда, например, в качестве стратегического приоритета ставится задача удвоения ВВП.

Социологическая наука, отечественная и мировая, сделала иной вывод: в современных условиях оценка прогресса развития общества только на основе объективных данных, в том числе размера внутреннего валового продукта, некорректна. Удовлетворенность жизнью, качество жизни, уровень развития человеческого потенциала – многофакторны и не связаны прямой зависимостью с ВВП. Научно-технический, экономический прогресс не сопровождается автоматически прогрессом социальным, социально-политическим, духовным. Напротив, высокий уровень материально-технического благосостояния в обществе может сопровождаться моральными и нравственными потерями, ростом бездуховности, нарастанием социальных девиаций, рисков и угроз.

Эти угрозы непосредственно связаны с социальным поведением людей, преследующих свои интересы и цели. Поэтому на передний план должна выдвигаться не только задача роста ВВП, а **проблема человека и его социальной деятельности** в условиях современной реальности, а, следовательно, и проблема **измерения** социальной деятельности человека.

Отечественной и мировой социальной наукой и практикой создан и постоянно совершенствуется измерительный инструмент: **система социальных индикаторов и показателей**, позволяющих конкретно анализировать характер, содержание и направленность социальной деятельности людей, ее мотивацию, ценностные ориентации и социальные установки человека. Объективные экономические показатели, оценивающие развитие общества, были дополнены социальными индикаторами, агрегированными в индексы, реально оценивающие уровень прогресса как отдельной страны, так и группы стран международного сообщества. Широко известен вошедший в практику международных сравнений Индекс Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП), с которым работает Организация Объединенных Наций. Важнейшими социальными индексами являются *индекс удовлетворенности* жизнью (или социального благополучия) и *индекс доверия к социальным структурам и институтам*, отвечающим за организацию социальной жизни.

Исследования с использованием этих индексов позволили перейти от гипотезы к научному выводу о том, что социальное поведение человека имеет социальную и социально-психологическую обусловленность, связанную с субъективной оценкой социальных перспектив, оценкой социально-политического положения в обществе, оценкой каждым человеком возможностей для желательной реализации своего потенциала. Только при наличии у народа России уверенности в своем будущем, при переходе от социальной неустойчивости, от бесконечных потрясений к социальной и экономической стабильности, возможна реализация человеческого потенциала.

Социологами сделан вывод, что основным противоречием современного российского общества остается **разрыв между реальными возможностями России как самодостаточной страны мира**, наличием всех необходимых средств для их реализации и **крайне низким уровнем и качеством жизни народа**. Важнейшим условием преодоления этого противоречия является **повышение уровня эффективности государственного управления обществом**. Вклад в повышение эффективности управления вносит российская наука.

Социологами на основе обобщения международной практики разработаны **показатели эффективности государственного управления**. Введение системы социальных показателей эффективности государственного управления создает механизм, позволяющий поставить, и в правовом аспекте, вопрос об ответственности властных структур за последствия своей социальной деятельности.

На основе проведенных исследований социологами и экономистами определены приоритетные факторы, влияющие на социально-экономическое развитие России. Обобщив данные международной социальной практики, социологи построили **систему предельно критических показателей развития российского общества**. Эта система дает точку отсчета социальных изменений (прогрессивных или регрессивных), которые происходят в российском обществе. Например, показатель социального расслоения в обществе. Соотношение 10% самых богатых к 10% самых бедных считается предельно критическим при величине 10:1. В России это соотношение 16:1. Это только по официальным данным, в реальности разрыв значительно больший. Результат – антагонизация социальной структуры, чреватая социальным взрывом. К сожалению метод предельно критических показателей пока не вошел в систему научного управления обществом.

Теоретической инновацией социологов стало введение в научный оборот на основе анализа социальных, этнических, социокультурных и других противоречий современных обществ **понятия общественной безопасности**. Измерение общественной безопасности позволяет судить о сохранении культуры, языка, национальной идентичности в условиях нивелирующего влияния глобализации и международных миграций.

Важнейшей проблемой страны, требующей срочного государственного воздействия, остается неблагоприятная демографическая ситуация. Социологами и демографами создана научно обоснованная концепция социальной и социально-экономической обусловленности демографических процессов.

Следует признать, что для устранения или, по крайней мере, смягчения факторов социальной дестабилизации при решении демографической проблемы, необходимы существенные материальные затраты. Эти затраты, по подсчетам социологов и демографов, должны составлять:

- на демографическую и семейную политику – не менее 2–4% ВВП (в настоящее время 0,7% ВВП, включая меры, вступившие в силу с начала 2007 г.);
- государственные расходы на здравоохранение должны составлять 5–6% ВВП (в настоящее время 3,5%).

Практика показывает, что нередко государственные решения, которые по первоначальному замыслу должны были дать позитивный социальный эффект, но в процессе реализации приводят к явно выраженным негативным последствиям для человека и общества. Здесь также оправдано привлечение социологии. Социология может выступать не только в качестве эксперта при принятии социальных, политических и социально-экономических решений,

но и в качестве **эксперта** при оценке возможной экономической и социальной эффективности проектов, научных открытий и разработок.

Так была проведена социально-экономическая экспертиза нескольких проектов, на первый взгляд, далеких от сферы интересов социологии. Первый – это проект **утилизации парниковых газов** или электрохимической конверсии углекислого газа в жидкое топливо и кислород. Эта технология, первоначально разработанная для космических аппаратов, обещает дать значительный экологический и экономический эффект. Но социальный эффект не сводится к экономике и даже к экологии, он оценивается многофакторной системой критериев. Главное, что данный проект отвечает той смене представлений об отношениях техносферы, биосферы и социосферы, и которые и означают переход к новому качественному состоянию человека и общества, переход к «обществу знания».

Другой проект, в котором социологи оценивали социальный эффект от его перспективной реализации – это **строительство «межконтинентального транспортного коридора»** – интегральной евроазиатской транспортной системы. Перспективы создания этой интегральной транспортной системы, связывающей Евразийский континент, давно изучаются учеными и геополитиками. В России для реализации такого крупнейшего проекта созрели необходимые технологические условия, экономические и политические стимулы. Обладание адекватной транспортной (мультимодальной) системой (включающей железные и автодороги, оптоволоконную информационную сеть) – одна из важных гарантий геополитической безопасности России. Это социальный мегапроект, реализация которого позволит вывести Россию на одно из первых мест в системе высокоразвитых стран.

Социология – это обоюдоострое оружие, она может служить как во благо, так и во зло, может быть использована как фактор социальной и политической дестабилизации. Примером может служить исследование по федеральным округам уровня стабильности и нестабильности межэтнических отношений.

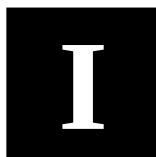
На основе творческого сотрудничества экономистов и социологов, анализирующих новые социальные и геополитические реалии, сложилась междисциплинарная отрасль социальной науки – **экономика и социология знания**. Есть специальная Программа Президиума РАН, в которой мы принимаем непосредственное участие. Разработана концепция экономики и социологии знания. Она включает два вида знания: во-первых, знание, традиционно составлявшееся, как обобщение отечественного и мирового опыта; во-вторых, зна-

ние инновационное и эвристическое. Именно на основе этих видов знания должна перестраиваться отечественная экономика. В этой связи **экономика знания** включает в себя два взаимодополняющих аспекта. С одной стороны, это *создание благодаря прогрессу фундаментальных и прикладных наук инновационных наукоемких технологий с их внедрением в производство и другие сферы жизнедеятельности общества*. С другой стороны, это *продажа новых технологий на мировом рынке в форме готового продукта, применяемого в отечественной экономике*, а не в виде интеллектуальных «сырьевых заготовок», инновационный потенциал которых и, следовательно, возможная стоимость еще неизвестны. Экономика знания предполагает, что подвергать социальной экспертизе следует не только уже сделанные открытия и изобретения, но и сами перспективные направления научного поиска.

С экономикой знания неразрывно связана **социология знания**. Если в центре экономики знания научное знание о способах и формах хозяйствования, то в центре социологии знания *управление обществом, его структурными изменениями, социальными процессами, внешнеполитической деятельностью*. К важным функциям социологии знания относятся также исследование факторов, способствующих или препятствующих приросту и распространению нового знания; разработка методов научного обоснования принимаемых решений и прогнозирования их возможных социокультурных последствий в соответствии с поставленной целью.

Переход к обществу знания является важнейшим стратегическим приоритетом России. Для его реализации еще многое нужно сделать. В том числе нужна, конечно, подготовка и переподготовка специалистов в области экономики и социологии знания. В этом большую роль может сыграть Российская академия наук и те новые структуры, которые созданы под ее эгидой, например, факультет МГУ Высшая школа современных социальных наук, который готовит специалистов новой формации.

Решение поставленной задачи – включение социологии в систему научного управления обществом является важнейшим интеграционным фактором двух находящихся в противоречии культур – культуры власти и культуры науки. Необходима интеграция двух культур – культуры власти и культуры науки в интересах стабилизации и процветания российского общества.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ И РЕСУРСЫ¹

Необходимость новой модели развития экономики и модернизация. В результате реформ 90-х гг. российская экономика пережила беспрецедентный спад. Показатель ВВП упал в 1998 г. (низшая точка падения за период с 1990 г.) более чем на 40%, а промышленное производство – более чем на 50%. Хуже всего обстояло дело с динамикой инвестиций. Объем инвестиций в основной капитал упал в 1998 г. почти в 5 раз (21% от уровня 1989 г.). В 2008 г. их объем составил только 60% от уровня 1989 г. Несмотря на то, что в 2007 г. реальный ВВП впервые превзошел по объему уровень 1990 г., по отношению к промышленному производству такого восстановления не произошло. Более того, по многим позициям промышленной номенклатуры спад продолжался и в 2000-е гг.

Пореформенная Россия практически перестала экспортировать промышленную продукцию и вывозит лишь сырье и продукты его первичного передела. В 1985 г. из СССР на экспорт отгружалось 20% произведенных легковых автомобилей, 28,2% часов и 39,4% фотоаппаратов, но зато лишь 5% угля, 5,55% круглого леса, 10,7% газа и 19,7% нефти. В 2009 г. экспорт из России в «дальнее зарубежье» готовых товаров составил лишь 4,7%, тогда как круглого леса – 23,8%, газа – 28,8%, угля – 35,2%, нефти – 66,4%².

¹ В тексте представлены фрагменты Аналитического доклада Совета Федерации Федерального Собрания РФ на VII Байкальском экономическом форуме (сентябрь 2011 г.).

² Голубович А.Д., Идрисов А.Б., Иноземцев В.Л., Титов Б.Ю., Шпигель М.М. Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели. Новая индустриализация. Ежегодный экономический доклад «Деловой России» М., 2009. С.34.

Причем хроническое обеднение ассортимента экспорта продолжалось и в последнее, достаточно успешное для экономики России, десятилетие. По данным Всемирного банка, если в 2001 г. на долю нефти и газа приходилось менее половины российского экспорта, то в 2010 г. эта доля составила две трети, причем ещё 15% приходилось на экспорт других ископаемых ресурсов. Доля высокотехнологичной продукции составила лишь 9%, и это в основном экспорт вооружений¹.

За 20 лет реформ произошла масштабная деградация и примитивизация российской промышленности. Это было обусловлено неэффективностью и коррупционностью государственного управления, его ошибочной установкой на развитие финансового сектора в отрыве от реального, на деиндустриализацию российской экономики. В частности, полагалось, что все неэффективное производство (а неэффективным в условиях перехода к мировым ценам на энергоносители и сырьё автоматически становилось всё промышленное производство, ориентированное на внутренний рынок) должно просто отмереть. Д.А.Медведев в статье «Россия вперед!» заметил: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили страну от унижительной сырьевой зависимости... Мы сделали далеко не всё необходимое в предшествующие годы. И далеко не всё сделали правильно»².

В настоящий момент обострился ряд новых вызовов для долгосрочного развития российской экономики. Сохраняется проблема устойчивости российской экономики в связи с возрождением циклического характера глобального развития. Российский механизм экономического роста в 1999–2008 гг. в определяющей степени зависел от внешнеэкономической конъюнктуры, прежде всего, от цен на энергоносители и условий кредитования на мировом рынке. Поскольку в ближайшие годы, ввиду продолжающегося кризиса, возобновление благоприятных внешнеэкономических факторов маловероятно, то пассивный сценарий развития, консервирующий сложившуюся экспортно-сырьевую модель, приводит к замедлению экономического роста в лучшем случае до 3–4%. Такие темпы роста не позволяют решать накопившиеся сложные задачи обеспечения макроэкономической и социальной стабильности.

Усиливаются ресурсные ограничения развития со стороны предложения энергоносителей и трудовых ресурсов. Так, согласно прогнозам, в долгосрочной перспективе добыча нефти стабилизируется на нынешнем уровне и

¹ Башкатова А. Отток капитала и утечка мозгов – вместо развития // «НГ». 2011, 9 июня.

² Медведев Д.А. Россия вперед! <http://www.kremlin.ru/news/5413>.

достигнет к 2025 г. не более 4,5% роста, в то время как предложение трудовых ресурсов сократится на 9,2%¹. Возможности бюджетного стимулирования роста ограничены ввиду дефицитности бюджета и нежелания властей сохранять дефицит для наращивания государственных инвестиций в будущем².

Постепенно в связи с появлением новых игроков ухудшаются для России позиции на рынках высокотехнологичной продукции (оборонной продукции, гражданской авиации, атомных реакторов). К настоящему времени не преодолен кризисный спад в производстве продукции инвестиционного назначения.

В этих условиях для построения в России механизма развития, способного вывести страну к концу текущего десятилетия на сопоставимый со странами Европейского союза уровень потребления, **жизненно необходим переход на новую модель развития на основе проведения всеобщей высокотехнологичной модернизации экономики**. Нужно добиваться более высоких темпов экономического роста близких к 6–7%, одновременно двигаясь к прогрессивной структуре экономики. Все единодушны в том, что для устойчивого экономического роста России необходима модернизация экономики России. Однако единства взглядов по поводу путей модернизации нет.

Часть экспертов находится в плену идеи инновационного прорыва, большого скачка в постиндустриальное будущее – достаточно развивать те технологии, где Россия ещё может обогнать другие страны. Между тем в отсталой, примитивной экономике инновационный прорыв невозможен – новые технологии индуцируются с помощью уже промышленно освоенных. **Для модернизации экономики России необходима новая индустриализация**. Ни одна страна не обеспечивала себе глобального признания как производитель технологий, наоборот, все развитые экономики добивались первенства как индустриальные. Технологии – ничто, если они не могут быть применены к промышленности, овеществлены в массовом выпуске готовой продукции, способной завоевать мировые рынки³.

Если до кризиса в качестве идеологии в мировой экономике превалировал упор на развитие финансового сектора, то сейчас лидирующие позиции

¹ Белоусов Д.Р. Модернизация российской экономики: преодолевая ограничения и вызовы долгосрочного развития. Доклад на конференции ассоциации независимых центров экономического анализа. М., 2010.

² А.Кудрин 18 февраля 2011 г. заявил на Красноярском форуме о необходимости свести бюджетный дефицит к нулю уже к 2015 г. вопреки предложению Минэкономразвития сохранить дефицит бюджета около 2% вплоть до 2020 г.

³ См. Иноземцев В.Л. Modernizatsya.ru: Made in Russia // «Ведомости». 2010, 12 июля.

занимает идея усиления национальных производительных сил. Ведущие экономисты мира стали задумываться над тем, почему «индустрия, единственной функцией которой является превращение сбережений в реальные инвестиции, стала так доминировать. Мы должны выяснить, как получилось, что эта роль посредника так дорого обходится обществу»¹. «Но вроде бы сейчас, после этого кризиса, кончается эра финансиализации капитализма. Сейчас в моду входит установка на реальное производство. Она как раз в русле тех начинаний, которые мы должны реализовать»².

Главная задача сегодня – создать современную материально-технологическую базу национальной экономики. Требуется масштабная модернизация и обновление основных фондов экономики страны.

Необходима модернизация широкого спектра обрабатывающих производств, не только высоко-, но и среднетехнологичных. «Анклавная модернизация» в виде создания обособленных инновационных центров, прямыми и обратными связями подключенных к глобальной экономике необходима. Но этого мало для создания достаточных условий для преодоления сформировавшихся ограничений экономического развития. И в итоге может способствовать закреплению стратегически тупиковой модели «разомкнутой инновационной системы», сложившейся в России. Когда идеи отечественной фундаментальной и прикладной науки реализуются на стадиях от создания образца до массового производства за рубежом, а затем в виде готовых изделий импортируются в страну³. Существование инновационных сегментов бессмысленно, если не заниматься развитием современной индустрии в целом.

Примечательно, что в последнее время идеи о том «что на территории России должна действовать вся технологическая и промышленная цепочка – от проведения исследовательских работ до изготовления комплектующих и крупносерийного выпуска конечной продукции» и что «речь сегодня идет о новой волне индустриализации» стали звучать на высоком уровне исполнительной власти⁴. Создано агентство стратегических инициатив⁵, призванное

¹ См. Тернер Э. Новостной песчур slon.ru 29.08.2009 ([http://www.slон.ru/articles/123500](http://www.slون.ru/articles/123500)).

² См. Гринберг Р.С. Актуальные проблемы российской экономики. Парламентская лекция // «Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ». 2010, №10(396).

³ См. Белоусов Д. Модернизация – дорога в новый мир // Экспертный канал «Открытая экономика». 22.12.2010 (<http://www.opec.ru/1337738.html>)

⁴ См. выступление В.В.Путина на съезде машиностроителей России в Тольятти 11 мая 2011 г. <http://premier.gov.ru>.

⁵ Идея создания Агентства стратегических инициатив (АСИ) выдвинута Председателем Правительства Российской Федерации В.В.Путиным в ходе его выступления на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» в Волгограде 6 мая 2011 г. 25 мая 2011 г.

осуществлять поддержку и административное сопровождение инновационных проектов. Задача теперь сводится к адекватной финансовой и организационной поддержке заявленных намерений.

Вместе с тем кризис больше всего ударил по инвестициям в основной капитал. Они упали более чем на 16% в 2009 г., а приподнялись в 2010 г. только на 6%. Вместе с тем другие модернизирующиеся страны, с которыми мы себя привыкли сравнивать, – Индия, Китай – не допустили падения инвестиций во время кризиса.

Чрезвычайно мала в инвестициях доля банковского кредитования – всего около 9%. Наблюдается перекосяк и в структуре инвестиций. Около трети из них направляются в топливно-энергетический комплекс и только 3% в такие отрасли, как машиностроение, связь.

Что касается государственных инвестиций, то пока только около 10% бюджета работает на развитие. Недостаточны инвестиции в человеческий капитал – в образование, науку, здравоохранение и в инфраструктуру¹.

В целом российской экономике так и не удалось за последние 10 лет проявить себя инвестиционно привлекательной, деловой климат до сих пор крайне неблагоприятен. Вкладываться в модернизацию производства не торопятся ни зарубежные, ни отечественные предприниматели. Об этом свидетельствуют данные по оттоку капитала из страны. В 2010 г. отрицательное сальдо по счету операций с капиталом составило более 35 млрд долл., а за с января по апрель 2011 г. еще 30 млрд долл.

Учитывая опыт других стран, для перехода на новую модель развития необходимо повысить долю инвестиций в ВВП с 20–21% до 35–40%. **Поэтому поддержка инвестиционной деятельности, улучшение инвестиционного климата в России – это одно из главных направлений действий экономической политики государства.**

Модернизация экономики это не только развитие новых отраслей. Мы должны всё производство, основанное на переработке наших традиционных ресурсов и имеющее перспективы для развития, перевести на новый технологический и организационный уровень. Именно с этих позиций России необходимо искать новые конкурентные позиции на глобальных рынках.

¹ Расходы России на образование в процентах от ВВП соответствуют уровню Индии. Затраты на науку составляют 1,2% ВВП, при том что в Китае уже – 1,5% ВВП, в развитых европейских странах – более 2%. Вложения в инфраструктуру ниже показателя этих государств почти в два раза.

Например, в России, занимающей первое место по количеству лесов, есть необходимые условия не только для наращивания производства продукции высокого передела из древесины, но и для массовой переработки отходов. Имеется в виду производство высококачественных древесных топливных гранул, брикетов, древесного угля. Это, с одной стороны, позволит занять лидирующие позиции в мире в сфере возобновляемых источников энергии, с другой, – создаст тысячи рабочих мест в большинстве субъектов Российской Федерации¹.

Другим нашим богатством является вода. По объёму водных ресурсов мы занимаем второе после Бразилии место в мире. Учитывая нарастающий дефицит пресной воды в мире, мы могли бы завоевать высокие конкурентные позиции на мировом рынке водоёмкой продукции. Это такие традиционные для нас сферы производства, как электроэнергетика (в том числе – атомная и гидро-), нефтехимия, целлюлозно-бумажное производство, ряд подотраслей цветной металлургии и др. «И опять-таки речь должна идти о модернизации и расширении имеющегося производства, а не о том, чтобы прорываться в неведомое»². То есть **выделять в виде базовых и модернизировать нужно, прежде всего, те отрасли, которые в наибольшей степени соответствуют географическому положению, ресурсной основе нашей страны, а также способны с большим запасом прочности интегрироваться в мировую систему экономики.**

Большой эффект может дать государственная программа перевооружения армии, предусматривающая выделение 20 трлн руб. до 2020 г. Оборонно-промышленный комплекс сегодня не в лучшем состоянии. Более 70% технологий, обеспечивающих производство ОПК, физически и морально устарели, более половины станочного парка изношены на 100%³. Сегодня, когда в развитых странах уже начинают складываться контуры шестого технологичес-

¹ И первые успехи в развитии такого производства уже достигнуты: в России в 2010 г. выпущено около 1 млн т топливных гранул. В первом квартале 2011 г. в Ленинградской области запускается завод «Выборгская целлюлоза» мощностью 1 млн т гранул. Строятся другие крупные заводы в разных регионах России.

² Данилов-Данильян В.И. Стенограмма семинара «Реалистическое моделирование на тему "Водные ресурсы – стратегический фактор развития экономики России в условиях глобального мирового водного кризиса"» // «Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ». 2008. С.31.

³ См. Доклад о состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Аналитическое управление. М., 2010.

кого уклада, в России шестой уклад пока не формируется, а основу промышленности составляют технологии четвертого уклада – свыше 50% и технологии третьего уклада – около 30%. Доля технологий пятого уклада составляет примерно 10%, и сосредоточена она в оборонно-промышленном комплексе и в авиакосмической отрасли¹. **Поэтому реальное развитие технологического уровня оборонно-промышленного комплекса, в котором сохранились заделы научно-технических достижений, может стать главным толчком к модернизации смежных отраслей промышленности.** Эффект стимулирования распространится по технологическим цепочкам вплоть до фундаментальной науки.

Необходимо повышение конкурентоспособности и таких традиционных отраслей как энергетическое, нефтегазовое, транспортное и тяжелое машиностроение, а также станкоинструментальной промышленности и горно-металлургического комплекса. Ведь для обеспечения технологической безопасности страны необходимо, чтобы развитие энергетической и транспортной инфраструктуры происходило бы при преимущественном использовании продукции отечественного машиностроения и металлургии.

Учитывая то, что Россия всё ещё обладает значительными производственными и научными заделами, следует, опираясь на них, развернуть широкий процесс импортозамещения. Надо прекратить покупать за границей те виды продукции, которые можно изготовить внутри страны.

Одним из важнейших условий модернизации экономики является **создание целостной национальной инновационной системы**. Пока созданы и функционируют только отдельные ее элементы, а не система в целом. Отдача от инновационной деятельности остается низкой.

Это, прежде всего, объясняется тем, что в течение предыдущих 20 лет инновационная система в России пришла в упадок. С одной стороны, произошло быстрое открытие внутреннего рынка для импортной продукции, а с другой – фактически прекратилось финансирование системы НИОКР, которое в значительной степени концентрировалось в системе отраслевых научно-исследовательских институтов и заводских лабораториях.

Существенным изъяном отечественной экономики, сдерживающим развитие инноваций, является недостаточность числа и объемов производства малых и средних предприятий, которые обладают большей активностью и адаптивностью к инновационным решениям, а также склонностью к риску по срав-

¹ Каблов Е. Курсом в 6-й технологический // «Индустрия», 2010, №2.

нению с крупными компаниями и фирмами. Ведь «зачастую инновации рождаются не в офисах гигантов индустрии, а в небольших творческих коллективах, где поощряется креативный подход и нет места бюрократии»¹. Поэтому **создание для инновационных малых и средних компаний благоприятной налоговой, финансовой и организационно-административной инфраструктуры становится важнейшей задачей на современном этапе.**

Одним из узких мест в инновационном развитии российской экономики является низкий уровень обоснования принимаемых решений по управлению развитием науки и технологий. Для эффективной ориентации национального научно-технического потенциала на создание, модернизацию, либо поддержку импортируемых технологий **необходим комплексный целевой прогноз научно-технологического развития экономики.** С одной стороны такой прогноз предполагает выявление перспективных отраслей и подотраслей, ускоренное развитие которых благодаря мультипликативному эффекту будет содействовать росту ВВП, с другой – поиск состава перспективных либо модернизируемых технологий, способных обеспечить такое развитие².

Двигаясь по обозначенным направлениям, России предстоит изменить свой облик, перестав быть синонимом топливно-энергетической отрасли, и сформировав диверсифицированную сложную экономическую систему с развивающимся современным высокотехнологичным сектором.

Возможные меры по увеличению доходных источников бюджета для решения задач модернизации экономики и социальной сферы. Президентом РФ, Председателем Правительства РФ многократно подчеркивалось, что главными приоритетами политики государства является активная социальная политика и модернизация социальной инфраструктуры, включая здравоохранение и жилье, а также повышение эффективности и конкурентоспособности экономики на основе улучшения предпринимательского климата, реформирования государственного сектора и роста инноваций. Социальная сфера остается наиболее «слабым звеном» нашей социально-экономической системы и не соответствует требованиям рыночной экономики.

¹ Миронов С.М. Стратегия инновационного развития – ключевой ориентир для экономики и всего российского общества // Новая экономика. Инновационный портрет России, М., 2010. С.19.

² Ивантер В.В., Комков Н.И. Состояние, перспективы и условия инновационного обеспечения модернизации экономики России // Новая экономика. Инновационный портрет России, М., 2010. С.73.

Во многом это следствие того, что с самого начала преобразований – в условиях коренной ломки отношений собственности в экономике – социальная сфера оставалась формально государственной, а на практике происходило ее спонтанное и стихийное приспособление к рыночным условиям. Безусловно, за последние годы неоднократно предпринимались и продолжают предприниматься попытки реформирования всех областей, которые напрямую связаны с обеспечением жизнедеятельности – пенсионной системы, здравоохранения, образования, жилищно-коммунального сектора. Однако до настоящего времени ни одно из этих начинаний не дало ожидаемых позитивных результатов. Одной из главных причин, тормозящих модернизацию отраслей социальной сферы, является крайне низкий уровень доходов подавляющей части населения и запредельно высокая их дифференциация по различным социальным группам. А доля среднего класса на всём протяжении последнего десятилетия не превышала 10–12%.

По Индексу развития человеческого потенциала, публикуемого ООН, в 2010 г. Россия оказалась лишь на 67-м месте, вместо 57-го места, которое она занимала пять лет назад. Причем еще более значительно снизились индексы России, отражающие уровень образования, здравоохранения и жилищной обеспеченности. Так, по показателям образования Россия спустилась с 30-го на 41-е место среди 60 стран. Такая ситуация во многом связана с тем, что даже в самой структуре социальных расходов бюджета сохраняется очевидный крен в сторону финансирования прямых выплат для поддержания текущего уровня доходов населения, но при этом не обеспечивается должным образом модернизация и развитие социальной сферы, в частности систем здравоохранения и образования. Иными словами, происходит сокращение доли расходов государства в развитие человека, что в конечном итоге создает опасность дальнейшей деградации не только социальной сферы, но и в целом всей экономики.

История наиболее развитых стран мира доказывает, что модернизация хозяйства всегда сопровождалась формированием новых социальных институтов и повышенным вниманием со стороны государства к вопросам развития человеческого потенциала. История «экономического чуда» в послевоенной Германии и многих других европейских стран, Японии, даже США и современного Китая показывает, что при всей их специфике одним из главных и определяющих факторов быстрого подъема национальных экономик служило проведение активной социальной политики государства. По убеждению главного идеолога «экономики благосостояния» Л.Эрхарда, «рыночная эко-

номика оправданна с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше чем какая-либо иная форма экономики обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей всего народа, когда она в максимальной степени наделяет номинальные доходы граждан реальной покупательной способностью»¹. Такой подход необходим в современных условиях, когда развитие человеческого потенциала становится основным фактором экономического роста, а на смену сугубо экономическим критериям уровня жизни и роста доходов приходят критерии улучшения качества жизни.

Как отметил на заседании Совета законодателей² 28 декабря 2009 г. Президент России Д.А.Медведев, **«улучшение качества жизни граждан – это, конечно, несомненный приоритет всей нашей деятельности»**. Об этом же шла речь на встрече Президента с руководством Федерального Собрания Российской Федерации. По сути, уровень качества жизни населения – это наиболее точный и адекватный «барометр» состояния общества, который значительно более точно, чем другие макроэкономические индикаторы (такие, как рост ВВП, уровень инфляции или дефицит бюджета) показывает, насколько эффективно современное государство выполняет одну из центральных функций – распределения ограниченных ресурсов для общества.

Достижение поставленных целей в области социального и экономического развития практически невозможно при низких темпах экономического роста и требует перенастройки, в том числе, финансовой и бюджетной политики, ее нацеленности на стимулирование экономического роста. По оценкам экспертов Правительства РФ, для реализации «инновационного сценария» развития темпы роста российской экономики должны быть не ниже 6% прироста ВВП ежегодно, с опережением мировой экономики как минимум в полтора раза. При этом главными рычагами ускорения должны стать машиностроительный экспорт и активизация инвестиций.

Огромная роль в решении этих задач принадлежит бюджетной политике государства. Социальная сфера не может целиком подчиняться лишь рынку и должна регулироваться государством, представляющим интересы общества в целом. Поэтому сокращение бюджетной сферы не должно служить самоцелью государственной политики. Такое сокращение объектив-

¹ Эрхард Л. Полвека размышлений: речи и статьи. Пер. с нем. М., 1996.

² Совет по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (Совет законодателей).

но возможно лишь на основе постепенного роста уровня доходов населения и развития новых – современных рыночных социальных институтов¹.

Бюджетная политика должна способствовать решению задач повышения конкурентоспособности, модернизации и технологического обновления экономики России. К тому же пути преодоления дефицита бюджета существуют разные. Можно этого добиваться за счет сокращения государственных расходов. Но это тормозит и развитие экономики, и ее модернизацию, и решение социальных проблем.

В то же время не только экономическая теория, но и конкретный опыт многих стран, и наша недавняя история² доказывают, что **дефицит бюджета можно преодолевать, не экономя на развитии, а создавая возможности для наращивания масштаба экономики и доходной базы бюджета.**

Представляется, что в нынешних условиях главным ориентиром политики должен стать своего рода «социальный императив», т.е. **не нарушаемые ни при каких обстоятельствах пороговые условия функционирования важнейших социальных секторов экономики.** Это, в первую очередь, относится к сфере жилищного строительства, образования, здравоохранения, науки, культуры³.

Вместе с тем и сегодня можно использовать **многие из предлагаемых мер бюджетной политики, которые способны стать мощным катализатором развития этих секторов экономики и создания источников улучшения качества жизни людей** – повышения их материального благосостояния, решения проблем занятости и самореализации человека.

¹ При этом Минфином планируется дальнейшее сокращение доли расходов на здравоохранение и образование. Если в 2009 г. они составляли 9,2% федерального бюджета, а в 2010 г. – 8,2%, то к 2013 г. они составят 6,7%, а к 2015 г. упадут до 5,3%. Соответственно, замедлится и рост экономики – до 1–2% к 2013 г. Однако элементарная логика говорит о том, что борьба с дефицитом подобными средствами может привести к еще большему сжатию роста доходов бюджета и дальнейшему сокращению расходов.

² После кризиса 1998 г. внешний долг России казался запредельно высоким. Но десятилетие динамичного роста экономики позволило успешно решить эту проблему.

³ Например, все расходы на здравоохранение в России (включая расходы населения) составляют 4,8% ВВП, что ниже, чем в Африке и Средней Азии (5,3%), в Юго-Восточной Азии (6%), в Восточной Европе (7%), не говоря уже о развитых странах (около 10%). Близки к этому и показатели сферы образования: раньше расходы на образование в России составляли около 10% ВВП, а сейчас опустились до 4%, в то время как в других странах они выросли и составляют в среднем 6–10%.

К мерам налоговой политики можно отнести **введение в России различных механизмов перераспределения доходов**, которые неслучайно широко применяются в других развитых странах¹. В частности, **переход к прогрессивной шкале подоходного налога**. При этом речь идет не только о моральных факторах и достижении социальной справедливости, но и о **создании необходимых условий для развития экономики**. Как показали исследования, проведенные Всемирным банком, высокое неравенство доходов губительно сказывается на экономическом росте, ведет к обнищанию и деградации значительной части населения, подрывает формирование среднего класса. Это, в свою очередь, неизбежно приводит к сокращению внутреннего спроса и ухудшению его структуры².

В то же время введение прогрессивного налогообложения и оптимизация распределения доходов – это и мощный стимул роста платежеспособного спроса, и значительный источник дополнительных доходов бюджета, и стимул для инвестиций и модернизации, потому что этими налогами облагаются лишь доходы, выведенные из делового оборота.

Во многих европейских странах **прогрессивный характер носят также некоторые отчисления, например, на пенсии, на здравоохранение и др.**³. Это дает государству дополнительные доходы, позволяющие выполнять свои функции по социальному обеспечению граждан. Тем самым сокращается разница между богатыми и бедными и средства распределяются в пользу малообеспеченных и нетрудоспособных граждан, что справедливо в социальном плане и не вызывает в западном обществе каких-либо возражений. Иными словами необходимо создать такую систему, которая стимулирует не личное потребление и «проедание» капитала, а вложение свободных

¹ Например, 80% федерального бюджета США обеспечивается налогами, взимаемыми с 20% граждан с наиболее высокими доходами. АНО «Экспертно-аналитический центр по модернизации и технологическому развитию экономики, М., 2010. С.47–48.

² Так, в России даже в условиях кризиса в 2009–2010 гг. разрыв в доходах продолжал расти: доля 20% самой состоятельной части населения составляла почти половину всех доходов, тогда как доля доходов 20% населения с самыми низкими доходами сократилась почти до 5%. При этом наиболее высокодоходные группы населения расходовали 12–13 млрд долл. в год на покупку иномарок и недвижимости за рубежом. По оценкам, если бы эти деньги вкладывали в развитие жилищного строительства в России, оно росло бы на 20% в год, но в 2009–2010 гг. из-за падения спроса его объем ежегодно сокращался на 5–10% // Аганбегян А.Г. О месте экономики России в мире // «Вопросы экономики». 2011, №5. С.48.

³ Например, в Германии с больших доходов уплачивается не только большая сумма по медицинской страховке, но и больший процент на доход.

средств в развитие бизнеса, в накопительные фонды и отчисления на благотворительность.

Эффективной мерой в этом плане мог бы стать **налог на предметы роскоши, который нацелен на обложение сверхдоходов. Поскольку объектом обложения являются реальные предметы роскоши** в зависимости от стоимости, то этот налог не затрагивает средний класс и легко собирается.

Значительно пополнить государственные доходы и способствовать решению социальных проблем могло бы введение **государственной монополии на производство и оборот этилового спирта, а также налог на вмененный доход по всему ликероводочному производству.**

Кроме того, предлагалось целевым образом направить часть акцизов от продажи табака и алкогольной продукции на здравоохранение, в частности, на создание государственной сети бесплатных учреждений для лечения наркомании и алкоголизма. Актуальность этих мер очевидна на фоне нарастания остроты названных проблем для общества. Тем не менее, несмотря на то, что эта мера обсуждалась в правительстве, от нее пока решили отказаться, ссылаясь на необходимость изыскивать огромные средства на выкуп приватизированных предприятий.

Значительным ресурсом для решения социальных задач и улучшения качества жизни мог бы стать **налог на недвижимость и землю**, который во многих странах является главным источником финансирования муниципалитетов. За счет этих налогов содержатся школы, осуществляется благоустройство и т.д. Разумеется, ставки должны быть сильно дифференцированы в зависимости от качества и характера недвижимости, с тем, чтобы не возросла непомерно нагрузка на ту часть населения, которая живет в небольших квартирах или домах. Однако в современных российских условиях введение этого налога сопряжено со значительными рисками, поскольку нет четкой системы коммерческой оценки земли и недвижимости, а цены носят во многом спекулятивный характер.

Помимо налоговых мер сегодня вносятся предложения по увеличению и неналоговых источников пополнения доходов бюджета, которые к тому же не сопряжены с ростом фискальной нагрузки на экономику и, соответственно, не подрывают стимулы роста производства.

В частности, по оценке экспертов, на период восстановления экономики после кризиса в качестве одного из таких потенциальных резервов пополнения бюджета и финансирования бюджетного дефицита, могли бы стать дополнительные доходы Центрального банка России, полученные в виде

процентов по кредитам и депозитам, предоставленным российским коммерческим банкам. (В данном случае речь идет не о прибыли Центробанка, которая почти полностью зачисляется в доход федерального бюджета, а о дополнительных доходах.) Как известно, до 2014 г. продлена антикризисная норма, по которой в бюджет зачисляется 75% прибыли, полученной Центробанком. До кризиса Банк России был обязан перечислять в казну 50% своей прибыли. В 2010 г., по данным Минфина, доходы от ЦБ составили 188,4 млрд руб.

Хотя во многих странах центральные банки прибегают к прямому кредитованию банков «второго уровня», Центробанк до кризиса фактически не использовал этот инструмент рефинансирования банковской системы. Однако в последние годы, когда положение многих банков значительно ухудшилось, Банк России для поддержания ликвидности в ходе кризиса взял на себя функции «кредитора последней инстанции» и начал кредитование коммерческих банков. Так, по экспертным оценкам, полученным на основе анализа годовой отчетности Центробанка, доход от подобных операций составлял в 2007 г. лишь 343 млн руб., но уже в 2008 г. он вырос до 44 млрд руб., а в 2009 г. составил порядка 263 млрд руб.¹. Хотя уже к концу 2010 г. объемы таких кредитов и, соответственно, доходы по ним существенно снизились². Вместе с тем следует отметить, что с 1 января 2011 г. Центробанк приостановил кредитование без обеспечения на все сроки, и рассматривается вопрос о прямом кредитовании банков под залог золота.

В качестве экстраординарной меры, которая в условиях острого недостатка «длинных инвестиционных денег» в экономике могла бы значительно расширить возможности финансирования государством программ развития, послужит **предоставление российским банкам инвестиционных кредитов, прежде всего, в валюте с низкими, сопоставимыми с западными кредитными ставками**³. За счет, например, использования **взаимы части золотовалютных резервов, которые сейчас или обесцениваются, или при-**

¹ Гриценко Г. Банковский резерв для бездефицитного бюджета. <http://www.polit.ru/author/2010/07/01/bank.html>.

² За 2009 г. было выдано 3,4 трлн руб. таких кредитов. Объем задолженности банков перед ЦБ по этому виду кредитов достиг пика в феврале 2009 г. (1,9 трлн руб.) и с тех пор постоянно сокращается; сейчас ЦБ практически свернул этот вид финансирования. Из почти 200 банков, допущенных к аукционам ЦБ, 3 не смогли своевременно выполнить свои обязательства, однако ряд банков прибегал к реструктуризации задолженности.

³ В частности, эта мера была предложена академиком А.Г.Аганбегяном. См. Доклад на 4-м заседании Гайдаровских чтений-2010 26 ноября 2010 г. ИЭП.

носят доход не более 3% годовых. На 1 января 2011 г. объем золотовалютных резервов составил 479,4 млрд долл. Объем Резервного фонда – около 25,5 млрд долл., фонд национального благосостояния – 88,4 млрд долл. Использование части этих ресурсов **в качестве инвестиционных кредитов для коммерческих банков страны смогло бы приносить доход 6–7% годовых.** Такие инвестиционные кредиты могли бы предоставляться Центробанком напрямую коммерческим банкам. Или же через посредство Внешэкономбанка таким же путем, каким в период кризиса были предоставлены госбанкам субординированные кредиты до 2020 г. под 8% годовых.

Еще одним потенциальным источником пополнения доходов бюджета и финансирования инвестиционных программ развития могло бы стать повышение **эффективности управления государственной собственностью и более полноценное зачисление в бюджет дивидендов по госпакетам акций.**

На сегодняшний день государство остается крупным собственником и через владение значительными пакетами акций участвует в деятельности многих компаний, в том числе, в высокодоходных секторах экономики. По данным Росимущества, в его управлении сегодня находится более 3,1 тыс. акционерных обществ с государственным участием.

Тем не менее фактически с первого года приватизации обсуждалась **проблема крайне низкого уровня доходов, получаемых государством от управления государственной собственностью.** Так, за 2010 г. – в виде дивидендов в бюджет поступило около 45,2 млрд руб., на 2011 г. был запланирован доход в сумме 78,2 млрд руб., что несопоставимо с теми активами, которыми владеет государство. Столь невысокий уровень дивидендов, зачисляемых в бюджет, тем более вызывает вопросы в условиях, когда инвестиционная активность многих компаний невысока, а частные акционеры тех же компаний с государственным участием получают многомиллиардные доходы.

Наряду с этим государство оказывает значительную поддержку многим компаниям в виде взносов в их уставные капиталы. В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О Федеральном бюджете Российской Федерации на 2011 г. и на плановый период 2012–2013 гг.» в 2011 г. такие взносы составят более 125 млрд руб. Иными словами, в акционерные общества предполагается вложить в 1,6 раза больше бюджетных средств, чем получить доходов от уже находящегося в собственности государства имущества.

Необходимость такой поддержки со стороны государства национальной экономики и финансовой сферы, особенно в период кризиса, не вызывает сомнений. В то же время представляется, что нужны более ясные критерии

выбора предприятий, которым оказывается такая поддержка и обоснование выделения им бюджетных средств. Например, в указанной статье 11 федерального бюджета перечислено порядка 100 акционерных обществ, в которые предполагается вложить бюджетные средства. В ряде случаев их объем не превышает 20–30 млн руб., что не может принести высоких доходов. Должен быть резко усилен контроль за адресностью и эффективностью использования этих средств. Известно немало примеров, когда государственные инвестиции используются не по целевому назначению или просто расхищаются¹.

Необходимо законодательно установить условия хозяйственной деятельности, при которых частные акционеры будут обязаны в полной мере разделить ответственность за финансовое состояние акционерных обществ, а доходы от прибыли и дивиденды по акциям будут распределяться, по меньшей мере, по четким критериям и в зависимости от степени участия.

Помимо перечисленных потенциальных источников дополнительных доходов бюджета, **огромным резервом высвобождения бюджетных средств является более эффективное и рациональное их использование.**

Ежегодно бюджет фактически «теряет» огромные средства из-за неэффективной и плохо контролируемой системы госзаказа. В частности, при организации закупок для государственных нужд отсутствует «сквозной» мониторинг закупочных цен и анализ результатов исполнения контрактов. По оценкам, приведенным начальником Контрольного управления Администрации Президента К.А.Чуйченко на совещании по вопросам исполнения поручений Президента РФ (29 ноября 2010 г.), экономический эффект от очищения системы госзаказа от «откатов» и различных «порочных» закупок может составить более 1 трлн руб. в год. Фактически это пятая часть общей суммы госзаказа за 2010 г., которая превысила 5 трлн руб., затраченных из бюджетов разных уровней. В сфере госзакупок работают порядка 260 подрядчиков и поставщиков. Ежегодно с ними заключается более 10 млн контрактов.

Многочисленные нарушения в финансово-бюджетной сфере ежегодно выявляются и в результате проверок, проводимых Счетной палатой. В 2010 г. таких нарушений было выявлено на 483,9 млрд руб. против 238,3 млрд руб. в 2009 г. При этом нарушения касаются не только средств, напрямую связанных с бюджетом, но и внебюджетных фондов. Эти ежегодно теряемые бюд-

¹ О неудовлетворительном положении дел в сфере управления государственной собственностью и наличии множества нарушений действующего законодательства свидетельствуют и материалы Отчета Счетной палаты по результатам проверки в феврале–июне 2010 г. Росимущества.

жетом средства также могут рассматриваться как колоссальный резерв бюджетного финансирования и приносить дополнительные доходы государству.

Зарубежный опыт (в частности, США, Франции, Канады) показывает, что создание отлаженной и жестко контролируемой федеральной контрактной системы позволяет успешно пресекать коррупционные схемы. В настоящее время в Минэкономразвития ведется работа по кардинальной перестройке организации госзакупок для того, чтобы выстроить единую систему, дающую цельное представление о прогнозе закупок для государственных нужд, о прохождении и размещении госзаказа на всех стадиях, включая учёт и контроль исполнения государственных контрактов. Это поможет более четко отслеживать, на что и как тратятся бюджетные деньги и повысит экономическую отдачу от расходования бюджетных средств.

Развитие инновационных малых и средних компаний – необходимое условие инновационного развития. Успешное будущее России и укрепление ее позиций на мировой арене напрямую зависят от того, насколько успешно будут мобилизованы качественно новые факторы экономического роста, базирующиеся преимущественно на интеллектуальном потенциале. Поэтому в настоящее время стратегическим ориентиром развития страны является переход от энерго-сырьевого типа экономики к инновационному. Эта задача четко поставлена в ноябрьском Послании Президента России Федерации Федеральному Собранию и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р. Концепцией, в частности, предусмотрено повышение доли инновационного сектора в валовом внутреннем продукте с 10–11% до 18% в 2020 г.

Важную роль в трансформации отечественной экономики предстоит сыграть малому и среднему бизнесу. Мировой опыт показывает, что перевод экономики на инновационные рельсы неразрывно связан с развитием этого важного сектора экономики. В развитых странах он является мощным «локомотивом» инноваций и вносит весомый вклад в экономику. В Европе малый бизнес формирует около 50% ВВП, в США – до 53%, а в высокотехнологичной Японии – свыше 70%. В этих странах представители малого предпринимательства и независимые изобретатели выдают до 90% новаций и прорывных технологических разработок.

В России вклад малого и среднего бизнеса в ВВП страны не превышает 13–14%. Доля инновационных предприятий в этом секторе экономики по разным оценкам составляет от 1,5 до 3%.

В России, к сожалению, до сих пор не внедрены эффективные инструменты финансового стимулирования предприятий, осваивающих новые технологии, отсутствуют необходимые налоговые преференции для инвесторов, слабо работают механизмы венчурного финансирования, удовлетворительно не решена проблема защиты интеллектуальной собственности.

Малый инновационный бизнес помимо трудностей, характерных для всего малого предпринимательства, испытывает и специфические сложности, характерные для этой сферы. Это в большинстве случаев отсутствие собственной опытно-экспериментальной и исследовательской базы, экономических механизмов введения результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот, нехватка высококвалифицированных менеджеров, способных вести инновационные проекты, технологические и специфичные рыночные риски.

В российском законодательстве до сих пор нет базового федерального закона, регулирующего правоотношения в сфере инноваций. Формирование эффективной программы инновационного развития страны невозможно в условиях, когда такие базовые понятия, как «инновационная политика», «ориентированные фундаментальные исследования» и др. законодательно не определены. Из-за отсутствия правовой ясности в таких ключевых понятиях, как «инновации» и «инновационная деятельность», трудно обоснованно определить, какие предприятия и виды деятельности следует относить к инновационным. Это приводит к множеству межведомственных разногласий, значительно тормозит процесс перехода российской экономики на инновационный путь развития.

Пытаясь выстроить региональную законодательную базу по поддержке инноваций в малом бизнесе, законодатели в субъектах федерации сталкиваются с серьезной проблемой: базовый федеральный закон №209-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» не дает четкого определения понятию «инновационное» малое или среднее предприятие. Вместе с тем ст. 22 этого закона содержит ряд мер по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства.

В регионах предпринимаются попытки выстроить свою законодательную и нормативную базу по поддержке инновационных предприятий, в том числе малых и средних. Однако существующие законы субъектов федерации разобщены, содержат различный понятийный аппарат. Формы и методы поддержки инноваций также существенно различаются.

В настоящее время перед Федеральным Собранием и Правительством России остро стоит задача подготовить «законодательный каркас» инновацион-

ного развития страны и разработать необходимое для этого нормативное обеспечение. Основа для выполнения этой задачи в российском законодательстве есть. В последние годы приняты десятки новых законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации. К числу основных документов, регламентирующих деятельность в области управления инновациями в стране, относятся:

- Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу;
- Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г.;
- Федеральный закон №127-ФЗ от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике» с изменениями и дополнениями;
- Федеральный закон №116-ФЗ от 22 июля 2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;
- Федеральный закон №195-ФЗ от 19 июля 2007 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности»;
- Федеральный закон №217-ФЗ от 2 августа 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», предусматривающий создание при бюджетных вузах и научных центрах малые предприятия;
- Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. №244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"».

Президентом Российской Федерации раз в четыре года утверждаются приоритетные направления развития науки, технологий и техники, а также Перечень критических технологий Российской Федерации. Министерством образования и науки Российской Федерации в 2007 г. разработан проект долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 г., выстроены национальные приоритеты научно-технологического развития.

В настоящее время в Государственной Думе находится на рассмотрении законопроект №495392-5 «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации», который определяет цели, принципы

и методы государственной инновационной политики, а также устанавливает формы и инструменты стимулирования инновационной деятельности в Российской Федерации. Принятие законопроекта будет стимулировать развитие малого и среднего инновационного предпринимательства в Российской Федерации.

Представляется необходимым также в ближайшие сроки доработать и утвердить «Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.», определяющую направления развития инновационной инфраструктуры.

Очень важно консолидировать усилия государственных и муниципальных органов управления, науки и бизнеса. Объединить их в единую национальную инновационную систему и выработать меры её государственной поддержки, к которым относятся: прямое бюджетное финансирование; льготное налогообложение, предоставление льготных кредитов, организация и содействие в развитии венчурных фондов.

Большие перспективы лежат в сфере создания специальных институтов развития, в том числе, особых экономических зон (ОЭЗ) и технологических парков (технопарков)¹. Подобная практика широко распространена в развитых странах и демонстрирует высокую эффективность в процессе коммерциализации знаний и перспективных технологических разработок.

Законодательство, регламентирующее создание и развитие технопарков в России нуждается в серьезной доработке. В частности, представляется целесообразным законодательно закрепить само понятие «технопарк», определить их классификацию и единую методологию работы, а также создать полную базу данных резидентов таких структур и услуг, которые им оказываются.

Особого внимания требуют проблемы недостаточного доступа к финансовым ресурсам и низкого уровня спроса на высокотехнологичные продукты внутри страны. Необходимо развивать в регионах небанковской сектор кредитования, в том числе микрофинансирование, а также создавать стимулы для привлечения малых инновационных компаний в производственную деятельность крупных промышленных предприятий.

Модернизация жилищно-коммунальной сферы – важнейший фактор формирования комфортной среды обитания. Жилищно-коммунальная сфера является важнейшим фактором повседневной жизни че-

¹ Технопарки могут функционировать как на территории ОЭЗ, так и автономно.

ловека, формирующим условия для его нормального развития и удовлетворения основных потребностей. От состояния жилищных условий напрямую зависит комфортность среды обитания, а значит, и качество жизни людей. В этой связи модернизация ЖКХ и приведение основных фондов в рабочее состояние является одной из наиболее приоритетных задач, стоящих сегодня на повестке дня.

Реформа в этой сфере продолжается уже почти 20 лет, однако пока кроме формирования класса собственников жилья и определённого прогресса в развитии жилищного самоуправления позитивных процессов не наблюдается. Более того, по оценкам специалистов, ещё 5–7 лет бездействия – и Россию накроет вал техногенных аварий и катастроф.

Исправить ситуацию может только реализация комплекса мер, нацеленных, прежде всего, на приток финансовых ресурсов в жилищно-коммунальную сферу и радикальное обновление фондов. По данным Министерства регионального развития Российской Федерации, только на то, чтобы довести ЖКХ до нормального состояния, требуется около 6 трлн руб. Это больше половины расходной части федерального бюджета. На модернизацию комплекса нужны ещё более значительные суммы.

«Потянуть» такие затраты в состоянии лишь частный капитал при непосредственной поддержке государства. Но для его притока должны быть созданы нормальные условия работы, здоровая конкурентная среда, чётко отрегулированная нормативно-правовая база. Частные долгосрочные инвестиции могли бы не только решить проблему модернизации ЖКХ, но и существенно разгрузили бы федеральный и региональный бюджеты.

На сегодняшний день серьёзнейшей проблемой, которая отпугивает добросовестный бизнес от прихода в ЖКХ и требует безотлагательного решения, является высокая изношенность коммунального оборудования.

По данным Министерства регионального развития Российской Федерации, мощности ЖКХ изношены до предела: физический износ котельных достиг 55%, коммунальных сетей водопровода – 65%, электрических сетей – 58%, водопроводных насосных станций – 65%, канализационных насосных станций – 57%, очистных сооружений водопровода – 54% и канализации – 56%. По отдельным муниципальным образованиям износ коммунальной инфраструктуры составляет 70–80% и увеличивается на 2–3% в год. Около 30% основных фондов ЖКХ полностью отслужили нормативные сроки.

Результатом деградации жилищно-коммунальной инфраструктуры являются огромные потери энергетических ресурсов и рост аварий на комму-

нальных сетях. В системах водоснабжения ежегодно происходит около 195 тыс. аварий, в системах канализования – около 40 тыс.

По оценкам экспертов, удельные эксплуатационные затраты российских предприятий ЖКХ в 3–4 раза выше, чем в Европе, а потенциал энергосбережения составляет порядка 100 млн т условного топлива в год. Это около 50 млрд долл. в денежном эквиваленте или порядка одной пятой доходов федерального бюджета.

Потери коммунальных ресурсов, которые оплачивают потребители, в системах водоснабжения составляют около 20%, в электроэнергетике – 15%, в системах теплоснабжения – до 40%.

Активному привлечению частного бизнеса в сферу обслуживания жилищно-коммунального фонда также препятствуют искусственные административные барьеры, которые имеются во многих муниципальных образованиях. Несмотря на все разговоры о необходимости «разгосударствления» отрасли и перевода её на рыночные правила работы, монополизм остаётся острой проблемой рынка жилищно-коммунальных услуг.

Формально большинство управляющих компаний не является государственными или муниципальными предприятиями. Они приватизированы, а организационная форма собственности, как правило, – открытое акционерное общество. Однако в реальности они зачастую аффилированы с местными чиновниками и остаются монополистами, навязывая потребителям завышенные тарифы.

Для местных властей приход добросовестного бизнеса в сферу ЖКХ означает лишение традиционных «левых» источников дохода и возникновение угрозы раскрытия фактов коррупции и нецелевой растраты бюджетных средств. Многочисленные случаи выстраивания искусственных административных барьеров перед частным бизнесом, проведения нечестных конкурсов по отбору управляющих компаний, применения различных методов давления на независимых предпринимателей давно уже стали достоянием общественности.

Такая же ситуация складывается с развитием жилищного самоуправления. С одной стороны, создание товариществ собственников жилья выгодно для местных властей и позволяет муниципальному образованию участвовать в программе Фонда содействия развитию ЖКХ. С другой стороны, согласно Жилищному кодексу РФ, ТСЖ наделяются большим объёмом прав и могут не только самостоятельно выбирать поставщиков жилищно-коммунальных услуг, но также распоряжаться и получать доходы от сдачи нежилых помещений, использования придомовых территорий. В связи с этим повсеместно стала распространяться практика создания глобальных или фальшивых

ТСЖ, которые объединяют сотни домов, находясь при этом под контролем заинтересованных лиц.

Несмотря на негативные факторы, большинство модернизационных проектов в сфере ЖКХ, по экспертным оценкам, является коммерчески выгодными, а создание условий для притока частных инвестиций и развития здоровой конкуренции могло бы кардинально изменить финансовое положение отрасли. Но для того, чтобы жилищно-коммунальная сфера стала привлекательной для инвесторов, должны быть приняты комплексные меры.

1. Необходимо выстроить систему долгосрочного тарифного регулирования и создать условия для реализации долгосрочных инвестиционных программ.

Процедура утверждения тарифов на услуги ЖКХ в нашей стране является непрозрачной, и предсказать уровень их роста практически невозможно. Так, в 2010 г. в 1400 муниципальных образованиях тарифы повысились более чем на 25%, в целом по стране – на 13,5%. Стоимость жилищно-коммунальных услуг в расчёте на одного человека достигла 1,4 тыс. рублей и, по сути, оказалась неподъёмной для значительной части населения. Результатом этого стало то, что собираемость платежей за жилищно-коммунальные услуги в 2010 г. существенно снизилась, а задолженность населения превысила 190 млрд руб. Для эффективного и прогнозируемого развития сферы жилищно-коммунального хозяйства модель линейного роста тарифов при сохранении закрытой системы их формирования является неприемлемой.

Инвестиции в сферу ЖКХ подразумевают вложение «длинных денег» (минимум на 10 лет), поэтому формирование тарифов должно осуществляться по понятным для всех правилам и минимум на три года. Применение долгосрочных тарифов стимулирует организации жилищно-коммунального комплекса к сокращению затрат, в том числе, за счёт снижения потерь ресурсов, а также снизит риски инвестирования.

2. Необходимо принять дополнительные меры стимулирования частного бизнеса. В частности, в ЖКХ должна активнее развиваться практика заключения концессионных соглашений. Переход от договоров аренды к концессионным соглашениям в системах коммунальной инфраструктуры, с одной стороны, позволит сохранить в государственной и муниципальной собственности системы жизнеобеспечения, с другой – максимально защитит вложения инвесторов.

Кроме того, государству следует предусмотреть меры налогового стимулирования бизнеса. Для привлечения инвестиций в эту сферу необходимо использовать такие распространённые инструменты, как налоговые льготы, субсидирование ставок по кредитам на модернизацию ЖКХ и др.

3. Необходимо радикально усиливать ответственность и повышать прозрачность работы чиновников и управляющих компаний в сфере ЖКХ. Согласно ст. 7.22–7.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях максимальная сумма штрафа за нарушение нормативов обеспечения коммунальными услугами населения для должностных лиц составляет лишь 1 тыс. руб., для юридических лиц – 10 тыс. руб. Наказание за нарушение правил содержания и ремонта жилых домов для должностных лиц составляет 5 тыс. руб., для юридических лиц – 50 тыс. руб. Такие суммы вряд ли могут кого-нибудь напугать.

Помимо усиления ответственности чиновников за нарушение Жилищного кодекса, необходимо закрепить в нормативно-правовых актах единообразные требования к управляющим организациям и стандартам их деятельности. Должен быть разработан примерный договор управления многоквартирным домом, который может быть изменён только в части учёта объёма заказываемых услуг и работ.

Необходимо также установить требования и стандарты раскрытия информации жилищно-коммунальными организациями. Следует законодательно обязать компании, работающие в сфере ЖКХ, ежеквартально публиковать информацию о расходовании средств, поступивших от жителей. Это позволит потребителям гораздо эффективнее контролировать качество предоставления услуг.

Наконец, повышению прозрачности в формировании жилищно-коммунальных платежей граждан послужило бы установление единообразной формы платёжной квитанции. Информация, которая в них сегодня содержится, зачастую может быть понятна только высококлассным специалистам. В одних случаях, например, указываемая плата за горячее водоснабжение включает в себя плату за водоснабжение и подогрев воды. В других – объём подогреваемой воды учитывается вместе с холодной водой в разделе «холодное водоснабжение». Приведение всей этой информации к общим требованиям позволит значительно повысить информационную открытость работы жилищно-коммунальных служб, а значит, и в целом сделает сферу ЖКХ более понятной и прозрачной как для населения, так и для бизнеса.

Создание комфортных условий проживания – ключ к улучшению среды обитания и качества жизни граждан. Решение этой задачи возможно только при применении системного подхода, который должен предусмотреть развитие конкурентной среды в отрасли ЖКХ, приток частных инвестиций, повышение прозрачности работы организаций. Главная задача государства – не увеличивая расходы населения на оплату услуг ЖКХ, модернизировать жилищно-коммунальный комплекс и заставить его эффективно работать в интересах граждан.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА

По данным Всемирного экономического форума (ВЭФ, World Economic Forum), показатели глобальной конкурентоспособности государств определяются на основании факторов, число которых растет, что связано с усложнением международных экономических связей и экономик стран в целом. С начала 2000-х гг. число факторов конкурентоспособности стран увеличилось с 35 до 90. В 2006 г. по общему индексу глобальной конкурентоспособности Россия занимала 62-е место из 125 стран (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели конкурентоспособности государств

2006 г.*

Страна	Институты	Инфраструктура	Макроэкономика	Здоровье и начальное образование	Высшее образование	Эффективность рынка	Технология	Иновации
Россия	114 (2,97)	61 (3,52)	33 (4,95)	77 (6,29)	43 (4,44)	60 (4,20)	74 (3,10)	59 (3,28)
США	27 (4,85)	12 (5,82)	69 (4,37)	40 (6,60)	5 (5,82)	2 (5,67)	8 (5,49)	2 (5,72)
Япония	22 (4,97)	7 (6,11)	91 (4,05)	1 (6,98)	15 (5,54)	10 (5,23)	19 (5,21)	1 (5,90)
Франция	24 (4,91)	4 (6,25)	56 (4,55)	12 (6,92)	12 (5,57)	28 (4,83)	22 (4,81)	4 (4,80)
Италия	71 (3,66)	50 (4,00)	84 (4,21)	8 (6,93)	35 (4,77)	78 (4,02)	32 (4,43)	43 (3,50)
Великобритания	15 (4,84)	14 (5,82)	48 (4,67)	14 (6,89)	11 (5,57)	3 (5,63)	6 (5,56)	12 (4,89)
Германия	7 (5,69)	1 (6,51)	63 (4,44)	79 (6,37)	18 (5,42)	20 (5,09)	20 (5,16)	5 (5,51)
Китай	80 (3,51)	60 (3,54)	6 (5,72)	55 (6,44)	77 (3,68)	56 (4,22)	75 (3,07)	46 (3,44)
Швеция	12 (5,51)	9 (5,91)	15 (5,40)	9 (6,93)	3 (5,85)	19 (5,11)	1 (6,01)	6 (5,44)
Республика Корея	47 (4,18)	21 (5,38)	13 (5,48)	18 (6,85)	21 (5,38)	43 (4,39)	18 (5,32)	15 (4,71)
Норвегия	6 (5,71)	19 (5,41)	5 (5,80)	10 (6,93)	9 (5,64)	16 (5,16)	15 (5,32)	18 (4,59)

*В таблице указано место страны, в скобках – баллы.

Россия отставала от развитых стран мира по таким показателям, как общественные институты (114-е место), здоровье и общественное образование (77-е место) и технологии (74-е место). Уровень инфраструктуры в России оставляет желать лучшего (61-е место), а ведь именно неразвитость инфраструктуры является основным сдерживающим фактором развития экономики. Развитие инноваций, также находился на низком уровне по сравнению с представленными в таблице странами, и определил 59-е место России в мире, что во многом обуславливается сырьевой направленностью экономики страны. Эффективность рынка (другими словами, рыночная экономика) в 2006 г. оценивается как низкая (60-е место), хотя рынок в России уже сложился. Достаточно уверенно в табл. 1 выглядит показатель макроэкономической среды (33-е место, в то время как у США – 69-е, у Японии – 91-е), что было обусловлено ежегодным ростом ВВП в связи со сложившейся благоприятной конъюнктурой на мировых сырьевых рынках.

На федеральном уровне интересы страны часто подменяются лоббизмом интересов крупных компаний. В связи с этим стоит остановиться еще на одном аспекте экономической безопасности, назовем его пространственность. В Докладе ООН о мировом развитии за 2009 г. показано, что пространственное неравенство формируют три базовых фактора:

- density – пространственная концентрация населения и эффект масштаба (развитие городских агломераций);
- distance – экономическое расстояние, обусловленное не только внутриматериковым положением, удаленностью от глобальных и внутристрановых рынков, транспортными и транзакционными издержками в целом, но и слаборазвитой инфраструктурой;
- division – институциональные барьеры в широком смысле слова, в том числе барьеры границ (национальных, региональных, локальных), препятствующие проникновению товаров, услуг и инноваций; к ним можно отнести институциональные барьеры территориальной мобильности, социальных лифтов и доступности социальных услуг, повышающих человеческий капитал.

Снижение всех трех барьеров пространственного развития – это необходимое условие для дальнейшего развития территорий, однако трудность заключается в том, что эти барьеры долгосрочны и устойчивы по своему характеру. К пространственным барьерам достижения экономической безопасности России можно отнести обширность территорий с неблагоприятными условиями жизни и слаборазвитой инфраструктурой, низкую плотность населения и редкую сеть городов. Пространственные барьеры обусловлены со-

временным уровнем развития и имеют как объективные, так и субъективные факторы.

Состояние защищенности экономических интересов личности и общества, которое предполагает понятие экономической безопасности, в наибольшей степени связано сегодня с проблемой выживания. В условиях современного кризиса проблемы выживания населения усиливаются, что предопределяет опасность социальных конфликтов. Так, западные эксперты утверждают, что опасность социальных конфликтов сводится к минимуму, если доля населения, живущего ниже прожиточного минимума, составляет 8%, а разрыв между доходами богатых и бедных не превышает 10 раз.

Сегодня по разным оценкам бедными в России считаются от 13% до 18% населения страны. Если Россию сравнивать сегодня с Европой, то большей разницы в этих показателях нет, около 17% населения стран ЕС находится сейчас за чертой бедности, а 10% не имеют достаточно денег, чтобы зимой отапливать свое жилье. Однако дело в том, что оценки бедности в Европе и России различны. Если использовать еврометодику применительно к нашей стране, то получим, что 40% населения России находятся за чертой бедности. Кроме того, значительная часть населения имеет среднедушевые доходы, лишь немного превышающие порог бедности. По мнению авторитетного исследователя доходов населения Н.М.Римашевской, доля бедных и маргиналов (уровень текущих денежных доходов в расчете на душу населения в месяц менее 60 долл.) во всем населении составляет 35%, низкообеспеченных (с уровнем текущих денежных доходов 120–160 долл.) – 30%¹.

Докризисная статистика уровня бедности в стране также была далека от идеальной. По данным Росстата, в 2006 г. бедными были 15,2% населения или 21,5 млн человек, а в 2005 г. – 17,7% или 25,2 млн человек. Что подтверждает тезис о серьезных нарушениях в обеспечении экономической безопасности государства до начала кризиса.

2009-й стал годом минимального уровня бедности за всю историю постсоветского развития. Данная ситуация стала возможной в результате роста пенсионного обеспечения и минимальной заработной платы: в начале 2009 г. минимальная заработная плата выросла в 2 раза, а средняя пенсия – в 1,77 раза. То, что бедность достигла минимума на фазе падения ВВП, создает риски для последующего развития. Ситуация усугубляется и тем, что доходы

¹ Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // «Социологические исследования». 2004, №4. С.33–34.

растут за счет социальных, а не рыночных источников денежных средств. В целом вектор социально-экономической динамики формирует серьезные риски для развития в ближайшей перспективе. Принимаемые государством меры в отношении населения нельзя назвать социально ориентированными и защищающими экономические интересы личности и общества в целом, так как происходит целенаправленное перекладывание социальных обязательств государства на плечи населения, и эта нагрузка растет более быстрыми темпами, чем доходы населения, и так продолжается уже 20 лет.

Превышение пороговых значений уровня бедности ведет к полному выпадению людей из социальной жизни и одновременно формированию обширного «социального дна», состоящего из обездоленных, обнищавших слоев населения. Обостряются противоречия между различными слоями общества. Социальные противоречия в обществе на сегодняшний день еще не приняли острой и открытой формы благодаря двум группам факторов: компенсирующему эффекту ряда институциональных нововведений и силе социальной инерции, позволяющей в течение определенного времени избегать открытого кризиса системы.

Кризис 2008–2010 гг. выявил несостоятельность системы экономической безопасности России. Общей целью реализуемой Правительством России и Центральным банком системы антикризисных мер является минимизация масштабов экономического кризиса и смягчение его последствий для населения и экономики. Правительство Российской Федерации определило семь приоритетов антикризисной программы: социальная защита граждан, сохранение промышленного и технологического потенциала экономики, активизация внутреннего спроса, соответствие антикризисных мер долгосрочным приоритетам развития страны, снижение административных барьеров для бизнеса, поддержка национальной финансовой системы и сдерживание инфляции. В общей сложности на реализацию антикризисных мер было зарезервировано 10 трлн руб. Эта сумма формировалась из средств Федерального бюджета, Центрального банка, резервных фондов.

Российская антикризисная программа вызвала бурные обсуждения. Эксперты указывали не только на имеющиеся в программе недостатки, но и на необходимость ее постоянной корректировки в связи с изменением текущей ситуации. В исследовании ОАО «Межрегионального аналитического центра» был сделан вывод о необходимости серьезной доработки антикризисных мер в силу того, что основными бенефициарами помощи являются исключительно представители крупного бизнеса, а сами меры в основном носят компенсационный характер и направлены на ограничение потерь крупных ком-

паний от кризиса, что, несомненно, в существенно меньшей степени стимулирует развитие потенциально конкурентоспособных компаний.

Депутат Государственной думы от партии «Справедливая Россия» О.Дмитриева, выступая с замечаниями по поводу антикризисной программы, высказала мнение, что «не все, что написано в плане, требует денег, а некоторые очень дорогостоящие меры, которые были реализованы, пропущены». По ее мнению, сомнительна эффективность расходов на борьбу с кризисом: «Кредитная система в условиях кризиса работает плохо, банки кредиты либо не дают, либо дают под очень высокие проценты. В такой ситуации попытки давать бюджетные деньги банкам, заставляя передавать их в реальную экономику через кредиты, – неэффективная растрата бюджетных ресурсов. Конечно, надо стимулировать банки кредитовать реальную экономику, но бюджетные средства в таких условиях, на мой взгляд, лучше всего использовать через традиционные бюджетные механизмы – прибегать к системе государственного заказа с авансированием. Бюджетные ресурсы надо прямо пускать на бюджетные цели».

По мнению президента Национального института системных исследований проблем предпринимательства, профессора А.Чепуренко, неэффективность антикризисных мер, прежде всего, связана с огромным вливанием кредитных ресурсов, что опустошает бюджет и резервный фонд, а сами кредитные ресурсы так и не доходят до реального сектора. По словам эксперта, необходимо перестать рассматривать бизнес как инструмент. Председатель подкомитета по информационной инфраструктуре Комитета по научно-техническим инновациям и высоким технологиям Торгово-промышленной палаты РФ заметил, что среди приоритетов антикризисной программы отсутствует такая мера, как бюджетные инвестиции в инфраструктурные проекты: «В условиях сокращения частных вложений в экономику бюджетные инвестиции в инфраструктуру играют ключевую стабилизирующую роль и закладывают фундамент для будущего роста. Активное использование этого антикризисного инструмента позволило Китаю – единственной крупной экономике мира – сохранить значительные темпы роста. Более того, в условиях кризиса китайское правительство дополнительно выделило на инфраструктурные проекты 590 млрд долл.». Поддерживая мнение эксперта, отметим, что в действительности только комплексные проекты, направленные на создание инфраструктуры, способны в краткосрочной и среднесрочной перспективе поддержать реальный сектор экономики (строительство жилья, запуск новых промышленных и сельскохозяйственных предприятий), создать тыся-

чи новых рабочих мест, снизить социальную напряженность в наиболее проблемных субъектах Российской Федерации.

Требуют особой корректировки и другие аспекты программы. Так, в программе отмечена недостаточность конкурентоспособности несырьевых секторов экономики, основными факторами которой являются сверхвысокие ставки по кредитам, постоянный рост цен и тарифов на услуги монополистов, высокие налоги, недостатки и дороговизна услуг всей производственной инфраструктуры, инфляция и т.п. Сюда же следует отнести несостоятельность существующей законодательной и исполнительной базы документов. Однако здесь приоритетность необходимо отдать таким факторам, как неразвитость предпринимательской среды. Не будет конкурентоспособным несырьевой сектор в неконкурентоспособной предпринимательской среде.

Следующий момент связан со снижением роли государства в развитии экономики по мере посткризисного восстановления и усилением роли частной инициативы. В программе установлено, что необходимо снижать объем государственного инвестирования, однако это не создаст условий для экономического роста в фазе посткризисного восстановления, поможет лишь увеличение объема госинвестиций и снижение поддержки банков, что должно стать главным условием антикризисной работы.

В программе косвенно указывается на то, что государство будет поддерживать граждан не путем предоставления им рабочих мест и повышения заработной платы, а путем оказания помощи безработным: выплаты пособий, задействования их на общественных работах, улучшения снабжения их лекарствами и т.д. На наш взгляд, цель государства в условиях кризиса не должна сводиться к общим фразам типа: «...усиление социальной защиты населения, повышение объемов и качества оказания социальных и медицинских услуг, улучшение ситуации с лекарственным обеспечением, особенно жизненно важными препаратами», а к конкретным предложениям по обеспечению граждан базовыми ценностями: занятостью, ростом уровня потребления, доступностью покупки жилья, образования, медицины, достойной пенсии по старости.

В программе антикризисных мер третьим приоритетом декларируется: «...активизация внутреннего спроса на российские товары как основы для восстановления экономического роста. Правительство Российской Федерации предпримет усилия, чтобы компенсировать сжатие рынков, ослабить зависимость от внешних факторов, максимально эффективно задействовать внутренние ресурсы». Важная роль при этом отводится государству в расширении внутреннего спроса (государственные инвестиции и государственные закуп-

ки) в сферах жилищного строительства, развития транспортной инфраструктуры, государственного оборонного заказа. Однако частный спрос (спрос на жилье, потребительские товары, услуги отечественного производства), как представляется, по мере восстановления экономики будет играть все большую роль. Поэтому рост частного спроса должен стать также важным антикризисным мероприятием для обеспечения стабилизации: для этого необходимы рабочие места и увеличение заработной платы в соответствии с мировыми стандартами.

Важным фактором эффективности антикризисных мероприятий является государственная политика в сфере тарифов на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий. Правительство декларирует, что будет сдерживать рост тарифов по сравнению с ранее запланированным графиком. По нашему мнению, недостаточно говорить только о сдерживании цен, скорее надо говорить о возврате цен и тарифов монополистов на уровень 2008 г. Рост цен в условиях кризиса, несомненно, может вызвать напряженную ситуацию в стране. Это касается и увеличения цен на продукты питания.

Расходы, которые правительство планирует направить на рост конкурентоспособности страны, не оправдывают себя. Так, на поддержку деловой активности в реальном секторе экономики выделено средств в 10 раз меньше, чем банкам. На субсидии предприятиям ОПК предполагается направить 15 млрд руб., на государственную поддержку экспорта – 6 млрд руб. Этой ничтожной суммы недостаточно для решения самой *главной стратегической задачи* страны – обеспечения роста конкурентоспособности в мировой экономике. Помощь реальному сектору должна возрасти в разы в соответствии с указаниями Президента РФ и председателя Правительства РФ. Центральным банком РФ должна быть оказана помощь средним и мелким банкам.

В 2009 г. были одобрены основные направления антикризисных действий Правительства РФ на 2010 г. В документе обобщены результаты антикризисной программы, отмечено, что российская экономика вышла из острой фазы кризиса, улучшилась ситуация на рынке труда, уменьшились масштабы безработицы. «Проводимая Правительством Российской Федерации антикризисная политика не только позволила предотвратить более глубокий спад, но и привела к сравнительно быстрому выходу экономики на положительные темпы роста. При этом положительные тенденции оживления экономики сопровождаются резким замедлением инфляции, что позволяет предположить, что рост является сбалансированным и не основан на появлении новых “пузырей” на отдельных рынках. Стабильной остается ситуация в социальной сфере – в результате проводимой антикризисной политики удалось предот-

вратить рост социальной напряженности, под контролем находится уровень безработицы».

В документе вместе с тем указывается, что положительные тенденции носили неустойчивый характер. Экономический рост и увеличение объема промышленного производства в одних секторах сочетаются с падением в других. Продолжается стагнация основных локомотивов устойчивого роста – инвестиционной и кредитной активности. Антикризисная политика Правительства Российской Федерации на первом этапе (конец 2008–начало 2009 гг.), в большей степени направлена на смягчение последствий воздействия кризиса на граждан и экономику, на предотвращение безвозвратных потерь промышленного и технологического потенциала. Это значит, что продолжение восстановительного роста в сложившейся экономической парадигме, во-первых, будет неустойчивым, поскольку внутренние риски российской экономики в краткосрочном периоде не устранены, во-вторых, – медленным, поскольку оно жестко «завязано» на восстановлении мировой экономики и, в-третьих, будет воспроизводить ту модель экономики, уход от которой был обозначен в качестве главного приоритета докризисной повестки дня Правительства РФ.

Оценка Правительства РФ своей антикризисной программы объективна и привязана к мнениям экспертов, хотя мнения экспертов были намного жестче. По их мнению, российская экономика процветала за счет притока долгового капитала, который использовался для приобретения активов, для их модернизации, и за счет выручки от экспорта сырьевых ресурсов. Только это давало достаточно мощный рост российской экономики. Если эти факторы убрать, роста не будет, что, собственно, мы и наблюдаем. По словам председателя правления ИНСОР, вице-президента Российского союза промышленников и предпринимателей В.Юргенса, действия правительства тактически верны, но они страдают отсутствием долгосрочного подхода, не учитывают в полной мере необходимость сохранения конкурентоспособности и сбалансированности российской экономики. По его словам, «рост роли государства в экономике, поддержка неэффективных компаний и ослабление рыночных институтов являются основными рисками как сегодня, так и в будущем».

Исходя из анализа основных приоритетов антикризисного развития, можно сделать следующий вывод. Антикризисная программа Правительства РФ – это программа купирования проблем, возникших во время кризиса, а не их решение.

Сегодня основные усилия государственного регулирования должны быть направлены на выявление критических на текущий момент проблем в

экономике и разработку дополнительных мер по их устранению. Основные проблемы – это проблемы, связанные с ситуацией в малом бизнесе и на рынке труда. И очень важно, чтобы политика на рынке труда позволяла обеспечить его мобильность, чтобы люди могли переходить в отрасли, способные развиваться. По данным исследования ОЭСР, наиболее эффективными в этом направлении оказываются программы, которые способствуют росту спроса в краткосрочном периоде и росту предложения в долгосрочном. Такие программы предусматривают государственные инвестиции в инфраструктуру, расходы на активную политику в области рынка труда, включая организацию принудительных курсов повышения квалификации, снижение налогов на доходы, особенно для малообеспеченных семей.

Важность вложений в инфраструктуру национальной экономики в России почему-то недооценена (не внесена в программу антикризисных мер). Хотя многие эксперты уверены, что вкладывать бюджетные средства в инфраструктуру более выгодно, чем тратить десятки миллиардов рублей на увеличение поддержки непрозрачным банковским структурам. Необходимо провести мониторинг инфраструктурных проектов и вложить бюджетные средства в наиболее актуальные из них. Увеличение финансирования в развитие инфраструктуры национальной экономики в разы увеличило бы темпы восстановительного роста.

Одним из ключевых факторов доверия к экономике и, следовательно, ее развития является устойчивость налогово-бюджетной политики. Это один из основных методов вмешательства государства в экономику с целью уменьшения колебаний бизнес-циклов и обеспечения стабильной экономической системы в краткосрочной перспективе.

Без осмысления причин и итогов кризиса невозможна стабилизация экономики, разработка мер и реформ, которые позволили бы предотвратить подобные кризисы в будущем. В этом и состоит еще одно направление антикризисных мер. При их разработке необходимо больше внимания уделять реформам финансового сектора. Некоторые исследователи обсуждают вопрос об изменении денежной политики (должна ли она реагировать на пузыри и в каких случаях), а также о необходимости механизмов страхования на случай повторения кризисов, подобных кризису доверия 2008 г., поскольку при современной сложности финансовых рынков полностью предотвратить кризисы не удастся.

Несомненно, что проблемы экономической безопасности и глобального кризиса определяют особое место прогнозов и сценариев развития госу-

дарства. Экспертное сообщество сошлось в едином мнении, что дно кризиса Россия уже прошла. Однако проявление первых признаков выхода из рецессии, таких, как рост ВВП и т.п., связывают не с эффективными действиями отечественного правительства, а с ростом цен на сырье, который предполагает рост экономической активности. При этом эксперты пока осторожны в оценках развития ситуации. С одной стороны, худшее позади, однако сценарии могут быть различными. Тем более что их существует несколько.

Академик С.Ю.Глазьев, рассуждая о возможных сценариях развития России, объясняет, что есть один сценарий, который наблюдается повседневно. Это сценарий дальнейшего втягивания в процесс неэквивалентного экономического обмена, который большинству нашего населения ничего хорошего не сулит, а в целом, с точки зрения воспроизводства человеческого фактора, предполагает только его деградацию. Этот обмен строится на экспорте сырья, и еще какое-то время сохранится экспорт мозгов, которые сегодня в тех же масштабах перекачиваются на Запад, как и стратегические природные ресурсы. Ущерб российской экономике от утечки умов в принципе сопоставим с ущербом от вывоза капитала и оценивается больше чем в 100 млрд долл. Поэтому целесообразнее предложить другой сценарий – не пассивного приспособления к экономической ситуации, а активной государственной политики и участия в экономике, мобилизации и удержания в стране тех экономических возможностей, которые еще есть у общества для обеспечения устойчивого экономического развития.

В рамках предлагаемого сценария развития огромный природный потенциал и огромный объем природной ренты должны использоваться для того, чтобы через институты развития (Российский банк развития, Бюджет развития в Государственном бюджете страны), через государственные целевые программы обеспечить крупномасштабное стимулирование прорывных направлений научно-технического прогресса. Кроме того, необходимо создать условия для «выращивания» мощных конкурентоспособных корпораций, которые способны с самого начала работать в условиях мирового рынка.

Если же взять за основу благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, то, по мнению ведущего эксперта ЦМАКП Д.Белоусова, существуют следующие три варианта развития российской экономики.

Первый – это либерально-консервативный вариант, который предполагает максимальное дерегулирование, привлечение прямых иностранных инвестиций. Иностранные компании предоставят России свои технологии и тем самым обеспечат выход на внешние рынки сбыта. Однако такой вариант су-

лит низкую устойчивость экономики, неизбежную при узких инвестиционных нишах, и предполагает невысокие темпы роста.

Второй вариант связан с постиндустриальным вариантом развития, который предполагает прямой выход на внешний рынок качественных человеческих ресурсов, качественного образовательного и научного потенциала. Но при таком варианте закономерно возникают сомнения: хватит ли этого для разогрева всей российской экономики.

И третий вариант – вариант индустриальной модернизации, который подразумевает развитие активного диалога государства и бизнеса, государства и экспертного сообщества, бизнеса и науки. При таком варианте необходимо сформировать субъект развития, нацеленный на обеспечение фронтальной модернизации, трансляции эффекта от прорыва на приоритетных направлениях до организации широких производств. Этот вариант имеет достаточно высокие риски. Это административные риски и вероятность получить одновременно дефицит бюджетных ресурсов и инвестиционный перегрев.

По мнению Д.Белоусова, именно третий сценарий развития сегодня возможен для России в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Единственный катализатор экономического роста – это инвестиции, приводящие к технологическим инновациям. Кроме того, содержательная экономическая политика (в рамках сценария индустриальной модернизации) невозможна без институционализации диалога между государством, бизнесом и экспертным и научным сообществом. Поддерживая точку зрения эксперта, отметим, что основные мероприятия по сценарию индустриальной модернизации необходимо проводить в таких направлениях, как координация макроэкономической и денежно-кредитной политики, усиление национальных регуляторов.

Интересно, на наш взгляд, мнение о перспективах выхода России из кризиса двух российских миллиардеров – Михаила Прохорова и Петра Авена. Первый настроен оптимистично: «Я очень оптимистично отношусь к будущему России, потому что я знаю российскую историю. Чем труднее ситуация, тем лучше для развития страны. Вот почему кризис для России – прекрасная возможность решить некоторые наши проблемы быстрее, чем можно было ожидать в хорошие времена». Второй считает, что мы находимся лишь в начальной фазе кризиса: «Мы находимся лишь в начале кризиса, отнюдь не в конце...». Единственная мера, которая может помочь в этой ситуации, по мнению Авена, – это массовая рекапитализация российских банков, подобная тем, что проводятся правительствами США и Великобритании. Но даже если она будет проведе-

на, быстрого восстановления экономики ждать не следует, считает предприниматель. И виновны в этом не олигархи, а российское правительство.

Наше мнение по данному вопросу таково: после того как фаза активизации кризисных процессов пройдена, Россию ожидает затяжная депрессия. И на протяжении ближайших 5–8 лет каждый следующий год для большинства населения будет хуже предыдущего. В 2008–2010 гг. просматривалась ситуация, когда государство, делая упор на антикризисные меры, «занималось спасением чьих-то личных капиталов и перераспределением собственности в пользу “своих” людей».

Сценарий выхода России из кризиса путем естественного отбора сегодня неуместен, так как он приведет к росту социального недовольства, вызванного банкротствами предприятий, в том числе градообразующих. Кроме того, прекращение существования некоторых отраслей российской промышленности может еще больше подорвать экономическую безопасность государства, которая и так находится на критическом уровне. Принимая во внимание мнения большинства экспертов, что дно кризиса нашей страной уже пройдено, напомним, что Россия сегодня находится в третьей фазе кризиса – фазе стабилизации. Эта фаза в теории характеризуется ростом промежуточного потребления в условиях адаптации бизнеса к функционированию в новых условиях, снижением реальных доходов населения, финансовой и валютной стабилизацией. На практике действительно просматривается небольшой, но все же рост промежуточного потребления и снижение реальных доходов населения. Но до стабилизации в финансовой и валютной сфере еще далеко.

В этих условиях представляется разумным действовать по сценарию «поддержки и развития возможностей», который направлен на обеспечение экономической безопасности страны путем формирования экономики, приближающейся к параметрам конкурентоспособности, диверсификации, инновациям, что позволит пройти кризис менее болезненно и выйти из него, повысив эффективность. В качестве основных инструментов управления при этом используются государственные кредиты на инвестиционные цели в ключевых отраслях, бюджетное финансирование приоритетных инфраструктурных проектов, налоговые льготы при реализации проектов повышения эффективности, обеспечение занятости через государственные программы инфраструктурного, в том числе дорожного и жилищно-коммунального, строительства, государственные закупки в ключевых отраслях (в частности, возможно формирование государственных резервов некоторых видов товаров).

Однако неперенное условие благополучного развития по этому сценарию – высококвалифицированные кадры у руля управления. Другими словами, необходимо научно обоснованное антикризисное управление, которое подразумевает использование в управлении совокупности методов, приемов, позволяющих распознавать кризисы, осуществлять их профилактику, преодолевать их негативные последствия, сглаживать течение кризиса. Методы антикризисного управления на уровне государственного регулирования включают: выработку нормативных и законодательных актов, определение направленной финансовой и социальной политики, содействие малому бизнесу, инновационной активности предприятий и конкурентоспособности страны на мировом рынке.

Проведенный анализ мероприятий Правительства России по преодолению последствий мирового финансового кризиса доказывает важность мониторинга основных показателей социально-экономического развития для предотвращения кризисных ситуаций и необходимость разработки грамотной и эффективной антикризисной экономической политики. Основой такой политики должна стать разработка точных индикаторов экономической безопасности, что, в свою очередь, является основным механизмом в обеспечении этой безопасности.

ДИНАМИКА ВЗГЛЯДОВ РОССИЯН НА РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Изучение взглядов россиян на роль государства в экономической и социальной сферах жизни общества является, безусловно, актуальной исследовательской задачей. Учитывая неоднозначное отношение населения страны к реформам, неоднородные оценки происходящего в обществе, важно понять, какой запрос в этих условиях россияне предъявляют к государству, что относят к его компетенциям, какие надежды на него возлагают.

Начнём с социальной сферы, установки по отношению к роли государства в которой формируют соответствующие запросы к проводимой социальной политике, а также оказывают влияние на оценку текущей ситуации и степени успешности в целом государственной политики. Данные показывают, что представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в сфере социальной политики выглядят следующим образом: государство должно обеспечить всем определённый минимум, а остального каждый должен добиваться сам. В настоящий момент такую точку зрения разделяют 45% населения (табл. 1).

Таблица 1

Представления россиян о роли государства в социальной сфере

2011 г., в %

Представления	%
Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый рассчитывает только на себя	2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	12
Государство должно обеспечить всем гражданам определённый минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	45
Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	41

Ответы россиян на этот вопрос показывают также, какие модели социального устройства оказываются для них совершенно неприемлемыми. Так, *поддержать либеральную модель социальной политики, при которой государство либо вообще не вмешивается в социальную сферу жизни общества, либо оказывает помощь только самым неблагополучным слоям населения, готова незначительная доля ответивших (всего 14%)*. Это не удивительно, если учесть, что для 65% населения, по их самооценке, будет сложно прожить без поддержки государства. При этом, хотя *модель, при которой всем обеспечивается минимум, а остального они добиваются сами, является приоритетным выбором российского населения, но лишь чуть меньшая доля россиян выступает за полное равенство всех граждан, которое должно обеспечить государство*.

Уже из этих данных видно, что установки россиян по отношению к государству и его компетенциям и обязанностям неоднородны и что в стране существуют группы с разными типами мировоззрения. Проанализируем подробнее, кто поддерживает ту или иную модель роли государства в социальной сфере.

За модели, при которых вмешательство государства в социальную сферу жизни общества вообще не предполагается или предполагается только помощь слабым и беспомощным, а все остальные не попадают под опеку государства и действуют сами, выступают в несколько большей степени те, кто считает, что их жизнь складывается хорошо (17% против 8% среди тех, кто считает, что их жизнь складывается плохо). Идея отсутствия государственного вмешательства или сведения его к минимуму также в большей степени характерна для тех, кто считает, что сможет обеспечить свою семью самостоятельно – 19% против 11% среди тех, кому сложно прожить без материальной поддержки государства. Нужно также отметить, что за эти модели чаще выступают жители средних по размеру поселений, в то время как жители мегаполисов и сёл дают оценки, соответствующие среднероссийскому уровню. Кроме того, наибольшая доля сторонников такого выбора наблюдалась в группе тех, кто находился в возрастной группе от 18 до 30 лет – т.е. наиболее экономически активной группе населения, кто, по всей видимости, меньше зависит от государства. Что касается уровня образования, то он не являлся дифференцирующим признаком при выборе моделей деятельности государства в социальной сфере – во всех группах, различающихся образовательным уровнем, доли выступающих за варианты либеральной модели были примерно одинаковыми.

Интересно посмотреть, чем отличаются две наиболее значительные по численности группы: приверженцев модели полного равенства всех граждан, обеспечиваемого государством, и тех, кто считает, что государство должно гарантировать всем только определённый минимум. Анализ показывает, что важным фактором здесь является возраст. Так, среди тех, кто старше 60 лет, доля сторонников всеобщего равенства превышает долю тех, кто выступает за обеспечение государством для всех лишь определённого минимума (49% против 37%), в то время как во всех остальных группах наблюдается противоположное распределение ответов. Таким образом, приверженцы полного равенства – это, прежде всего, пожилые россияне. Тип поселения также играет свою роль – наибольший запрос на полное равенство предъявляют жители ПГТ, в то время как в крупных городах и, как ни странно, сёлах больше сторонников активной роли самого человека в достижении определённых результатов.

Кроме того, большую поддержку модели полного социального равенства высказывают те, кто отмечает среди основных источников своих доходов трансферты от государства. Среди них 44% поддерживают такую модель, и 41% выступает за модель с обеспечением определённого минимума; в то время как среди тех, кто не зависит от государства с точки зрения источников дохода, эти доли составляют 39% и 47%, соответственно. Наконец, говоря о дифференциации предпочтений в зависимости от занимаемых структурных позиций, нужно сказать, что за полное равенство выступают, прежде всего, неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации, а за минимальные гарантии со стороны государства чаще, чем представители остальных групп, выступают руководители.

Посмотрим, менялись ли предпочтения населения, связанные с ролью государства в социальной сфере, в течение последнего десятилетия (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что *вариант полной независимости социальной сферы от государства в течение последних 10 лет стабильно привлекал лишь 2–3% населения. Для абсолютного большинства россиян такая модель нелегитимна. Помощь только слабым и беспомощным в течение последних лет набирала не более 12% сторонников, причём за последний год поддержка такой модели сократилась. Судя по данным, основное перераспределение голосов происходило вокруг двух наиболее популярных моделей: модели полного равенства и модели с гарантированным государством минимумом для всех. В настоящий момент вариант полного имущественного, правового, политического равенства приобрёл максимальное количество сторонников за последние 10 лет – сейчас его поддерживают 41% россиян.*

Рисунок 1

**Динамика представлений россиян
о роли государства в социальной сфере
2001–2011 гг., в %**

При этом поддержка варианта, при котором государством обеспечивается только определённый минимум, наоборот, сократилась – с 55% в 2001 г. до 45% в 2011 г., хотя этот вариант и остаётся пока преобладающим. Возможно, это частично связано с тем, что для населения остро стоит проблема не только имущественного неравенства, но и неравенства правового и политического характера, и россияне ждут решения этих проблем именно от государства. По крайней мере, именно обеспечение равенства всех перед законом большинство россиян назвали в качестве ключевой идеи для модернизации страны в 2010 г.

Что это означает? А то, что *рост надежд на государство может быть частично связан не столько с желанием населения «всё отобрать и поделить», сколько с обеспечением для всех россиян равенства возможностей, равенства перед законом, равенства в политических правах и свободах* – тех типов равенства, которые население пока не видит в реальности. Такая трактовка подтверждается и тем фактом, что россияне в своей массе всё же являются сторонниками общества равных возможностей, а не общества равных доходов. В течение последних 10 лет около 60% населения (и эта цифра стабильна) утверждают, что равенство возможностей для проявления способностей

каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни. При этом противоположного мнения придерживаются менее 40%.

Таким образом, можно говорить о том, что *россияне ждут от государства активной политики в социальной сфере. Однако цель её, по мнению наиболее многочисленной группы населения, состоит всё же не в обеспечении имущественного равенства, а в предоставлении всем гражданам страны равных возможностей для реализации своего потенциала, а также минимальных гарантий, которые могли бы подстраховать россиян в случае неблагоприятного развития ситуации в стране, проблем на рынке труда или неблагоприятной ситуации в их домохозяйствах.*

Как было показано выше, в течение последнего года запрос на активную роль государства в социальной сфере увеличился. Это подтверждается и данными о том, в каком обществе сейчас хотели бы жить россияне – обществе индивидуальной свободы или обществе социального равенства. В настоящий момент *о своём предпочтении общества социального равенства говорят 52% россиян, о предпочтении общества индивидуальной свободы – 19%.* Остальные затруднились дать ответ на этот вопрос.

Динамика ответов на данный вопрос показывает, что за последний год произошло значительное сокращение сторонников общества индивидуальной свободы. Однако часть из них не изменила своего мнения на кардинально противоположное, выразив чёткое желание жить в обществе социального равенства, а затруднилась с ответом, не имея возможности выбрать одну из двух предложенных позиций или предпочитая какую-то иную, третью альтернативу. По всей видимости, растёт запрос на более активные действия государства в социальной сфере, на меньшее неравенство в обществе, но при этом не на полную «уравниловку» по всем возможным жизненным параметрам.

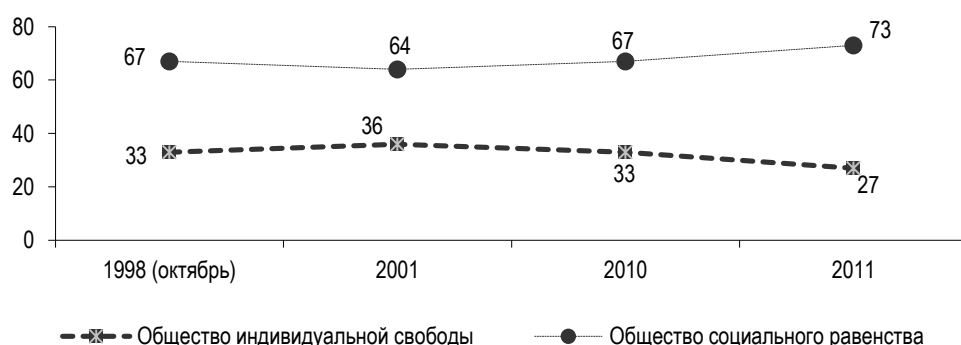
Посмотрим теперь, как менялось распределение ответов россиян при выборе между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства в течение пореформенных лет (рис. 2).

Из рис. 2 видно, что картина распределения ответов россиян в этом вопросе достаточно устойчива. Среди определившихся с ответом доля сторонников общества социального равенства стабильно составляет более двух третей населения, а за последний год произошёл её рост с 67% до 73%. Если же рассмотреть абсолютные, а не относительные доли выбравших тот или иной вариант ответа на этот вопрос, то становится ясен рост доли неопределённости для россиян в данном вопросе – за последний год снизилась и доля сторонников общества социального равенства, и доля тех, кто предпочитал общество социальной свободы.

Рисунок 2

**Выбор в дилемме «общество индивидуальной свободы–
общество социального равенства»**

1998–2011 гг., в % от определившихся с позицией в этом вопросе

Как было отмечено выше, россияне всё же не являются убеждёнными сторонниками полного равенства — однако, по всей видимости, и общество индивидуальной свободы также вызывает у части из них скорее негативные эмоции, ассоциируясь со вседозволенностью (что неудивительно, так как 64% россиян понимают свободу именно как возможность быть самому себе хозяином). Оптимальной им представляется модель, где индивидуальная свобода каждого всё же ограничивается государством, которое при этом предоставляет всем минимальные, но подтверждённые гарантии, а равенство всех граждан перед законом позволяет каждому добиваться больше этого минимума в соответствии с индивидуальными желаниями и возможностями.

Кратко отметим, что при ответе на этот вопрос важным фактором был возраст респондентов. Так, среди тех, кому в момент опроса было от 18 до 25 лет, 31% выбрали общество социальной свободы, а 35% — общество социального равенства. При этом среди тех, кто был старше 60 лет, эти доли составили 10% и 66%, соответственно. Кроме того, значительно дифференцировались ответы и в зависимости от оценок россиянами их жизни: среди тех, кто считал, что в настоящий момент их жизнь складывается хорошо, 26% предпочли общество индивидуальной свободы и 44% — общество социального равенства; в то время как среди тех, кто считал, что их жизнь складывается плохо, эти доли составили 8% и 67%, соответственно. Таким образом, *запрос*

на социальное равенство предъявляют, прежде всего, пожилые россияне, а также те, кто не удовлетворён своей жизнью.

Какова, по мнению населения, должна быть при этом роль государства в экономической сфере жизни общества? Учитывая сказанное выше, не удивительно, что большинство россиян видит роль государства в экономике как ключевую. *Модель экономической сферы жизни общества, получающая поддержку наибольшей части россиян, – государство, которое восстановит государственный сектор, расширив при этом экономические возможности для населения. Классическая рыночная экономика, при которой вмешательство государства сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным акторам, практически не поддерживается россиянами – за последние 10 лет доля выбирающих такую модель не превышала 10% (табл. 2).*

Таблица 2

Тип государства по отношению к экономике, в наибольшей степени отвечающий интересам России 1994–2011 гг., в %

Типы государства	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	16	18	28
Государство, которое своё вмешательство в экономику сведёт к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Как видно из приведённых данных, население страны оказывается, с одной стороны, достаточно неоднородным по своим представлениям о надлежащей роли государства в экономике: ни один из вариантов ответа не был поддержан более чем половиной населения. С другой стороны, *модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определённый консенсус. При этом 41% населения поддерживает экономику, основанную на государственной собственности, но с элементами рыночной экономики; 28% выступают за плановую экономику с централизованным регулированием и контролем над ценами.*

Наконец, 22% россиян считают, что тип государства в экономике не так важен – главное, чтобы в стране был сильный лидер, который взял бы на себя всю ответственность за происходящее в стране.

Среди групп, чей доход не превышает медианного для страны, ярче выражен запрос на полностью централизованную экономику или на сильного лидера, проводящего решительную политику. Среди тех, чей доход выше медианного, выше и запрос на восстановление государственного сектора при расширении возможностей для активности населения. Так, среди наименее обеспеченных россиян (тех, чей доход не превышал половины медианы), запрос на централизованную экономику предъявляют 34%, на сильного лидера – 27%, на смешанный тип экономического регулирования – 27%. В группе тех, чей доход был более двух медиан, эти доли составляли 22%, 15% и 53%, соответственно.

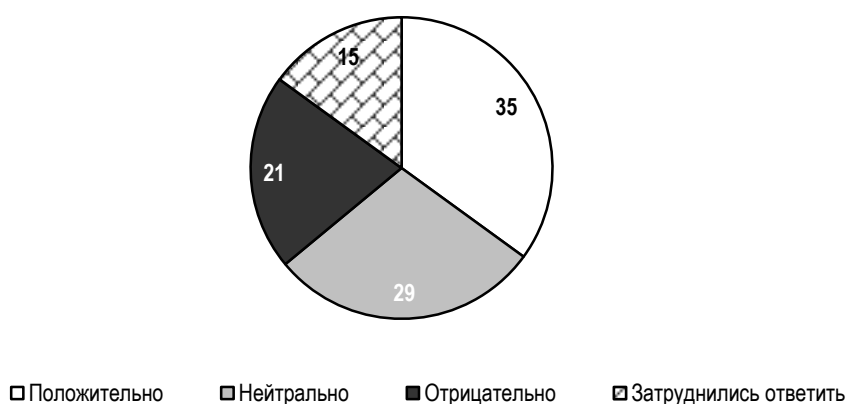
Запрос на смешанный тип регулирования экономики возрастает с ростом уровня образования: так, среди тех россиян, кто получил лишь начальное или неполное среднее образование, он составлял 26%; среди имеющих среднее или среднее специальное образование – 37%; среди имеющих высшее образование – 50%; а среди тех, у кого два высших образования – 59%. Среди наименее образованных респондентов при этом выше запрос на сильного лидера и проведение решительной политики вне зависимости от экономического строя в стране.

Запрос на свободную рыночную экономику оказывается максимальным в самой молодой когорте россиян – среди тех, кто моложе 25 лет. В этой возрастной группе такой тип экономической системы поддержали бы 14%. Среди пожилых россиян достигает максимума доля тех, кто выступает за централизованную экономику – среди тех, кто старше 60 лет, она составляет 33%. Однако для всех возрастных когорт преобладающим вариантом остаётся смешанная экономика с доминирующей ролью госсектора.

Продолжая обсуждение запроса россиян на роль государства в экономике, интересно проанализировать их отношение к введению в России такого элемента свободной рыночной экономики, как частная собственность. В свете сказанного выше естественно, что даже в настоящий момент каждый пятый россиянин (21%) отметил, что в своё время (в начале 1990-х гг.) отнёсся к этому негативно. Положительное отношение к введению частной собственности сейчас высказывает чуть более трети населения страны (35%), остальные занимают нейтральную позицию (29%) или затрудняются с оценкой (15%) (рис. 3).

Рисунок 3

Отношение россиян к введению в стране частной собственности
2011 г., в %

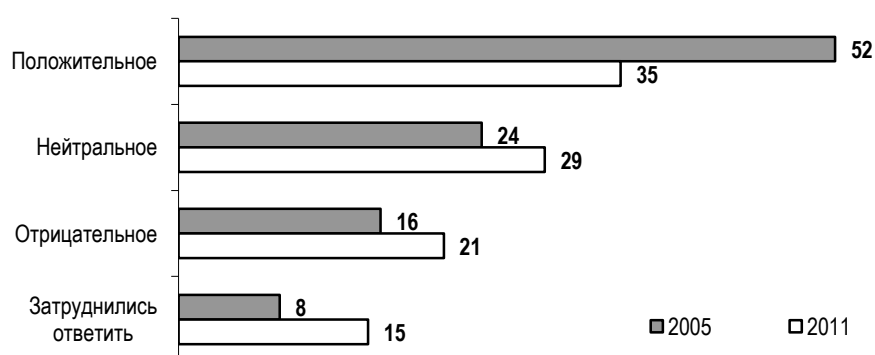
Положительное отношение к введению в стране частной собственности значительно возрастает с ростом уровня образования (среди имеющих образование ниже среднего положительное отношение к её введению высказывают 24%, среди имеющих высшее образование – 41%). Не менее значимым дифференцирующим фактором выступает и возраст – среди тех, кто моложе 25 лет, положительно относятся к введению частной собственности 50%, а среди тех, кто старше 60 лет, эта доля более чем в два раза ниже и составляет 22%. Значимы различия между группами с разным уровнем дохода – поддерживают введение в России частной собственности 20% среди имеющих менее половины медианного дохода и 52% тех, чей доход превышает две медианы. Кроме того, логично, что положительно относятся к частной собственности в стране 48% считающих, что их жизнь складывается хорошо, и 23% оценивающих свою жизнь как плохую.

Показательно, что по сравнению с 2005 г. поддержка населением введения в России частной собственности снизилась. Тогда более половины россиян высказывали положительное отношение к частной собственности, в то время как доля тех, кто относился к этому факту отрицательно, составляла только 16% (рис. 4).

Рисунок 4

Динамика отношения россиян к введению в стране частной собственности

2005 и 2011 гг., в %

Таким образом, среди населения возрастает не только запрос на ведущую роль государства в экономике, но и недовольство наличием частной собственности, распределение которой представляется нелегитимным и приводит к росту негативного отношения к частной собственности вообще.

Такие выводы подтверждаются, в частности, и динамикой отношения россиян к людям, которые разбогатели за последнее время. Хотя около трети респондентов утверждают, что относятся к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным, каждый четвертый отмечает, что испытывает по отношению к разбогатевшим россиянам неприязнь и подозрение, причем эта доля возросла по сравнению с данными десятилетней давности (рис. 5).

Из рис. 5 видно, что наибольшие изменения в отношении россиян к людям, разбогатевшим за последние годы, произошли по варианту ответа «с подозрением, неприязнью». При этом несколько сократилась доля относящихся к разбогатевшим людям так же, как и ко всем другим, а также тех, кто относится к ним с презрением. По остальным позициям колебания были незначительны.

Продолжая анализ роли государства в экономике в представлении россиян, посмотрим, управление какими организациями население хотело бы видеть в руках государства, а какие отнесло бы в сферу компетенций частного сектора (рис. 6).

Рисунок 5

Динамика отношения россиян к людям, разбогатевшим за последние годы
2001 и 2011 гг., в %

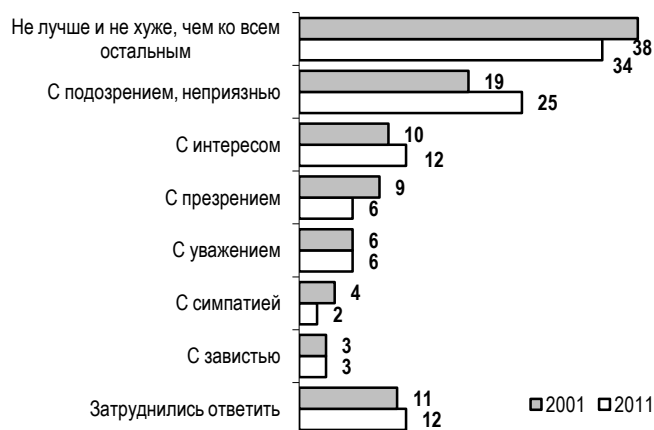
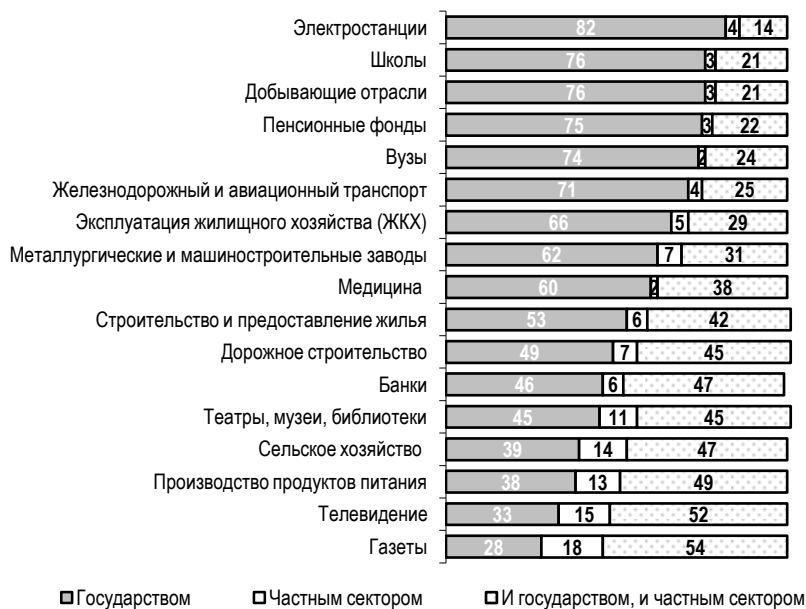

Рисунок 6

Какие организации должны управляться государством, а какие частным сектором
В %

По распределению ответов на этот вопрос видно, как должна выглядеть структура управления экономической и социальной жизнью общества в восприятии россиян и как должны быть, в их глазах, распределены полномочия между государственным и частным секторами. *Более 70% респондентов считают, что экономические структуры, связанные с природными ресурсами страны (электростанции, добывающие отрасли), транспорт, а также структуры, связанные с высшим и средним образованием (школы, вузы) и пенсионные фонды должны управляться исключительно государством.* От половины до двух третей россиян поддерживают исключительно государственный контроль сферы строительства, предоставления и содержания жилья (ЖКХ), заводов тяжёлой промышленности (машиностроение, металлургия) и медицины. По таким организациям и сферам, как дорожное строительство, банки, театры, музеи, библиотеки, доля тех, кто выступает за государственное управление, близка к доле тех, кто поддерживает совместное регулирование их как государством, так и частным сектором. Наконец, в управлении сельским хозяйством, производством продуктов питания, а также СМИ (газеты, телевидение) население хотело бы видеть как государственный, так и частный сектор.

Наибольшая доля сторонников только частного управления наблюдалась в оценке регулирования СМИ, но и там она не достигала даже пятой части населения. Таким образом, эти данные также подчёркивают уже отмеченную выше *склонность населения страны отводить ведущую роль в экономике государству, которая, однако, по их мнению, не должна полностью сводиться к централизованному плановому хозяйству и частично совмещаться с частным сектором.*

Посмотрим, произошли ли за последнее десятилетие какие-либо значимые изменения в распределении мнений по этому вопросу (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что основные изменения, произошедшие за последние 10 лет, касались, прежде всего, повышения запроса на роль государства в управлении организациями в сфере транспорта, производства продуктов питания, медицины, а также в сфере образования (школы и вузы). При этом на 5% или более снизились запросы на роль государства в управлении пенсионными фондами, электростанциями, металлургическими и машиностроительными заводами; хотя доля тех, кто и сейчас поддерживает исключительно государственное управление организациями, работающими в этих сферах, остаётся высокой, составляя три четверти и более.

Представления россиян о роли государства в социальной и экономической сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня об-

разования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на ведущую роль государства в этих сферах всё же является преобладающим практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

Таблица 3

Какие организации должны управляться государством

2001 и 2011 гг., в %

Организации	2001	2011
Транспорт	49	71
Производство продуктов питания	23	38
Медицина	50	60
Вузы	70	74
Школы	73	76
Эксплуатация жилищного хозяйства	63	66
Банки	47	46
Газеты	29	28
Телевидение	35	33
Театры, музеи, библиотеки	48	45
Добывающие отрасли	80	76
Пенсионные фонды	80	75
Электростанции	89	82
Металлургические и машиностроительные заводы	72	62

НЕРАВЕНСТВО КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Социальные индикаторы качества и уровня жизни. *Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)* представляет собой общепризнанный и широко используемый в международных сопоставлениях обобщающий показатель качества и уровня жизни. Составными элементами ИРЧП являются следующие индикаторы: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень грамотности взрослого населения, совокупный валовой коэффициент поступивших в учебные заведения, ВВП на душу населения (по ППС в долл. США)¹. В нашей стране ИРЧП официальной статистикой не определяется. Эксперты пользуются данными Программы развития ООН (ПРООН) и самостоятельно определяют ИРЧП для российских регионов.

ИРЧП определяет уровень средних достижений по трем основным направлениям в области развития человеческого потенциала – здоровью и долголетию, знаниям и достойному жизненному уровню².

К российским регионам эксперты рекомендуют применять следующую классификацию:

- с наиболее высоким ИРЧП: выше 0,9;
- с высоким ИРЧП: 0,8–0,9;
- со средним ИРЧП: 0,75–0,8;
- с низким ИРЧП: 0,7–0,75;
- с наиболее низким ИРЧП: менее 0,7³.

¹ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие. 2-е изд., дополн. и перераб. М., 2008.

² Human Development Report 2009. Overcoming barriers: Human mobility and development. <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/>.

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. http://www.undp.ru/nhdr2010/National_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf.

Уровень абсолютной бедности по доходам отражает долю населения со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума (принятая в России официальная черта бедности).

Уровень относительной бедности по доходам отражает долю населения со среднедушевыми денежными доходами ниже 60% медианного дохода (дохода, делящего население страны пополам – черта бедности, принятая в международных сопоставлениях, в том числе проводимых Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)).

Российские регионы можно классифицировать по уровню бедности следующим образом:

- с низким уровнем бедности по доходам – в 1,5 и более раза ниже среднего российского значения;
- со средним уровнем бедности по доходам – в пределах 1,5 раза выше или ниже среднего российского значения;
- с высоким уровнем бедности по доходам – в 1,5 и более раза выше среднего российского значения.

Коэффициент Джини характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов от их равномерного распределения.

Во Всероссийском центре уровня жизни (ВЦУЖ) разработаны следующие стандарты допустимых значений коэффициента Джини¹:

- ВРП по ППС менее 10 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС от 10 до 20 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,38;
- ВРП по ППС от 20 до 30 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС более 30 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,33.

Коэффициент фондов характеризует степень экономического расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

По аналогии с уровнем бедности российские регионы целесообразно следующим образом классифицировать по стандартам коэффициента фондов:

- с низким коэффициентом фондов – в 1,5 и более раза ниже среднего российского значения;

¹ Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. и др. Региональное неравенство в качестве и уровне жизни населения России (2007 г.) // «Уровень жизни населения регионов России» 2009, №1–2.

- со средним коэффициентом фондов – в пределах 1,5 раза выше или ниже среднего российского значения;
- с высоким коэффициентом фондов – в 1,5 и более раза выше среднего российского значения.

Покупательная способность денежных доходов населения – количество модельных наборов товаров и услуг, входящих в бюджет прожиточного минимума (БПМ), которое можно купить на среднестатистические денежные доходы.

Во ВЦУЖ разработана следующая классификация регионов по покупательной способности денежных доходов населения (ПС):

- с относительно высокими значениями ПС (от 11 БПМ и выше);
- со средними значениями ПС (от 7 до 11 БПМ);
- со значениями ПС ниже среднего (от 3 БПМ до 7 БПМ);
- с низкими значениями ПС (от 1 до 3 БПМ);
- с наиболее низкими значениями ПС (менее 1 БПМ).

Душевой валовой региональный продукт (ВРП) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, представляющий собой валовую добавленную стоимость товаров и услуг, созданную резидентами региона и характеризующий возможности накопления и потребления. В официальных источниках его называют также обобщающим показателем уровня жизни.

К российским регионам можно, с определенными оговорками, применить следующую классификацию по стандартам ВРП по паритету покупательной способности (ППС):

- с высоким доходом: от 10 тыс. долл. и выше;
- со средним доходом: от 1 тыс. долл. до 10 тыс. долл.;
- с низким доходом: менее 1 тыс. долл.¹

Межрегиональная дифференциация качества и уровня жизни (2008–2010). В целом ситуация, сложившаяся в регионах Российской Федерации, характеризовалась следующими состояниями вышеобозначенных индикаторов качества и уровня жизни. Для ряда регионов характерны высокие, а для большинства – средние значения ИРЧП. Покупательная способность денежных доходов в большинстве регионов характеризуется низким уровнем, не превышающим 3 БПМ. Уровень относительной бедности в регионах изменяется преимущественно в средних пределах, т.е. в диапазоне до 1,5 раза вы-

¹ Human Development Report 2007/8. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2007-8/>.

ше/ниже среднероссийского значения. Также преимущественно в среднем диапазоне находятся показатели абсолютной бедности.

При ВРП по ППС, находящемся во всех регионах на среднем или высоком уровне, для большинства из них были характерны избыточные (чрезмерно высокие), относительно ВРП, значения коэффициента Джини. Коэффициент фондов в большинстве регионов сложился в диапазоне 1,5 раза выше/ниже значения в целом по стране.

Наибольшее неравенство в регионах сложилось в 2010 г. по следующим индикаторам: ВРП по ППС (17,2 раза), абсолютная бедность (4,9 раза), покупательная способность денежных доходов (3,3 раза), а также коэффициент фондов (2,7 раза) (см. табл. 1).

Анализ уровня и динамики коэффициентов дифференциации социальных индикаторов качества и уровня жизни свидетельствует о снижении коэффициентов межрегионального неравенства качества и уровня жизни в период 2008–2010 гг. Благодаря экономическому росту и более активному межрегиональному перераспределению ресурсов, производимых в разных регионах страны, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. снизилось неравенство таких социальных индикаторов как уровень абсолютной бедности по доходам – с 5 раз до 4,9 раза, коэффициента Джини – с 1,6 раза до 1,4 раза, коэффициента фондов – с 3,8 раза до 2,7 раза, покупательной способности – с 3,8 раза до 3,3 раза.

В 2010 г. по сравнению с 2008 г. снизилась межрегиональная дифференциация абсолютной бедности, покупательной способности, валового регионального продукта, коэффициента Джини и коэффициента фондов. В то же время разрыв между регионами по уровню относительной бедности вырос с 1,4 раза в 2008 г. до 2,3 раза в 2010 г., что говорит о том, что проблема распределения доходов остается одной из важнейших для нашей страны.

Межрегиональное неравенство ИРЧП можно охарактеризовать как невысокое (коэффициент дифференциации составлял 1,3 раза). Город Москва являлся регионом-лидером по данному показателю (ИРЧП – 0,929), далеко оторвавшимся от остальных регионов – с единственным значением ИРЧП, превысившим уровень 0,900 (граница наиболее высоких значений ИРЧП) (см. табл. 2). Наименьшее значение ИРЧП было отмечено в Республике Тыва (0,717).

В группу с высоким ИРЧП входит 29 регионов. К ним относятся Санкт-Петербург, Тюменская область, Республика Татарстан, Белгородская область и другие субъекты Российской Федерации. Большинство регионов России (47) входит в группу со средними значениями ИРЧП.

Таблица 1

Межрегиональная дифференциация качества и уровня жизни¹

Индикаторы	Коэффициент дифференциации*, разы		
	2008	2009	2010
Индекс развития человеческого потенциала ^[1]	1,3**	1,3***	1,3***
Уровень абсолютной бедности населения по доходам ^[3]	6,9	5,0	4,9
Уровень относительной бедности населения по доходам ^[3]	1,4	1,5	2,3
Коэффициент Джини ^[2]	1,6	1,6	1,4
Коэффициент фондов ^[2]	3,9	3,8	2,7
Покупательная способность денежных доходов населения ^[3]	4,2	3,8	3,3
ВРП по ППС на душу населения ^[1]	32**	17,2***	17,2***

^[1] данные ПРООН, см. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ-2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. http://www.undp.ru/nhdr2010/National_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf; ^[2] данные Росстата. см. <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>;

^[3] оценка ВЦУЖ;

* отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значения показателя к наименьшему;

** данные за 2007 г.; *** данные за 2008 г.

К регионам с низким ИРЧП относятся Республики: Алтай, Тыва и Еврейская автономная область. Их значения ИРЧП находятся в пределах 0,7–0,75. Следует отметить также, что регионов с наиболее низкими значениями этого индикатора (менее 0,7) зафиксировано не было. Заметим, что представленные данные характеризуют предкризисное состояние ИРЧП российских регионов.

Таблица 2

Межрегиональное неравенство индекса развития человеческого потенциала 2008 г.²

Регионы с лучшими значениями		Регионы с худшими значениями		Коэффициент дифференциации ^[1] , разы
0,929	г. Москва	0,757	Ивановская область	
0,878	Тюменская область	0,751	Псковская область	1,3
0,877	г. Санкт-Петербург	0,748	Республика Алтай	
0,848	Республика Татарстан	0,748	Еврейская автономная область	
0,838	Белгородская область	0,717	Республика Тыва	
0,825	Россия			

^[1] Отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

Источник: данные ПРООН, см. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации-2010.

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

² Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

Лидером по валовому региональному продукту является Тюменская область (49433 долл.), за которой следует г. Москва (37987 долл.) (см. табл. 3). Наиболее низкое значение ВРП по ППС отмечено в Республике Ингушетия (2882 долл.), а также Чеченской Республике (4103 долл.). Российские регионы развиваются в резко различающихся экономических условиях (коэффициент дифференциации ВРП по ППС составляет 17,2 раза), что и влечет за собой столь радикальные региональные различия в уровне жизни населения.

Большинство регионов (42) относится к группе с высоким доходом – от 10 тыс. долл. и выше. К группе со средним доходом (от 1 до 10 тыс. долл.) принадлежат остальные 38 регионов. Ни один субъект Российской Федерации не имеет значение душевого валового регионального продукта по ППС ниже 1 тыс. долл.

Таблица 3

Межрегиональное неравенство валового регионального продукта по паритету покупательной способности

2008 г.¹

Регионы с лучшими значениями		Регионы с худшими значениями		Коэффициент дифференциации ^[1] , разы
49433	Тюменская область	5586	Республика Калмыкия	17,2
37987	г. Москва	5585	Республика Тыва	
29244	Сахалинская область	5272	Кабардино-Балкарская Республика	
20477	Чукотский АО	4103	Чеченская Республика	
19426	Республика Татарстан	2882	Республика Ингушетия	
16092	Россия			

^[1] Отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

Источник: данные ПРООН, см. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации-2010.

По уровню покупательной способности денежных доходов межрегиональный разрыв составил 3,3 раза и являлся высоким (см. табл. 4). Покупательная способность в регионах не превысила 7 БПМ (верхняя граница уровня «ниже среднего») с максимальным значением в г. Москве (5,45 БПМ), за которой следует Тюменская область (5,09 БПМ). В большинстве регионов (60) ее значение было низким: 1–3 БПМ. Минимальное значение этого индикатора было отмечено в Республике Калмыкия – 1,64 БПМ. Увеличение ПС в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдалось в 65 регионах. Наибольший рост был отмечен в Республике Алтай (0,6 п.), г. Санкт-Петербург (0,57 п.) и Рес-

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

публике Северная Осетия–Алания (0,28 п.). В остальных 17 регионах наблюдалось снижение покупательной способности. Наиболее значительно данный показатель снизился в г. Москве (-0,54 п.), Чукотском автономном округе (-0,42 п.) и Ямало-Ненецком автономном округе (-0,36 п.).

Таблица 4

**Межрегиональное неравенство
покупательной способности денежных доходов населения¹
2010 г.**

Регионы с лучшими значениями		Регионы с худшими значениями		Коэффициент дифференциации ^[1] , разы
5,45	г. Москва	2,04	Ивановская область	3,3
5,09	Тюменская область	1,94	Алтайский край	
4,69	г. Санкт-Петербург	1,91	Республика Тыва	
4,04	Ямало-Ненецкий АО	1,71	Республика Ингушетия	
3,94	Республика Татарстан	1,64	Республика Калмыкия	
3,26	Россия			

^[1] отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.
Источник: оценка ВЦУЖ.

Высокое межрегиональное неравенство по уровню абсолютной бедности населения (коэффициент дифференциации – 4,9 раза) было обусловлено высоким разрывом между полярными значениями индикатора: максимальное значение 32,9% в Республике Калмыкия (в 2,6 раза превысившее значение индикатора в целом по стране), минимальное значение 6,8% в Тюменской области (см. табл. 5). При этом в группе регионов с низкими значениями абсолютной бедности уровень относительной бедности значительно превышал эти значения: от 1,7 раза в Свердловской области до 2,8 раза в Тюменской области. В регионах с наиболее высокой абсолютной бедностью ее относительные значения были ниже: от 1,03 раза в Республике Тыва до 1,5 раза в Республике Саха (Якутия).

Рост уровня абсолютной бедности в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдался в 34 регионах. Наибольший рост был отмечен в Чукотском (10,2 п.), Ненецком (6,8 п.), Ямало-Ненецком (5,4 п.) и Ханты-Мансийском (5 п.) автономных округах. В остальных 48 субъектов РФ было отмечено снижение уровня абсолютной бедности. Наибольшее снижение наблюдалось в Республиках Алтай (-14,6 п.) и Ингушетия (-14,2 п.).

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

Таблица 5

**Межрегиональное неравенство
абсолютной и относительной бедности населения
2010^[1], в %**

Регионы с лучшими значениями абсолютной бедности			Регионы с худшими значениями абсолютной бедности			Коэффициент дифференциации ^[2] , разы
Абс.	Отн.		Абс.	Отн.		
6,8	18,8	Тюменская область	24,1	16,2	Республика Саха (Якутия)	4,9
8,8	18,9	г. Санкт-Петербург	24,3	18,5	Амурская область	
9,1	18,3	Республика Татарстан	24,5	23,8	Республика Тыва	
9,7	18,6	Белгородская область	28,0	14,5	Камчатский край	
10,2	17,7	Свердловская область	32,9	30,7	Республика Калмыкия	
12,8	26,4	Россия				

^[1] ранжирование проведено по индикатору абсолютной бедности населения.

^[2] отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

Источник: оценка ВЦУЖ.

Неравенство по уровню относительной бедности, сложившееся между регионами, можно назвать невысоким (см. табл. 6). Разрыв между Ненецким автономным округом с наибольшим значением индикатора (33,9%) и Камчатским краем с наименьшим значением (14,5%) составил 2,3 раза. При этом в группе регионов с наиболее высокими значениями относительной бедности ее абсолютные значения были ниже: от 1,1 раза в Республике Марий Эл до 2,4 раза в Ненецком автономном округе. Исключение составила Республика Калмыкия, где абсолютная бедность была выше относительной в 1,1 раза.

Снижение уровня относительной бедности в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдалось в 70 субъектах Российской Федерации. Наибольшее снижение было отмечено в Магаданской области (-9,9 п.), Камчатском крае (-9,8 п.), Тюменской области (-9,7 п.). В остальных 12 субъектах наблюдался рост уровня относительной бедности. Лидером являлась Архангельская область (9,1 п.), Республика Калмыкия (7,0 п.), Ненецкий автономный округ (6,5 п.).

Как показывают данные табл. 5 и 6, поляризация регионов по уровню абсолютной бедности более чем в 2 раза превышала поляризацию регионов по уровню относительной бедности. В современных условиях уже недостаточно статистически измерять только абсолютную бедность. Наряду с ней необходимо определять относительную бедность, масштабы которой в большинстве российских регионов превышают значения абсолютных индикаторов бедности.

Межрегиональная дифференциация по коэффициенту Джини составила 1,4 раза (см. табл. 7).

Таблица 6

Межрегиональное неравенство относительной и абсолютной бедности населения¹ 2010^[1], в %

Регионы с лучшими значениями относительной бедности			Регионы с худшими значениями относительной бедности			Коэффициент дифференциации ^[2] , разы
Отн.	Абс.		Отн.	Абс.		
14,5	28,0	Камчатский край	26,1	23,6	Республика Марий Эл	2,3
15,3	19,5	Хабаровский край	27,3	12,1	г. Москва	
15,6	16,0	Республика Карелия	30,7	32,9	Республика Калмыкия	
15,8	15,3	Мурманская область	33,2	14,9	Архангельская область	
16,1	18,9	Магаданская область	33,9	14,1	Ненецкий АО	
26,4	12,8	Россия				

^[1] ранжирование проведено по индикатору относительной бедности населения.

^[2] отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.
Источник: оценка ВЦУЖ.

При этом в 67 регионах коэффициент Джини был избыточным относительно уровня ВРП по ППС. Наиболее высоким относительно допустимых значений коэффициент Джини был в Москве, Санкт-Петербурге, в Тюменской, Свердловской, Сахалинской областях и Пермском крае. Рост коэффициента Джини в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдался в 45 регионах. Наибольший рост был отмечен в Республиках Алтай (0,031 п.), Ингушетия (0,029 п.), Северная Осетия–Алания (0,012 п.) и Хакасия (0,008 п.). В 25 субъектах наблюдалось снижение показателя. Лидирует здесь Москва – снижение на 0,02 п.п., Карачаево-Черкесская Республика – 0,014 п., Чукотский автономный округ – 0,012 п. У остальных 12 регионов изменений в значениях показателя не произошло.

Таблица 7

Межрегиональное неравенство коэффициента Джини² 2009 г.

Регионы с лучшими значениями			Регионы с худшими значениями			Коэффициент дифференциации ^[1] , разы
Джини	ВРП*		Джини	ВРП*		
0,355	5850	Ивановская область	0,432	14446	Свердловская область	1,4
0,357	9935	Тверская область	0,445	18964	г. Санкт-Петербург	
0,359	2882	Республика Ингушетия	0,446	49433	Тюменская область	
0,360	11322	Республика Карелия	0,450	13855	Самарская область	
0,362	8314	Алтайский край	0,501	37987	г. Москва	
0,42	16092	Россия				

^[1] отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

Источник: ВРП по ППС – данные ПРООН; коэффициент Джини – данные Росстата, см. <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2340003>; * данные за 2008 г.

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

² Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

Межрегиональную дифференциацию по коэффициенту фондов можно назвать высокой (см. табл. 8). Разрыв между Ивановской областью, где было отмечено наименьшее значение индикатора (10,4), и Москве с наибольшим коэффициентом фондов (27,8) составил 2,7 раза. При этом в Москве значение индикатора в 1,7 раза превышало значение в целом по стране, и это единственный субъект, попавший в группу регионов с высоким значением коэффициента фондов. Большинство субъектов (73) находились в группе со средними значениями показателя – в пределах 1,5 раза выше или ниже среднего российского значения. В группу с низким значением коэффициента фондов попали 8 регионов, к ним относятся, помимо вышеназванной Ивановской области, Республики: Ингушетия, Карелия, Карачаево-Черкесская, Алтайский край, а также Тверская, Владимирская, Костромская области.

Рост коэффициента фондов в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдался в 44 регионах. Лидировали здесь Республика Алтай – рост коэффициента фондов на 2,3 п., Республика Ингушетия – на 1,9 п., Республика Северная Осетия–Алания – на 1 п. Снижение показателя показали 25 субъектов. Наибольшее снижение наблюдалось в Москве, коэффициент фондов в которой сократился на 5,1 п., а также в Тюменской области – 1,5 п. и Чукотском автономном округе – 1,3 п. В остальных 13 регионах изменений не произошло.

Таблица 8

Межрегиональное неравенство коэффициентов фондов¹

2010 г., в размах

Регионы с лучшими значениями		Регионы с худшими значениями		Коэффициент дифференциации ^[1] , разы
10,4	Ивановская область	19,6	Ненецкий АО	2,7
10,5	Тверская область	19,8	г. Санкт-Петербург	
10,6	Республика Ингушетия	19,9	Тюменская область	
10,7	Республика Карелия	20,6	Самарская область	
10,8	Владимирская область	27,8	г. Москва	
16,5	Россия			

^[1] отношение наибольшего среди субъектов Российской Федерации значений показателя к наименьшему.

Источник: Данные Росстата, см. <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2340004>.

Некоторые угрозы социальной безопасности, обусловленные низким качеством и уровнем жизни населения. Анализ социальных индикаторов качества и уровня жизни населения в разрезе регионов и федеральных округов показал, что по ряду индикаторов сохраняется высокое межре-

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

гиональное неравенство указанных индикаторов. Доля регионов с неблагоприятными¹ значениями ряда социальных индикаторов является существенной.

Межрегиональные разрывы значений ряда социальных индикаторов качества и уровня жизни населения, а именно: уровня абсолютной бедности (4,9 раза), уровня неравенства, определенного по коэффициенту фондов (2,7 раза), уровня покупательной способности душевых денежных доходов (3,3 раза) и ВРП по ППС (17,2 раза) являются высокими в пределах одной страны и выражаются в резких пространственных различиях условий жизни. Необходимо принятие специальных мер по снижению, а в перспективе и устранению избыточного экономического неравенства по доходам. Дальневосточный, Южный и Северо-Кавказский федеральные округа отстают от других по качеству и уровню жизни.

Доля регионов с неблагоприятными размерами ряда социальных индикаторов, в том числе, относительно их среднероссийского уровня, являлась преобладающей или существенной. В 67 регионах коэффициент Джини был избыточным относительно ВРП, в 60 регионах средняя покупательная способность денежных доходов была ниже социально-приемлемого уровня, составлявшего 3 БПМ²; в 15 регионах доля населения по индикатору абсолютной бедности, более чем в 1,5 раза, превышала среднероссийское значение. В большинстве российских регионов наиболее остро стоят проблемы снижения социально-экономического неравенства, а также повышения покупательной способности среднедушевых денежных доходов выше социально-приемлемого уровня.

Перечень регионов, в которых наибольшее количество индикаторов социального неблагополучия, представлен в табл. 9.

Наиболее неблагоприятные регионы могут быть объединены в две группы: первая включает экономически менее развитые регионы с высокой абсолютной бедностью и низкой средней покупательной способностью душевых денежных доходов (Республики Тыва, Ингушетия, Калмыкия). Эти регионы нуждаются в материальной поддержке федерального Центра. Вторая группа состоит из экономически наиболее развитых регионов, в которых неадекватно высоким является уровень неравенства населения по денежным доходам (гг. Москва и Санкт-Петербург, Самарская и Тюменская области, а

¹ Низкие значения ИРЧП, покупательной способности денежных доходов населения, ВРП по ППС, высокие значения абсолютной и относительной бедности по доходам, коэффициента фондов, коэффициента Джини относительно ВРП по ППС.

² Во ВЦУЖ разработан социально – приемлемый нормативный потребительский бюджет, составляющий, примерно, 3БПМ.

также Ненецкий автономный округ). Неблагополучная ситуация с социально-экономическим неравенством в этих регионах может быть нормализована выработкой новой федеральной распределительной политики доходов. Высокое межрегиональное неравенство внутри нашей страны по качеству и уровню жизни населения является одной из острых социально-экономических проблем.

Таблица 9

Перечень регионов России, в которых индикаторы свидетельствуют о социальном неблагополучии¹

	Регион	Количество и наименование индикаторов, свидетельствующих о социальном неблагополучии	
		Количество	Наименование индикаторов
1	Республика Тыва	3	Уровень абсолютной бедности по доходам, покупательная способность денежных доходов, ИРЧП
2	Республика Ингушетия	2	Уровень абсолютной бедности по доходам, покупательная способность денежных доходов
3	Республика Калмыкия	3	Уровень абсолютной бедности по доходам, уровень относительной бедности по доходам, покупательная способность денежных доходов
4	г. Москва	3	Уровень относительной бедности по доходам, коэффициент Джини, коэффициент фондов
5	Ненецкий автономный округ	3	Уровень относительной бедности по доходам, коэффициент Джини, коэффициент фондов
6	Тюменская область	2	Коэффициент Джини, коэффициент фондов
7	г. Санкт Петербург	2	Коэффициент Джини, коэффициент фондов
8	Самарская область	2	Коэффициент Джини, коэффициент фондов

¹ Расчеты проведены Гулюгиной А.А., Одинцовой Е.В. и Чесалкиной Е.Н.

КОРПОРАТИВНАЯ СИСТЕМА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Институциональная, системная и функциональная специфика корпоративного базиса рыночного хозяйства. В законодательстве большинства стран с рыночными экономиками корпорация определяется (в отличие от предприятий индивидуальной формы собственности и товариществ) как юридический субъект, обособленный от индивидов, чьей собственностью он является. В России корпорациям соответствуют акционерные общества (АО). В отношении унитарных госпредприятий и компаний, контролируемых государством, государство выступает в роли группы по управлению активами, принадлежащими гражданам государства. Предприятие, имеющее одного формального собственника, отличается от корпорации тем, что не может эмитировать акции, а в ситуации банкротства владелец предприятия отвечает по его долгам своим имуществом. В системе рынков госпредприятия и индивидуальные частные предприятия ведут себя так же, как корпорации, и их в обычных (небанкротных) условиях допустимо рассматривать как хозяйственные структуры, эквивалентные корпорациям.

При этом в большинстве современных экономик в корпорациях и эквивалентных им субъектах рынков реализуется подавляющая часть (например, в странах ОЭСР – 80–90%) хозяйственной деятельности страны.

В экономиках современного типа большинство корпораций, как правило, входит в разного рода «надстроечные структуры первого уровня» – холдинги, концерны, формальные и неформальные картели и синдикаты, ФПГ, группы по управлению активами, ассоциации производителей и т.д. Помимо этого, в экономике развитой страны в рамках совокупности корпораций и надстроечных структур первого уровня формируется более высокий уровень «надстроечных» структур (подсистем): ядро и периферия, локальные региональные корпоративные модули, отраслевые корпоративные сегменты, функциональные корпоративные модули.

Ядро корпоративной системы – ограниченное число крупных корпораций и финансовых структур, контролирующих до 50–70% финансовых и

производственных активов всей совокупности корпораций данной страны. Остальные корпорации и надстроечные структуры первого уровня относятся к периферии корпоративной системы.

Локальный региональный корпоративный модуль (ЛРКМ) – корпоративная подсистема, обеспечивающая основную часть экономической деятельности на локально ограниченной территории страны. В пределах одного ЛРКМ может функционировать несколько субсистем **региональных кластеров** (в формулировке М.Портера) различной отраслевой и функциональной ориентации. Например, ЛРКМ Калифорнии в США включает региональные кластеры компьютерно-интеллектуальных технологий (Силиконовая долина), судостроения, тяжелого ВПК, виноделия и др. В рамках ЛРКМ обычно реализуется основная часть оборота (включая продажу товаров и услуг) большинства корпораций и надстроечных структур регионального модуля (исключение – некоторые экспортно-ориентированные региональные кластеры).

Отраслевой корпоративный сегмент (ОКС) – корпоративная подсистема, обеспечивающая функционирование базисной отрасли национального хозяйства.

Функциональный корпоративный модуль (ФКМ) – корпоративная подсистема, выполняющая специализированные функции обслуживания корпораций базисной отрасли хозяйства. Например, корпорации сельскохозяйственной отрасли обслуживают ФКМ производства минеральных удобрений, сельскохозяйственного машиностроения и др. Деятельность корпораций транспортной отрасли обеспечивают ФКМ строительства и ремонта дорожной сети, производства дорожной и транспортной техники и т.д.

В некоторых случаях в корпоративной системе также отчетливо проявляется «расщепление» на две слабо связанные между собой подсистемы, одна из которых работает в основном на внутренний рынок, а другая – преимущественно на внешний рынок.

Перечисленные структурообразующие элементы, составляют в совокупности основу **корпоративной системы странового уровня (КС)**. Необходимое свойство корпоративной системы – наличие устойчивых прямых и обратных связей между ее элементами и подсистемами. Основные типы таких связей показаны в табл. 1.

Предприниматели-индивидуалы с узким кругом клиентуры (портной, автомастер, парикмахер, косметолог и т.д.), а также покупатели в магазине – агенты рынка. Но они не являются элементами КС, поскольку не входят в устойчивые системные связи с другими агентами рынков и рыночными институтами.

Таблица 1

**Основные связи и отношения,
влияющие на структуру корпоративной системы и ее параметры**

Факторы конкурентной индивидуализации корпораций	– Рыночные отношения купли-продажи – Рыночные отношения конкуренции – Конкурентная специализация и диверсификация
Факторы горизонтальной и вертикальной системной координации корпораций и надстроечных структур (факторы системной связности КС)	– Устойчивые производственные, сбытовые, сервисные и другие связи горизонтальной и вертикальной кооперации – Отношения субподрядного коммерческого кредитования – Отношения долгосрочного инвестиционного кредитования – Отношения участия в капитале (в том числе, взаимного или перекрестного участия в капитале) – Отношения доверительных персональных связей – Неформальные соглашения о разделе рынков, источников сырья, номенклатуры продукции, сфер и/или регионов деятельности – Взаимозависимость от экстерналий, возникающих в ходе деятельности – Положительное влияние перечисленных связей и отношений на снижение совокупных экономических (инвестиционных, производственных, сбытовых, ценовых и др.) рисков

Для КС множество связей между элементами – как по горизонтали, так и по вертикали – необходимое условие системности. Как мы видим, эти связи многообразны и выходят далеко за рамки конкурентных отношений.

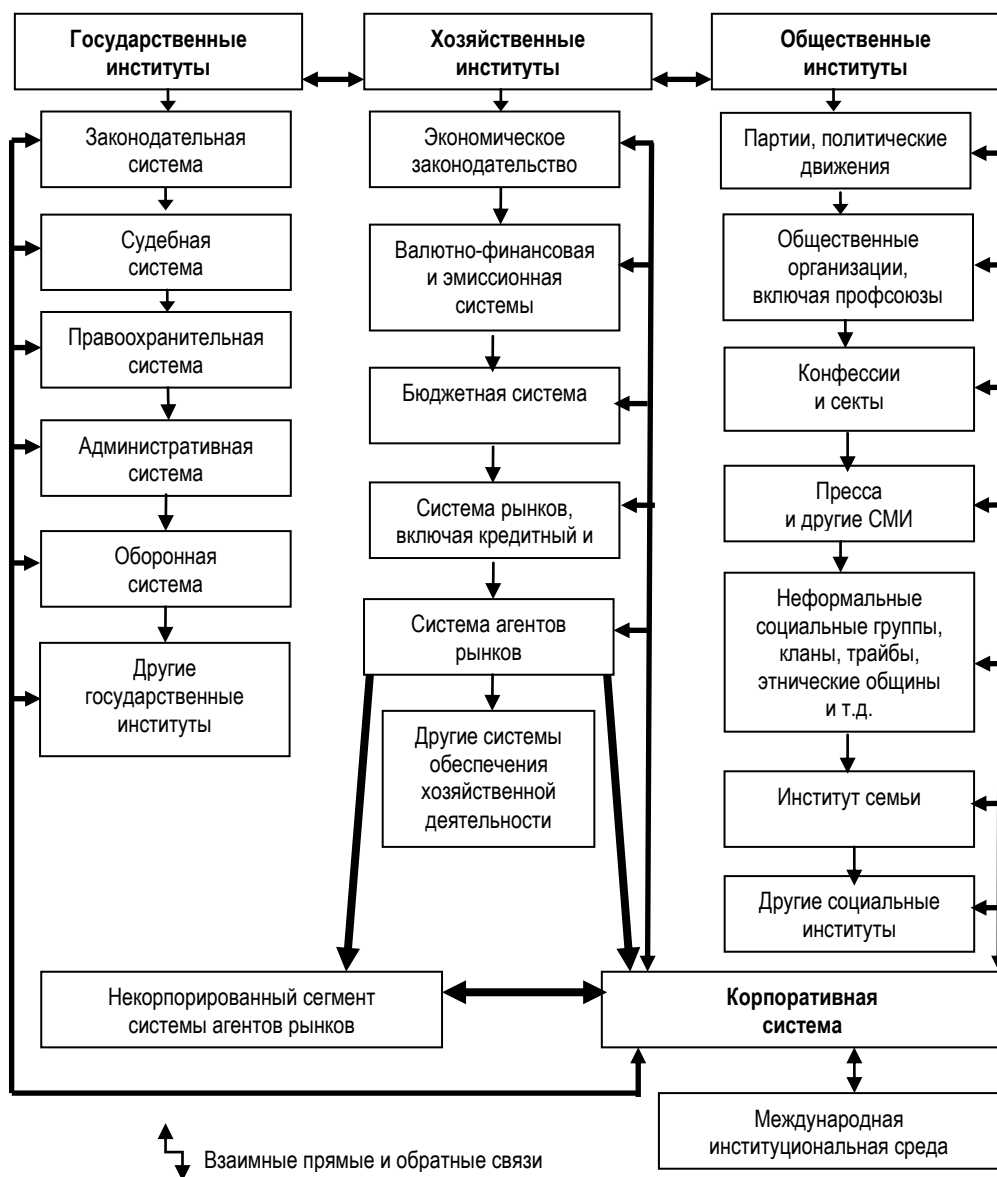
Далее, в развитых КС, кроме перечисленных структурных подсистем, как правило, возникают и воспроизводятся финансовое ядро с его спецификой структур, широкопрофильные, специализированные, трансрегиональные и транснациональные корпорации, группы и банки, и т.д.

В то же время КС находится в постоянном взаимодействии с экономическими, социальными и политическими институтами страны, а также, в той или иной мере, с внешней (международной) институциональной средой, и в этом взаимодействии «обрастает» внешними системными связями. То есть оказывается, по определению, открытой системой (рис. 1).

Состояние, структура и конфигурация связей в КС постоянно изменяются в результате самоорганизации под воздействием рыночных сигналов и в результате влияния государства и других подсистем институциональной среды. Происходят слияния и разделения, национализации и приватизации, изменения стратегий корпораций в порядке реакций на кризисы и шоки мировой конъюнктуры, и т.д.

Рисунок 1

Место корпоративной системы в институциональной среде

Таким образом, **корпоративная система:**

- *вычленяется из социальных, политических, экономических институтов своими специфическими функциями реализации подавляющей части экономической деятельности в пределах национальной экономики;*
- *характеризуется наличием структурно соотнесенных специфических элементов и подсистем, а также наличием специфических связей между элементами и подсистемами, обеспечивающих ее системную целостность;*
- *поддерживает систему связей с внешней институциональной средой;*
- *характеризуется динамикой изменений структуры и связей.*

Это дает основания считать **КС особой сложной открытой динамической системой**. И требует исследования структурной специфики КС, специфики ее взаимодействия с институциональной средой, а также возможностей повышения ее эффективности.

КС, как открытая система, за счет прямых и обратных связей взаимодействует с внешней институциональной средой и зависит от ее параметров. Некоторые из этих параметров – климат, территория, сырьевой и демографический базис экономики – сверхстабильны. Другие – такие, как отраслевая и региональная структура КС, качество трудовых ресурсов, опыт и эффективность местного сообщества предпринимателей и менеджеров, – меняются за счет рыночного саморегулирования и под влиянием управляющих воздействий медленно. Третьи – могут меняться достаточно быстро в результате регулирующих воздействий со стороны экономического целеполагания и экономической политики, а также под влиянием системных связей КС с институциональной средой.

Все эти параметры являются для КС своего рода **«рамочными условиями» функционирования** (рис. 2).

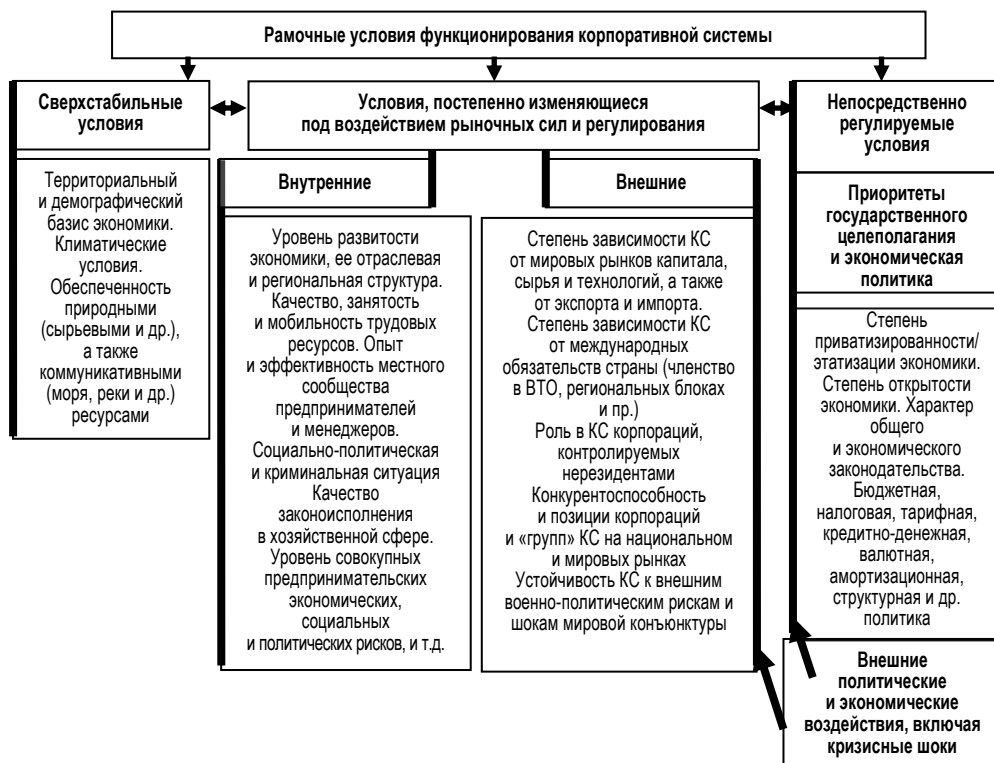
При этом регулируемые рамочные условия (экономическое целеполагание и основные элементы экономической политики), а также система внешних воздействий, – способны «навязывать» структурам и сегментам КС внешнюю динамику, в той или иной мере противоречащую процессам адаптивного саморегулирования КС под влиянием рыночных сигналов.

В силу различий в истории развития и рамочных условиях функционирования структурное состояние любой КС определяется множеством характеристик, включая: (1) наличие ядра КС и распределение хозяйственного потенциала между ядром и периферией КС; степень вовлеченности корпораций периферии в системные связи с корпорациями и надстроечными структурами ядра; (2) насыщенность КС надстроечными структурами первого уровня, включая ФПГ и холдинги с собственным ядром в виде крупных финансо-

вых институтов; (3) наличие и количество ЛРКМ, соотношения в их развитии, специализация, взаимная конкуренция и кооперация между ЛРКМ; (4) наличие базовых ОКС, их развитость, обеспеченность базовых ОКС сопряженными ФКМ, системная связность сопряженных ОКС и ФКМ; (5) доли в активах и производстве подсистем КС корпораций и надстроечных структур, контролируемых резидентами, нерезидентами и институциональными инвесторами, включая государство; (6) общая насыщенность КС в целом и ее подсистем горизонтальными (включая производственные, сервисные, сбытовые) и вертикальными (включая кредит и участие в капитале) системными связями; (7) уровень конкурентности в КС в целом и ее подсистемах; (8) доли экспорта и импорта в структуре производства базовых ОКС, ЛРКМ и ФКМ, и т.д.

Рисунок 2

Типология основных рамочных условий, влияющих на функционирование

Особая роль ядра КС состоит в том, что в нем обычно сосредоточен основной «потенциал эффективности» КС. Как показывает мировой опыт, успешно развиваются экономики, в ядре КС которых, представленном несколькими десятками крупных корпораций, объединенных надстроечными структурами, сосредоточено до 50–70% активов и продаж КС. Такие экономики, как правило, имеют и сильное финансовое ядро КС в виде нескольких десятков крупных финансовых структур, контролирующих до 50–70% активов и пассивов финансовой системы.

Значимость сильного ядра КС определяется тем, что входящие в него корпорации и группы, как правило, обладают: (1) повышенной финансовой устойчивостью и пониженной чувствительностью к влиянию совокупных рисков; (2) способностью инвестировать в крупные проекты, НИОКР и ассимиляцию новых технологий; (3) способностью, за счет наличия в ядре КС трансрегиональных корпораций и групп, интегрировать экономику по территориальной горизонтали; (4) повышенной конкурентоспособностью на внешних и внутренних рынках; (5) повышенной чувствительностью к управляющим воздействиям со стороны экономического законодательства, кредитно-денежной и бюджетной политики; (6) способностью осуществлять, через кооперационные производственные связи и систему участия в капитале, прямой и косвенный контроль над значительной частью периферии КС; (7) соответственно, способностью к трансляции в периферию КС управляющих воздействий со стороны экономической политики.

Так, в США в 2007 г. 50 крупнейших финансовых и нефинансовых корпораций и «групп», составляющих ядро КС, контролировали около 58% совокупных активов страны, причем большинство из них – транснациональные или, как минимум, трансрегиональные корпорации и группы. При этом в 2005 г. расходы на НИОКР у корпорации «Дженерал Электрик» (более 5 млрд долл. в год) превышали совокупные расходы на НИОКР России. В Индии на 2008 г. 90 крупных частных корпоративных групп и госпредприятий – контролировали около 60% нефинансовых активов экономики.

Национальные КС характеризуются высоким структурным разнообразием. Для слабых экономик нередко свойственно рыхлое или вообще отсутствующее ядро вкупе с функциональной неполнотой КС и ее низкой насыщенностью вертикальными и горизонтальными системными связями. В экономиках с малым территориальным базисом нет нужды в наличии нескольких ЛРКМ. В странах, не имеющих значимых сырьевых ресурсов, неразвиты или отсутствуют сырьевые ОКС и обслуживающие их ФКМ, но, как правило, более развиты экспортно-

ориентированные ОКС и сопряженные с ними ФКМ. В страновых КС сильно варьируют доли капитала резидентов, нерезидентов и институциональных инвесторов, включая государство, в активах структурных подсистем КС.

Но в общем случае обязательными структурными подсистемами КС являются ее ядро, локальные региональные корпоративные модули, отраслевые сегменты и функциональные корпоративные модули, причем для поддержки воспроизводственного процесса в национальной экономике все эти подсистемы, с их системными связями, должны быть адаптированы к сверхстабильным рамочным условиям функционирования КС.

Структурное качество КС характеризуется долей активов ядра в КС в целом, наличием и уровнем развитости сопряженных подсистем локальных региональных корпоративных модулей, отраслевых корпоративных сегментов и функциональных корпоративных модулей, обеспечивающих воспроизводственный контур национальной экономики (степенью функциональной полноты КС применительно к имеющимся сверхстабильным рамочным условиям функционирования), а также насыщенностью КС системными горизонтальными и вертикальными связями.

Например, КС Индии не может строиться без учета отсутствия устойчивого зимнего транспортного сообщения через Гималаи. В ОКС Тайваня нет мощных национальных сырьевых корпораций ввиду отсутствия в стране сырья, но в ОКС и ФКМ имеются развитые подсистемы экспортной ориентации.

Высокое структурное качество создает КС лишь некоторый потенциал ее эффективности в обеспечении воспроизводственного процесса в самой КС и в целом в национальной экономике. Для реализации этого потенциала требуется адаптация системных характеристик КС, включая ее структуру, ко всем базисным (сверхстабильным и медленно меняющимся, включая внутренние и внешние) рамочным условиям функционирования КС.

Дефицит структурного качества КС может быть отчасти компенсирован высокой согласованностью характеристик КС с рамочными условиями функционирования, тем самым обеспечив приемлемое системное качество КС. Например, в Индии сравнительно невысокое структурное качество КС (слабое ядро, неразвитость многих ЛРКМ, ОКС и ФКМ) компенсируется активным госфинансированием программ развития и созданием в слабых подсистемах КС госкорпораций, а также множеством мер, направленных на согласование структурных характеристик КС с такими рамочными условиями ее функционирования, как огромная доля в экономике «несовременного» сектора, избыточность и низкое качество трудовых ресурсов и т.д.

Высокое системное качество является необходимым, но недостаточным условием обеспечения высокой эффективности КС. Кроме системного качества, на функционирование КС влияют управляющие рамочные условия УРУ. При отсутствии резких внешних воздействий это, прежде всего, изменения государственного целеполагания и экономической политики.

В связи с развитием глобализации нередко утверждается, что КС странового уровня (СКС) вскоре потеряют свою системную связность, преобразовавшись в единую **глобальную корпоративную систему (ГКС)**.

В ГКС действуют достаточно мощные факторы интеграции: (1) совокупность мировых рынков товаров и услуг, агентами которого являются корпорации, в особенности ТНК, и СКС; (2) система разделения труда между СКС; (3) система резервных валют; (4) такие организации, как ГАТТ (затем ВТО), МВФ и ВБ.

Но в ГКС действуют и мощные факторы дезинтеграции: (1) экономический и политический суверенитет государств; (2) непосредственно контролируемые государством хозяйственные подсистемы; (3) системы регулируемого перераспределения ВВП в «национальных» границах (через бюджет и другие регулируемые каналы); (4) множественность валют (фактор валютного суверенитета); (5) наличие разных «моделей капитализма» (рейнской, англо-саксонской, японской и др.) и существенных различий экономического законодательства; (6) сектор услуг, большинство из которых неимпортируемо; (7) фактор теневой и криминальной экономики, в основном замыкающейся в национальных границах; (8) конкурирующие макрорегиональные экономические блоки (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР и т.д.); (9) кризисы, всегда приводящие к снижению интегрированности ГКС.

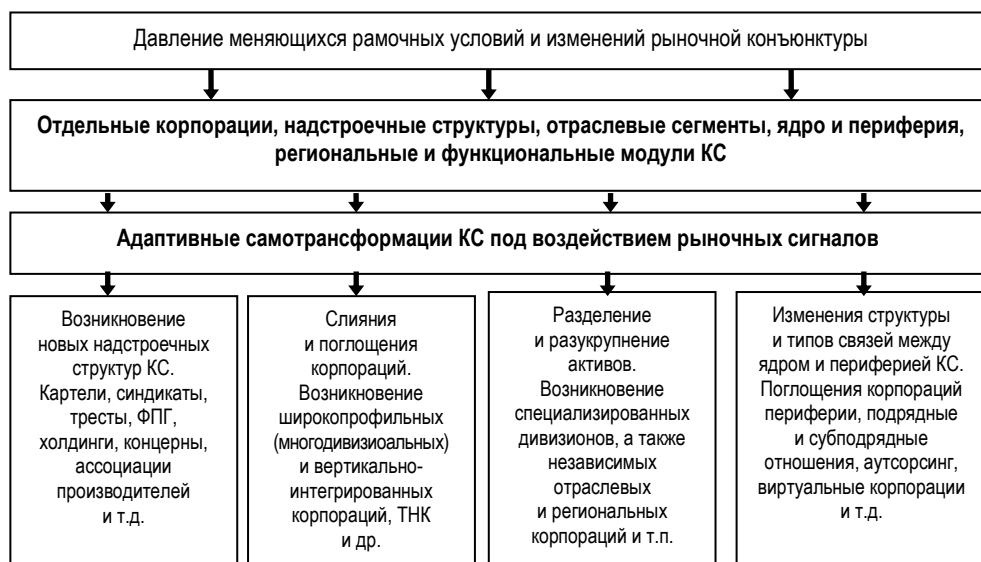
По ряду признаков, сейчас, после пика интеграции в конце XX века, ГКС вступает в фазу дезинтеграции, в условиях которой задача повышения эффективности страновых КС, обслуживающих национальные экономики, приобретает особое значение.

Неуправляемые и управляемые трансформации корпоративного базиса экономики: закономерности, инструментальная база и влияние на процессы развития. Экономическая история развитых и развивающихся стран показывает, что большинство структурных и системных новаций в КС, меняющих ее формат, возникало и приобретало устойчивый характер в порядке адаптивных реакций на рыночные сигналы, которые подают рамочные условия функционирования и конъюнктурные

риски. КС, достигшие определенного уровня эффективности, как правило, успешно реагируют на постепенные изменения условий функционирования «самотрансформацией» как на уровне организации деятельности в отдельных корпорациях, так и на уровне перестройки структуры подсистем КС и конфигурации системных связей (рис. 3).

Рисунок 3

Основные типы адаптивных самотрансформаций КС, направленных на повышение их эффективности, под воздействием сигналов рынков

Однако, во-первых, способность КС к быстрым адаптивным самотрансформациям под воздействием рыночных факторов ограничена. Так, адаптация КС США к возникавшему на рубеже XIX–XX веков антимонопольному законодательству была весьма болезненной и заняла длительное время.

Во-вторых, в ситуации кризиса или резкого изменения мировой конъюнктуры «рыночная» адаптация КС к изменившимся условиям функционирования нередко вообще невозможна в приемлемые сроки. Такова была ситуация на начальных этапах Первой и Второй мировых войн и в условиях восстановления экономик большинства стран Европы после Второй мировой войны. И такова она во многих странах в условиях нынешнего кризиса.

В-третьих, в разных условиях приоритетами государственного целеполагания могут быть темпы экономического роста, темпы технологической модернизации, развитие отдельных отраслей и территорий, рост уровня экспортной способности КС в целом или ее сегментов, изменение социального профиля и благосостояния населения и т.д. Эти приоритеты могут меняться по мере достижения соответствующих целей в ходе развития КС.

Во всех этих ситуациях государственная власть оказывается перед необходимостью компенсировать дефицит способности КС адаптироваться за счет реакций на сигналы рынков к новому комплексу рамочных условий функционирования. Эта компенсация осуществляется и путем изменений общей (бюджетной, налоговой, кредитно-денежной и т.д.) экономической политики, и путем прямых воздействий на корпорации и подсистемы КС, и за счет изменения параметров госсектора КС.

Экономическая политика в отношении управления форматом КС в своих крайних вариантах может быть универсальной или селективной, хотя на практике большинство стран используют сочетание универсальных и селективных управляющих экономических мер и инструментов.

Универсальная экономическая политика создает единые законодательные рамки и условия деятельности для всех субъектов экономики, и далее предоставляет этим субъектам, включая корпорации и другие структуры КС, свободу действий и самоорганизации под влиянием рыночных факторов.

Такая политика востребует умеренные усилия при ее выработке, проведении и контроле, и сравнительно компактные управляющие и надзорные аппараты. Ее основной недостаток – в том, что она ограничена в возможностях повышения эффективности КС, поскольку формальное равенство «правил игры» чаще всего «консервирует» структурные и системные дефекты КС.

Потому акцент на проведении универсальной экономической политики, как правило, делают страны, уже обладающие КС с достаточно высокой эффективностью (не испытывающие острой потребности в ее повышении), а также страны, не имеющие политических, финансовых, интеллектуальных, кадровых и иных ресурсов для выработки и реализации селективной экономической политики.

Селективная экономическая политика использует особые тарифные и налоговые режимы для приоритетных сегментов и подсистем КС, их льготную кредитную и инвестиционную поддержку, создание базовой инфраструктуры и обеспечивающих производств для опережающего развития приоритетных подсистем КС, содействие слияниям и поглощениям корпораций и

банков с целью укрепления ядра КС, организацию проектов государственно-частного партнерства в приоритетных отраслевых сегментах и модулях КС, и т.д.

Проведение селективной экономической политики требует создания соответствующего управляющего модуля, снабженного разветвленными обратными связями с управляемыми подсистемами КС, разработки и «динамической коррекции» мер регулирования, дифференцированных по содержанию и активности в отношении разных подсистем КС, а также создания аналитических, управляющих и контрольных аппаратов для реализации этих мер.

Основное достоинство селективной экономической политики управления эффективностью КС в том, что она может обеспечить более мощный регулировочный потенциал и повышенную вариабельность и оперативность мер управления. И, соответственно, более высокие темпы достижения поставленных экономических целей, включая развитие собственно КС и экономики в целом.

По этой причине большинство стран, делавших своим приоритетом форсированную модернизацию (яркий пример – так называемые «азиатские тигры»), широко использовали данный тип экономической политики. Именно на сложной селективной экономической политике, постоянно адаптируемой к текущему состоянию КС и экономики в целом, базировались успешные модернизации Тайваня, Южной Кореи, Малайзии, Индонезии и т.д.

Но и развитые страны в кризисных условиях, как правило, дополняют универсальную экономическую политику селективными мерами управления КС. Так, в Великобритании после Второй мировой войны были введены особые меры валютной «политики множественных курсов», а также тарифные преференции, призванные повысить конкурентоспособность корпораций и защитить ослабленные войной сегменты национальной КС от поглощения иностранными (прежде всего, американскими) конкурентами. В США администрация Р.Никсона в период острого кризиса вводила преференции для отдельных сегментов КС, а также ограничения на цены ряда товаров и услуг. Последние яркие примеры такого рода – инициированные властью США поглощения кризисных банков их более успешными «коллегами» – «Меррил Линч» и «Вашингтон Мьючуал» банком «Джи Пи Морган Чейз», и «Ваковиа» банком «Веллс Фарго».

Основной недостаток селективной политики управления КС – ее сложность, предопределяющая относительно больший объем аппаратов управления и надзора, а также повышенные требования к аналитическим, управляющим и контрольным кадрам. Данный тип управления более чувствителен к таким

явлениям, как влияние на экономическую политику специальных экономических интересов, клановость и коррупция. Существенные ограничения на использование селективного управления эффективностью КС накладывают описанные выше «нормы мировой экономической политики». Именно эта сумма обстоятельств стала одной из главных причин провала проектов «догоняющей модернизации» во многих странах Африки и Латинской Америки.

В большинстве экономик, включая высокоразвитые, *государство, кроме управления КС средствами универсальной и селективной экономической политики, играет в КС еще и роль крупного собственника и стратегического инвестора*, причем нередко далеко за пределами сегментов КС, обеспечивающих предоставление так называемых «публичных благ».

При этом именно и только государство правомочно и способно, за счет принятия соответствующих законодательных мер и специальных бюджетных и внебюджетных программ, переносить акценты управления КС на универсальную или селективную экономическую политику, а также на использование госсектора.

В результате система управления функционированием экономики и ее КС включает в себя, в полном виде, следующие управляющие модули (рис. 4).

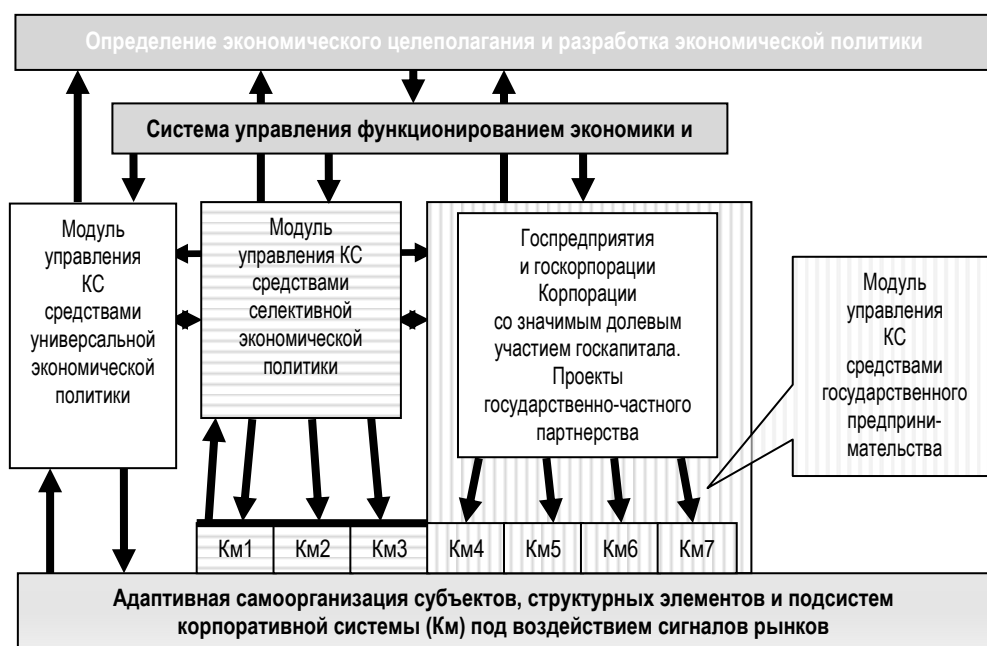
Совокупность механизмов управления методами универсальной, селективной политики и через госсектор – определяет *регулирующий потенциал системы управления функционированием экономики*, который может быть использован для управления структурным и системным качеством, а также эффективностью КС.

Средства универсальной и селективной экономической политики позволяют реализовать *трансформации КС*, необходимые для повышения ее эффективности, включая усиление производственного и финансового ядра. Яркие примеры – принятие экономического законодательства, благоприятного для слияний и поглощений, государственное принуждение корпораций и банков к слияниям для создания сильного ядра КС (как в Великобритании после Первой мировой войны и в Южной Корее на начальных стадиях реализации программы форсированной модернизации), льготное бюджетное финансирование развития приоритетных сегментов КС (как экспортного сегмента на Тайване и в Индии).

Активная политика «государственного предпринимательства» позволяет дополнить указанные механизмы инструментами форсированной *компенсации дефектов КС*.

Рисунок 4

**Обобщенная схема управления эффективностью КС
средствами универсальной и селективной экономической политики,
а также государственного предпринимательства**

Не менее яркие примеры – массовые ренационализации и создание сверхкрупных госкорпораций и госбанков для компенсации слабости «рыночного» ядра КС во Франции после Второй мировой войны и в большинстве «новых индустриальных стран» на этапе модернизации, а также недавняя фактическая национализация в США крупнейшего страховщика «ЭйАйДжи» и главных национальных ипотечных компаний «Фэнни Мэй» и «Фредди Мэк».

Особая роль государства в управлении эффективностью КС в качестве собственника и стратегического инвестора определяется тем, что оно, как рыночный агент, кредитор и заемщик высшей инстанции, менее чувствительно к совокупным рискам, чем даже самые крупные корпоративные структуры. В этой роли государство может выполнять следующие основные функции.

1. Восполнение дефицита способности негосударственного сектора кредитной системы мобилизовать и перераспределять инвестиционные ресурсы (в том числе за счет создания крупных госбанков и финансовых корпораций).

2. Восполнение дефицита способности негосударственного сектора КС финансировать инвестиции (особенно в крупные капиталоемкие проекты). Создание инфраструктурных, производственных и финансовых предпосылок для ускоренного развития негосударственного сектора КС.

3. Снижение инфляционного потенциала экономики за счет установления системы контролируемых цен в госсекторе и «понижающего давления» на цены негосударственного сектора КС со стороны государственных производителей.

4. Накопление технологического потенциала при дефиците способности к его накоплению в негосударственном секторе КС, и трансляция технологического потенциала в негосударственный сектор КС через кооперационные связи. Именно госсектор КС (начиная с гослабораторий и госпредприятий), как правило, распространял «волны технологической модернизации» в негосударственный сектор не только в развивающихся экономиках, но, на определенных этапах, и в высокоразвитых экономиках, включая США и страны Европы.

5. Снижение потребности в регулировочных воздействиях на негосударственный сектор КС средствами универсальной и селективной экономической политики. Так, дефицит склонности частных корпораций инвестировать в капиталоемкие проекты – может компенсироваться за счет финансирования соответствующих программ через бюджет либо через систему контролируемых государством корпораций. Чем больше размер соответствующих инвестиций через бюджет, тем меньше потребность их финансирования через госсектор, и наоборот. Именно поэтому развернувшаяся в 80-х гг. в большинстве развитых стран приватизация госактивов, – привела почти во всех этих странах к налоговой и нормативной делиберализации экономики и росту бюджетного перераспределения ВВП. В странах ОЭСР в 80-х–90-х гг. XX века доля бюджетных расходов в ВВП выросла в среднем с 37% до 48%, а в нынешнем кризисе превысила 51%.

6. С учетом изложенного, госсектор КС выполняет еще одну крайне значимую функцию – поддержки и укрепления ресурса экономической субъектности государства и КС.

При острой потребности в трансформациях КС, направленных на повышение ее эффективности, и в условиях упомянутых выше запретов «мировой экономической политики» на многие меры регулирования универсального и

селективного характера, госсектор становится одним из важнейших инструментов необходимых трансформаций КС.

Кризис всегда приводит к существенной разбалансировке КС и снижению ее эффективности. Соответственно, **необходимым условием послекризисного экономического восстановления** является компенсация дефицита эффективности КС. При этом в компенсации нуждаются, в первую очередь: (1) способность КС (в особенности ее финансового сектора) вырабатывать избыточные конъюнктурные и инвестиционные риски для агентов рынков; (2) аналогичная способность дезорганизуемой кризисом социальной среды; (3) аналогичная способность кризисной внешней экономической среды; (4) дефицит способности КС создавать в нерегулируемом режиме инвестиционный спрос; (5) дефицит способности национальной экономики вырабатывать в нерегулируемом режиме потребительский спрос.

Известные крупные антикризисные программы («Новый курс» Ф.Д.Рузвельта, британская программа времени «Великой депрессии», европейские программы восстановления после Второй мировой войны и т.д.) включали компенсацию перечисленных кризогенных факторов в рамках регулируемой смешанной экономики. Так, в Великобритании в 1980 г. в госсекторе находились все предприятия электроэнергетики, угледобывающей и газовой промышленности, телекоммуникаций, значительная часть сталелитейной и судостроительной промышленности и авиастроения, половина предприятий автомобильной промышленности. Примерно такой же была в тот период роль госсектора в КС Франции, ФРГ, Италии, Швеции, Австрии.

Мировой опыт показывает, что при малых размерах госсектора КС (и, тем более, при его отсутствии) в масштабном кризисе практически невозможно создать достаточный антикризисный инвестиционный и потребительский спрос. Результатом чего является «растяжка» кризиса (в терминах современной экономической теории, U-образная кризисная кривая с длинным дном). При значительных размерах кризисного падения экономики для ее быстрого восстановления требуются: 1) регулируемый режим работы КС; 2) регулирование потоков капитала, отказ от чрезмерной валютной и тарифной либерализации (как фактора, препятствующего созданию антикризисного спроса и способствующего росту конъюнктурных и инвестиционных рисков); 3) перераспределение значительной части инвестиций по регулируемым каналам, включая госсектор.

При существенном дефиците развитости и низкой приоритетности задачи развития (что было характерно для большинства слаборазвитых эконо-

мик до Второй мировой войны) доля госсектора в КС, как правило, незначительна; он может вообще отсутствовать. Если же в какой-то момент в центр целеполагания ставится приоритет экономического развития, то результатом практически всегда является этатизация экономики и её КС (национализации, крупномасштабные инвестиции в госсектор). В развитых экономиках доля госсектора в КС, как правило, увеличивается при резком росте экономических, социальных, военных, политических рисков. Во всех этих случаях ответом на недостаточную развитость или кризисное состояние КС становится *смешанная регулируемая экономика со значительной долей госсектора в инвестициях и активах КС*.

В целом для успешно развивающихся рыночных экономик характерно снижение доли госсектора в КС по мере повышения ее эффективности. Но иногда доля госсектора в активах КС может стабилизироваться или даже увеличиваться, как это было на Тайване при росте конъюнктурных и инвестиционных рисков в ходе либерализационных преобразований национальной экономики в духе названных выше «норм мировой экономической политики».

Корпоративная система современной России: становление, состояние, возможности и механизмы повышения эффективности. В процессе формирования КС России была возможность структурно и функционально «копировать» КС развитых или новых индустриальных стран, обладающие сильным корпоративным ядром. Однако уже на начальном этапе реформ значительная часть крупных предприятий подверглась расчленению, и КС России была сформирована с преобладанием в частном секторе небольших и средних корпораций и слабой развитостью (если не считать добывающей промышленности) ядра из крупных корпораций и ФПГ. Функции такого ядра отчасти выполняют крупные компании с доминированием госкапитала.

В течение всего периода реформ КС России развивалась без сильного финансового ядра и в режиме крайне ограниченного кредитования (если не считать заимствований, производимых за рубежом). Весь совокупный потенциал банковской системы России уступает по размеру любой из крупнейших финансовых корпораций мира, что резко ограничивает инвестиционные возможности нефинансового сектора КС.

Соответственно, способность к реализации масштабных программ НИОКР и повышения технологического уровня даже у крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности России весьма невелика. Это лимити-

тирует конкурентоспособность их продукции на мировом и внутрироссийском рынке и предопределяет их высокую чувствительность к конъюнктурным и инвестиционным рискам. Как следствие, в мировых рейтингах 500 или 1000 крупнейших корпораций – российские корпорации обрабатывающей промышленности до сих пор вообще не представлены (табл. 2).

Таблица 2

Средняя рыночная капитализация 5 крупнейших корпораций в мире и России по основным отраслевым сегментам

В млрд долл.

Отрасль	Мир	Россия
Нефтегазовая отрасль	205,1	45
Банковский сектор	158,2	9,5
Телекоммуникации и связь	118,3	7,6
Фарм- и биопромышленность	106,8	0,38
Транспорт	84,1	3,3
Электроэнергетика	40,1	2,1
Машино- и автомобилестроение	61,8	0,28
Химическая промышленность	29,2	2,6

Источник: рассчитано автором по данным рейтинга FT-500 и рейтинга Эксперт-400 за 2008 г.

Отраслевые корпоративные сегменты обрабатывающей промышленности России даже с учетом созданных госкорпораций находятся в фазе организационного, финансового и структурного распыления. Они нуждаются в крупных широкопрофильных корпорациях со значительной степенью вертикальной интегрированности производства и развитыми сбытовыми подразделениями, способных аккумулировать инвестиционный капитал для развития и противостоять конъюнктурным и инвестиционным рискам.

Локальные региональные корпоративные модули КС России сильно различаются по уровню развитости, почти не способны к автономной деятельности, и в то же время слабо связаны между собой базовой транспортно-логистической инфраструктурой и бизнесом трансрегиональных корпораций. Все это создает высокие риски экономической и политической дезинтеграции страны.

Функциональные корпоративные модули КС России слаборазвиты, а в некоторых сегментах вообще отсутствуют. Даже в наиболее мощном ТЭК налицо острый дефицит современных сервисных корпораций геолого-геофизиче-

ческой разведки и производства высокотехнологического оборудования эксплуатационных скважин и промысловых комплексов.

Корпорации ядра КС России слабо связаны между собой и с корпоративной периферией горизонтальными и вертикальными системными связями, что во многом определяется существенной изоляцией большинства экспортоспособных «сырьевых» корпораций от внутреннего (в том числе кредитно-финансового) рынка, низким качеством законоисполнения, а также высоким уровнем взаимного недоверия в корпоративной среде.

Перечисленное предопределяет невысокое структурное качество КС России.

КС России создавалась в процессе маркетизации бывшей советской экономики практически без учета специфики базисных рамочных условий ее функционирования – масштабов территории, климата, инфраструктурных дефицитов, отсутствия рыночного опыта у отечественных предпринимателей и менеджеров, отсутствия в России в начале реформ легальных капиталов для приватизации активов по рыночным ценам и т.д. При этом вообще не учитывалось влияние рамочных условий функционирования КС на уровень совокупных предпринимательских рисков. Соответственно, системное качество КС России низкое.

Негативную роль в развитии КС России сыграло изначально принятое (и в основном воспроизводящееся до сих пор) целеполагание, основанное на неолиберальных идеологемах «мировой экономической политики». Эти дефекты целеполагания, а также высокое влияние на экономическую политику групп специальных экономических интересов, – определяют низкий уровень ресурса экономической субъектности российского государства и национальной КС.

Форсированная приватизация госактивов по заниженным ценам привела не только к сохраняющимся доньше проблемам легитимации корпоративной собственности и исполнения экономического законодательства, но и к устойчивой недооценке активов КС фондовым рынком. Открытие внутреннего рынка при слабости и низкой конкурентоспособности национальных корпораций – имело следствием захват многих рынков зарубежными конкурентами и практическую деградацию ряда отраслевых корпоративных сегментов КС России.

Результатом перечисленных процессов стало углубляющееся расщепление российской КС на более развитый сектор «корпораций внешнего рынка», ориентированных на экспорт продукции (в основном сырья) и внешний спрос, и гораздо менее развитый сектор «корпораций внутреннего рынка». При этом за счет гипертрофированного развития «корпораций внешнего рынка»,

КС России характеризуется низкой чувствительностью к регулирующим воздействиям национальной экономической политики и высокой чувствительностью к процессам (включая кризисы и конъюнктурные шоки) на мировых рынках.

Поскольку инвестиции нерезидентов в экономику России дотируются (ввиду заниженного курса рубля), и поскольку биржевая стоимость российских корпораций занижена, позиции, приобретенные иностранным капиталом в КС России, далеко не соответствуют реальному масштабу притока этого капитала. В силу наличия курсовой дотации нерезидентам российские инвесторы во многих случаях не в состоянии конкурировать с иностранными инвесторами на внутренних рынках.

Соответственно, приход в Россию иностранных инвесторов снижает склонность потенциальных российских инвесторов к инвестициям и, в конечном счете, препятствует эффективному обновлению производственных активов КС России. Тот же фактор неспособности российских инвесторов конкурировать в России с зарубежными инвесторами ввиду преференций курсовой дотации – является одной из главных причин вывода капитала из России для покупки активов в тех странах, где разница между курсом и ППС валюты несущественна.

Особенно болезненными для развития КС России стали отказ от большинства мер селективного управления, принятый в 90-х гг. как условие получения стабилизационных кредитов МВФ, а также отказ от значимой тарифной защиты рынков, принятый в ходе переговоров о вступлении в ВТО. При этом в результате дефектного целеполагания даже имеющиеся (весьма ограниченные) РЭС_Г и регулировочный потенциал системы управления функционированием экономики – используются неэффективно. Нынешнее общее состояние КС России и условий ее функционирования следует признать примерно соответствующим состоянию КС большинства стран Европы после разрушений Второй мировой войны, а по таким параметрам, как средняя эффективность предпринимательского сообщества и качество законоисполнения, – примерно соответствующим начальным этапам модернизации развивающихся стран.

Уровни либерализации и открытости экономики России избыточны как с точки зрения эффективности делового сообщества страны, так и с точки зрения повышения конкурентоспособности и эффективности корпоративного базиса экономики, а регулирующая активность государства в отношении КС в целом и ее сегментов – явно недостаточна.

Многолетний отказ в России от большинства методов управления развитием КС, кроме универсальной экономической политики в духе «неолиберальных» идеологов, предопределяет низкий регулировочный потенциал системы управления функционированием экономики и низкий ресурс экономической субъектности как у государства, так и у национальной КС. В частности, при последовательном расширении расходов консолидированного бюджета в странах ОЭСР (в среднем до 46% ВВП в 2004–2005 гг.) – соответствующие расходы в России в 2004 г. составили 27,5%.

Перечисленные дефекты препятствуют повышению эффективности КС России, поскольку затрудняют ее адаптацию к совокупности рамочных условий функционирования под воздействием рыночных сигналов и управление форматом КС средствами государственной экономической политики.

Эффективность КС России низкая как ввиду ее низкого структурного и системного качества, так и потому, что главные управляющие условия раскрытия потенциала КС – государственное целеполагание и экономическая политика – базируются на ошибочных посылах и не содержат мер компенсации структурных и системных дефектов КС.

С этой точки зрения, госкомпании и недавно созданные госкорпорации должны играть в КС России роль ключевых агентов государственной трансформационной политики. Однако они не выполняют эту роль как ввиду доминирования в России все годы постсоветских рыночных реформ неэффективного варианта экономического целеполагания (либерализация, приватизация, монополизация, открытость как приоритеты), так и ввиду низкого ресурса экономической субъектности государства и влияния на экономическую политику и рыночное поведение госкорпораций фактора специальных экономических интересов.

Опыт постсоветских рыночных реформ показывает, что ни отечественный частный капитал, ни иностранный капитал до сих пор не стали значимыми агентами модернизации КС России и в целом российской экономики. В условиях острой потребности страны в системной модернизации (от базовой инфраструктуры до ключевых отраслей) экономическая политика, предполагающая отказ от ведущей роли государственного капитала в модернизационном процессе, а также ликвидацию или полную маркетизацию госкорпораций, представляется ошибочной.

В обрабатывающей промышленности России, за редкими исключениями (ВПК, космическая отрасль и др.), нет корпоративных структур «транснационального» масштаба, способных самостоятельно, без активной

поддержки со стороны государства, вывести продукцию на мировые рынки и занять на них устойчивые позиции. В то же время ужесточение борьбы за эти рынки (особенно очевидное в условиях кризиса) не допускает экономической политики, предполагающей решение задач повышения экспортной конкурентоспособности национальной КС «когда-нибудь позже».

Неразвитость в России кредитно-финансовой и производственной базы для экспортно-ориентированных сегментов национальной КС – один из главных факторов, сдерживающих развитие экспорта промышленной продукции российских корпораций и исправление «сырьевого перекоса» в национальной экономике.

Таким образом, доминировавший в России все годы рыночных реформ вариант экономической политики (либерализация, приватизация, демонополизация, открытость как приоритеты целеполагания) достаточно убедительно доказал свою неэффективность.

В случае консервации этого варианта экономической политики некоторое увеличение эффективности КС России может быть обеспечено за счет: (1) увеличения работоспособности финансовых рынков (прежде всего, кредитного и фондового рынка); (2) улучшения экономического законодательства (в частности, за счет антирейдерских и антикоррупционных законов, а также за счет принятия новых законов о ФПГ и госкорпорациях) и законоисполнения; (3) структурной перестройки корпоративной системы путем избирательного стимулирования корпоративных слияний и поощрения развития, в пределах возможного, системно связанной с ядром КС корпоративной периферии малого и среднего бизнеса.

Для перевода экономики России и ее КС в режим эффективного развития требуется изменение экономического целеполагания и экономической политики в русле опыта, накопленного странами Европы и Японией на этапе восстановления и модернизации после Второй мировой войны, а также опыта форсированного модернизационного развития «новых индустриальных стран», в направлении смешанной регулируемой экономики. Возможность такого изменения целеполагания и политики определяется, в том числе, и тем обстоятельством, что все наиболее развитые страны мира в контексте текущего экономического кризиса на практике последовательно отказываются от соблюдения базовых принципов «неолиберальной» экономической доктрины.

Ключевыми задачами при таком изменении целеполагания должны являться разработка точной иерархии целевых приоритетов повышения эффективности КС, а также механизмов реализации этих приоритетов средствами

универсальной, селективной и «государственно-предпринимательской» экономической политики. С этой точки зрения, России противопоказаны возврат к практике финансирования основных инвестиций КС и бюджетных дефицитов за счет массированных зарубежных заимствований (и в особенности за счет стабилизационных кредитов МВФ), а также спешное вступление в ВТО.

Для повышения эффективности КС экономики России и ее превращения в работоспособный инструмент решения модернизационных задач требуется, прежде всего, существенная перестройка КС за счет: (а) создания в банковской системе специализированных инвестиционных банков, обеспечивающих рост масштабов инвестиционного кредитования до уровня, способного внести существенный вклад в решение модернизационных задач; (б) увеличения в КС за пределами сырьевого сектора доли крупных корпораций, по размерам активов, занятости и оборота входящих в 500–1000 крупнейших мировых корпораций; (в) реструктуризации КС на основе увеличения доли в ней трансрегиональных корпораций; (г) ограничения присутствия иностранного капитала в КС России экономически целесообразными рамками; (д) обеспечения регулируемого режима работы значительной части КС, и в особенности – регулирования взаимодействия КС и внешнего экономического пространства.

При этом необходимыми инструментами управления повышением эффективности КС России являются: (1) увеличение бюджетного перераспределения ВВП; (2) пересмотр политики денежно-валютного и таможенно-тарифного регулирования в направлении обеспечения возможности дифференцированного по отраслям и сегментам КС управления открытостью российских рынков; (3) ограничение экспорта капитала и жесткое управление курсом рубля (возможно, с использованием, по примеру развитых стран Европы после Второй мировой войны, особого курса рубля для капитальных трансакций); (4) активное использование при управлении КС госкапитала и госсектора.

Подчеркнем, что реализация перечисленных мер не может быть успешной без совершенствования антикоррупционного, антирейдерского и в целом корпоративного законодательства, а также без кардинального повышения качества законоисполнения.

В части изменений корпоративного и общего законодательства представляются необходимыми, прежде всего: (1) закон о госкорпорациях, включающий точное определение их целевых функций, условий деятельности и ресурсного обеспечения, а также мер контроля реализации целей и использования ресурсов; (2) закон о ФПГ взамен отмененного, ориентированный на создание и становление крупных (в том числе вертикально-интегрированных)

корпоративных структур, конкурентоспособных на глобальных рынках; (3) смягчение антимонопольного законодательства в части, касающейся отечественных корпораций, действующих в открытых сегментах национального и мирового рынка; (4) закон об амортизации основных фондов, с обязательными дифференцированными по отраслевым сегментам КС нормами амортизационных отчислений – без него быстрое технологическое перевооружение отечественной обрабатывающей промышленности представляется трудноосуществимым; (5) закон о стандартизации продуктов и услуг и развитая система стандартов и технических регламентов, без которых вряд ли возможно добиться массового высокого качества и конкурентоспособности российской продукции.

Условия модернизации общественных процессов

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Задача модернизации России включает в себя обновление системы государственного управления. Эта цель поставлена пока что в общих словах, не определены сроки и ресурсы выполнения задачи, не сформулированы принципиальные положения будущей программы, не предложены индикаторы и контрольные показатели, а также критерии успеха или неудачи в достижении целей. Задача на данный момент задает лишь ориентир, общую идею исторического выбора, однако и это – важное политическое изменение. Модернизация – необходимое (хотя и не достаточное) условие сохранения России как страны, политической, экономической и культурной целостности.

Превращение ориентира в программу требует инвентаризации и анализа состояния главных систем страны. Здесь мы говорим об одном элементе – интеллектуальном обеспечении государственного управления, хотя проблемы воспроизводства и модернизации этой подсистемы актуальны для управления и во всех негосударственных сферах.

Поскольку надежды на возникновение в постсоветской России дееспособного гражданского общества не оправдались, а следовательно, и существенной организующей способностью в национальном масштабе ни политическая оппозиция, ни профессиональные ассоциации, ни бизнес не обладают, государственное управление остается единственным «скелетом», держащим страну¹.

¹ Здесь не рассматриваем организованную преступность как «теневого двойника» (антисистему) государства, хотя управляющий потенциал преступного мира велик и оказывает большое влияние на государство.

С конца XX века Россия погрузилась в *системный кризис*, тяжесть и продолжительность которого во многом обусловлены именно слабостью и провалами государственного управления. Причин слабости много – это особая глава большой темы о причинах краха советского строя. Некоторые из этих причин не были видны за броней СССР, но стали чрезвычайно важными и разрушительными после утраты защитных систем и скрепляющих механизмов советской системы.

Здесь мы рассмотрим один блок причин слабости государственного управления постсоветской России (РФ) – ущербность той системы «знания и умений», на которую опирается процесс выработки и принятия *решений*.

Наш тезис заключается в том, что эта ущербность вызвана прежде всего слабым развитием рациональной (*прагматической, научной*) компоненты обществоведения, преобладанием в нем идеологического пафоса и утопических концепций. Из этого вытекают неадекватные, часто кардинально ошибочные представления об объекте управления – обществе и его подсистемах.

На излете СССР это было зафиксировано Андроповым: «Мы не знаем общества, в котором живем». В этом было предчувствие катастрофы. Власть обслуживала огромная армия обществоведов – только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 г. было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов работало в госаппарате, хозяйстве и социальной сфере. Уже к 1988 г. было видно, что доктрина перестройки включает в себя неприемлемые риски, – но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

Романтические или идеологизированные представления об обществе, которые закладывались в доктрины и планы трансформации жизнеустройства страны, вели ко все более глубоким срывам в управлении и в конце концов способствовали катастрофе 90-х гг. Причина фундаментальна: индустриальное общество не поддается верному описанию в рамках традиционного и гуманитарного знания, ядро знания об обществе должно быть рациональным, научного типа.

Академик Г.В.Осипов давно пришел к выводу, что важнейшей задачей отечественного обществоведения стал переход от гуманитарно-философского мышления к научно-социологическому¹. Только на основе знания научного типа возможно и предвидение хода общественных процессов, и *конструирование* социальных форм. Лишь в этом случае обществоведение ста-

¹ См. *Осипов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2001.

новится участником разработки управленческих решений, которые поднимаются на уровень *технологии*, а не рутинной реакции на изменение обстановки.

Сегодня, в период быстрых изменений и России, и внешней среды, эта задача стала несравненно более актуальной, чем полвека назад. Но ее решение – это настоящая интеллектуальная и мировоззренческая революция, которая требует большой научной программы. Здесь – корень и узел противоречий модернизации этой сферы.

Это состояние исторически обусловлено. Представление о человеке, обществе и власти развивалось на протяжении всей жизни человечества с помощью разных способов познания, и никакой из видов полученного знания не был устранен. В эпоху *Возрождения* важные позиции заняла *натурфилософия*. Она следовала *холизму* и была тесно связана с *ценностями*. А в XVII веке произошла *Научная революция*, давшая новое представление о мире и о человеке. Возник совершенно новый способ познания – *наука*. Она отошла от *эссенциализма* натурфилософии, т.е. от поиска *сущности*, таящейся в каждой вещи. Наука искала в каждом явлении *общую* закономерность, превращая конкретный предмет в *модель*. Отрицая холизм, она редуцировала явление до абстрактной элементарной сущности, и ее знание было автономно от *ценностей*.

Тогда же возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья. Возник *современный Запад*. Прежние способы управления стали неадекватными новой социальной структуре и культуре. Появились массы людей, не включенных в общинные структуры, отвергающих прежние нормы авторитеты. Главные угрозы стали порождаться самим *обществом* – и техносферой, и социальными или национальными конфликтами, и быстрыми сдвигами в массовом сознании.

Срочно требовалось знание об обществе, полученное с помощью новых методов познания. Само управление должно было стать *технологией*, основанной на знании научного типа. И уже в ходе Научной революции на Западе возник принципиально новый метод познания общества – *научное обществоведение*. Его основоположниками стали участники Научной революции. Они создавали научные, хорошо разработанные модели общества, ставшие инструментами познания и в то же время мощными средствами воздействия на общественное сознание и легитимацию общественного порядка¹.

¹ Гоббс разработал модель человека, нового общества и государства. Человек Гоббса – *атом*, свободный индивид, который находится в непрерывном движении. На основе этой модели был

Россия очень *молода* по сравнению и с Западом, и с Востоком. Писать обществоведческие трактаты и обсуждать их начали только в XIX веке. О крестьянах (90% населения) стали писать только после реформы 1861 г. Традиционное знание о государстве и общественной жизни, накапливалось так же, как и в других культурах, но *не хватило времени* соединить это знание с научным методом. Образованная часть общества не успела совершить мировоззренческий переход, необходимый, чтобы создать научное обществоведение.

В целом, обществоведение России вышло из *классической русской литературы* (и под влиянием немецкой философии; в советское время под воздействием марксизма с его романтической компонентой), а не из науки. Оно пошло по пути *натурфилософии*. Можно сказать, оно было сначала разновидностью литературы и проникнуто сильным нравственным чувством. С самого начала оно занимало пристрастную, даже радикальную позицию, выступая на стороне обездоленных. По своим методологическим установкам это обществоведение сразу утверждало *«то, что должно быть»* – декларировало нравственные идеалы и ценностные нормы¹.

Такое обществоведение не давало беспристрастного знания и не обладало жесткой системой познавательных норм, которые сплачивают научные сообщества. Это и сейчас остается общим явлением – и у правых, и у левых. Их тексты лишь отражают колебания общественного мнения интеллигенции. А инженерного знания, на котором и власть, и оппозиция могли бы строить свои политические и управленческие *технологии*, не было и нет.

развит подход к объяснению человека и общества – *методологический индивидуализм*, который и до сих пор применяется в западном обществоведении. Как инструмент познания конкретного общества, модель Гоббса эффективно выполнила свои функции. Исходя из этой модели человека, Локк создал учение *гражданском обществе*. Адам Смит, исходя из модели мироздания Ньютона, создал теорию *рыночной экономики*. Он буквально перенес ньютоновскую модель в сферу хозяйства.

¹ Первым отечественным социологическим исследованием в России считают книгу Н.Флеровского (В.В.Берви) «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования» (1869). Маркс многократно ссылается на эту книгу как на достоверный источник знания «о положении крестьянства и вообще трудящегося класса в этой окутанной мраком стране». Он пишет о ней Энгельсу: «Это самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о «Положении рабочего класса [в Англии]». Прекрасно изображена и семейная жизнь русского крестьянина – с чудовищным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами». Флеровский излагает свои ценностные предпочтения, давая характеристики «каждого народа» России (не без примеси русофобии).

Так мы пришли к такому положению, что Запад, при всех его провалах и кризисах, обеспечил постоянное снабжение государства и общества беспристрастным, *инженерным* обществоведческим знанием. А уж как им пользоваться – это решают «потребители» (политики, администраторы, общественные деятели, предприниматели и обыватели) исходя из своих ценностных представлений.

В начале XX века государство и общество развивались при остром дефиците *научного знания о самих себе*. У власти отсутствовали индикаторы, с помощью которых можно было бы следить за ходом общественных процессов. В результате допускались ошибки, которых, в принципе, можно было бы избежать. Так дело довели до революции – во многом из-за недостатка знания.

СССР продержался на «неявном» знании поколений, которые практически строили государство и хозяйство, вели войну и восстановление. С уходом этих поколений, которые не оставили формализованного знания («учебников»), ошибочные представления об обществе, полученные в вузе, вели к срывам и в конце концов – к катастрофе. После войны, во второй половине XX века, наличие обществоведения научного типа становилось условием выживания – без него уже было невозможно успешно управлять урбанизированным индустриальным обществом.

В советское время реальность искажал методологический фильтр *исторического материализма*. В 90-е гг. истмат был «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма – без смены методологических установок. Более того, «рыночный» детерминизм приобрел в «неолиберальном» обществоведении характер догмы (речь идет о доминирующей и официально признанной части обществоведения). В результате произошла деградация когнитивной структуры экспертного сообщества, которое «обслуживает» систему управления¹.

Современное состояние интеллектуальной поддержки управления в РФ. За прошедшие двадцать лет основные типы сбоев рационального мышления в разных сегментах российского общества устоялись и определились. Все эти сбои сложились в систему, так что выстроить их иерархию трудно – они дополняют друг друга, придавая сознанию социокультурных

¹ *Когнитивный* (от лат. *cognitio* – становиться причастным к знанию). Когнитивная структура это соединенная в систему совокупность познавательных средств – языка (понятий), фактов, теоретических концепций и методов получения и передачи знания. Человеческие общности (в частности, профессиональные сообщества) соединены, наряду с другими типами связей, общей когнитивной структурой. Кризис когнитивной структуры нередко ведет к распаду сообщества.

общностей характер целостностей, различающихся лишь спецификой их патологий. В одних акцентирован отказ одного компонента или навыка мышления, в других – иной, при сходстве общей структуры.

Возможно, стабилизация 2000–2008 гг. смягчила регрессивные проявления дефектов когнитивной структуры, но это маскирует интенсивность прорывов тех угроз, которые «созрели» за 20 лет. Ситуация осложняется одновременным исчерпанием потенциала стабилизирующих факторов, унаследованных от советской системы (таких, как культура, квалификация и здоровье работников, ресурс техники и др.).

Перечислим главные сбои рациональности сообщества работников государственного управления и тех экспертов, которые оказывают им интеллектуальную поддержку при выработке решений: вытеснение реалистического мышления *аутистическим*; игнорирование *ограничений* и *мифотворчество*; преувеличенная до патологии склонность к *гипостазированию*¹; глубокая деформация инструментов *меры*, утрата навыка работы с *несоизмеримостью* и *неопределенностью*; утрата навыков работы с системой «*параметры–индикаторы–критерии*», а также различия *скалярных* и *векторных* величин, рассмотрения объекта управления во *временных координатах*; отказ функций рефлексии, предвидения и целеполагания, к распознаванию и оценке *угроз*; этический нигилизм.

Кратко приведем примеры дефектов, которые расчленили методологическую матрицу управления, и конкретных провалов, снижающих качество решений.

В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А.Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества»². Страх – понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но какова природа *невежества* элиты реформаторов? Какие провалы в когнитивной структуре надо срочно закрыть, чтобы она была готова ответить на обострение кризиса?

¹ Из словаря: «Гипостазирование (греч. *hypostasis* – сущность, субстанция) – присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо». Предметами гипостазирования стали и главные понятия реформы: рынок, демократия, конкуренция и пр.

² Эмсен А., Интригейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М., 1996.

Для управления нужны точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и предвидения и проектирования. Эти инструменты и нормы рациональности были сильно повреждены во время и после перестройки – в результате в среде разработчиков доктрины реформ методологическим принципом стала **безответственность**. Академик А.Н.Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма – точнее, периода 60-х–середины 80-х гг. – еще впереди, его даже не начинали». Если так, то нельзя производить радикальную переделку этого общества! Эксперт, если он не вредитель, обязан сначала *изучить* объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Главная функция науки заключается в том, чтобы *формулировать запреты* – предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей – указывать, чего нельзя делать, чтобы не освободить разрушительных сил. Этой функции обществоведение не выполнило. Поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов не сказал, что советское хозяйство, согласно доктрине реформы, **может быть переделано** в рыночное хозяйство западного типа. Решения по важнейшему вопросу строились на предположении, которого никто не решился явно высказать. Никто не заявил, что на выходе реформы возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. А предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Советники правительства не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы – и тут же требовали его переделывать. Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа. Отбросив мысль, что доктрина реформ есть плод заговора против России, мы вынуждены признать, что ее замысел был в научном плане несостоятельным – он включал в себя ряд ошибок *фундаментального* и *тривиального* характера. Это – провал рациональности.

Уже к середине 90-х гг. мнение о том, что реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. Дж.Стиглиц дает такую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту»¹.

¹ См. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003, С.188.

Вдумаемся: мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества* (это метафора, но в ней много верного). Значит, речь идет не о частных, а о *системных* ошибках проекта, о выборе «странных аттракторов», которые тянули к наихудшим вариантам.

Второй важный срыв – утрата навыков рефлексии. Управление требует регулярного анализа и коррекции прошлых решений и состояний. Перед нами явление крупного масштаба, очень важный объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 20 лет официальной рефлексии по отношению к *методологическим* основаниям реформ не наблюдается.

Дж.Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным»¹. Другими словами, реформаторы и их ученые советники совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем. Так надо признать это и выяснить причины ошибок! Но рефлексии нет!

В 2004 г. В.В.Путин сказал, что первый этап реформ «был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». А ведь реформа представлялась как *модернизация* экономики – а оказывается, это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». Общество обманули, власть следовала тайному плану. Как можно управлять хозяйством, не дав анализа и оценки той программы, даже с точки зрения государственной безопасности.

Снижение качества управления выразилось в уходе от постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей, для них как будто и не существовало неясных вопросов, не было возможности поставить их на обсуждение.

Академик Т.И.Заславская квалифицировала реформу как «*Социальную революцию... в корне меняющую основные общественно-политические структуры, ведущую к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Этого не надо бояться

¹ Там же. С.81.

тем, кто не боится самого слова *революция*»¹. Лидер официальной социологии страны объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что будет «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» – и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х гг. в стране, где была устранена массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступам к главным жизненным благам? Безответственность такого доктринерства просто потрясает.

Такое отношение к изменениям, несущим массовые страдания, стало именно принципом экспертов, фактически готовящих проекты государственных решений. Можно говорить об утрате управленческими структурами «*системной памяти*», необходимой для выработки хороших решений. Отключение «блока рефлексии» в сознании работников управления в начале 90-х гг. было массовым и поразительным по своей моментальности – как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Драматических примеров этой аномалии – множество, самопроизвольного «излечения» не происходит.

Типичным дефектом управленческих решений стало игнорирование *системного* контекста. Готовя решение, чиновники не предвидели и не «чувствовали», как оно скажется на разных сторонах общественной жизни. Такие случаи мы видим на каждом шагу. По мере угасания системного мышления чиновников их решения стали порождать все более серьезные угрозы. Не чувствуя пороговых явлений и цепных процессов, чиновники своими решениями выпустили из бутылки множество «джиннов» – наркоманию, коррупцию, организованную преступность, ускоренное старение ЖКХ. Все это нелинейные процессы с сильными кооперативными эффектами. Этих «джиннов» было сравнительно легко удерживать в допороговой фазе, не давая им «размножаться». И теперь не хватает сил, чтобы остановить расширенное воспроизводство этих чудовищ.

Утрата способности предвидеть негативные результаты решений – уже не аномалия, а патология управления. Это – замена реалистического мышления аутистическим. Ю.В.Яременко писал об авторах доктрины: «Проблема адекватности реформы живой экономике для них не стояла». Он зада-

¹ Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1988. С.40.

вался вопросом: «Почему мы все же продолжаем жить по тем правилам, которые, как выяснилось, ни к чему хорошему не приводят?»¹.

Виднейший экономист того момента, академик и директор ведущего института «задавался» вопросом, который мучил все население. Но ответа не было и нет! Его вопрос риторический. Он не мог задать его на заседании правительства, в кабинете у Президента, с трибуны Госдумы.

Один из разработчиков доктрины реформы, С.Кордонский, так определил главную установку ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х гг. до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность – вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю»². Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую аномалию.

Массив решений в реформе отмечен важным мировоззренческим срывом. В жизни общества неразрывно связаны два разных вида деятельности – *создание* и *сохранение*. Они по-разному проектируются и организуются. За годы реформы из мышления управленцев каким-то образом была изъята категория *сохранения*. Много говорилось о разрушении, что-то – о созидании. Ничего – о сохранении.

Иррациональной, на грани безумия, была идея *деиндустриализации* России. Ее пропагандистами были видные эксперты правительства. Так, академик Н.П.Шмелев призывал «избавиться от значительной части промышленного потенциала» (конкретно – «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей»)³. Но это было общим местом в заявлениях многих высших должностных лиц – и не вызвало никакой тревоги, никаких вопросов у министров, депутатов и в Администрации президента⁴.

¹ Цит. по: Пчелинцев О.С. Двенадцать лет преобразования экономики России: правильно ли был поставлен диагноз? // «Проблемы прогнозирования». 2003, №3.

² Кордонский С. Социальная реальность современной России. www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.

³ Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. // «Социологические исследования». 1995, №3.

⁴ В докладе американских экспертов, работавших в Российской Федерации, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических

Тон задавал Б.Н.Ельцин: «Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом – через колено. Как она создавалась, так и была разрушена»¹. И это – рассуждение Президента! Какая «сталинская экономика» в 1992 г.? Как может промышленность «генетически диктовать» ее слом, да еще через колено? Как он расслышал голос промышленности? Разве разумно разрушать имеющуюся промышленность только по той причине, что «не существовало никакой другой»?

Промышленность – лишь пример. Государство проявило немыслимую безжалостность к системам жизнеобеспечения. Критической проблемой стало состояние ЖКХ. Это достояние страны (треть ее основных фондов), стало деградировать и идет к катастрофе. Это неумолимый процесс, но все внимание направлено лишь на *строительство* новых домов, хотя самой актуальной общенациональной проблемой стало сегодня *сохранение старого*.

Такое же отношение проявлено и к большим техническим системам (типа Саяно-Шушенской ГЭС или ирригации), к профессиональным общностям, «вырастить» которые стоило огромного труда в течение полутора веков (рабочему классу, научно-технической интеллигенции, многим другим), самобытным социокультурным системам России (школе и науке, колхозам и пионерлагерям). Все они были подвергнуты перманентной трансформации, которая за 20 лет изуродовала их культурные и социальные матрицы.

Здесь речь о той глубокой деформации мировоззренческой и культурной основы государственного управления, которая обнаруживается за всеми этими процессами.

Восстановление рациональности, опоры на разум, науку и этику в работе государственного управления стало сейчас общенародной, надклассовой задачей. В ходе ее решения и будет происходить *основная* модернизация управления, а вместе с тем почти незаметно, она будет открывать возможности для модернизации *технологической*. Без решения фундаментальной задачи технологические инновации натолкнутся на вязкое сопротивление или даже ухудшат ситуацию.

прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно известных лабораторий - значит смириться с ужасным несчастьем».

¹ Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С.300.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА¹

С конца 2008 г. социально-политическая ситуация в России в основном формировалась под воздействиями эффектов мирового экономического кризиса, антикризисных действий Правительства РФ, а также стратегической модернизационной инициативы Президента РФ, которые в своей совокупности результировались в сложной релевантной композиции тревожностей общества (см. табл. 1).

Из приведенного ряда тревог обращает внимание уменьшение тревоги граждан по поводу повышения тарифов на услуги ЖКХ. Также снижается тревожность россиян по индикатору «повышение цен на продукты питания». Однако наблюдался существенный рост числа респондентов, которых тревожит разделение общества на богатых и бедных и высокая инфляция. Структура и характер тревог в обществе к июню 2011 г. стал в значительной мере определяться социальной эффективностью экономической политики, проводимой государством.

Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ претерпела за полгода заметные изменения (см. график 1).

Реформы остаются вне интересов и внимания 38% граждан. В целом, с учетом отрицательно относящихся к реформам респондентов, экономическая политика, проводимая сегодня государством, позитивно не актуальна для большей части общества (77%).

Этот вывод подтверждается ответами на прямо поставленный вопрос о соответствии экономических преобразований интересам большинства населения (см. график 2).

¹ Эмпирические исследования проводятся в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». Исследовательский коллектив: д.с.н. В.К.Левашов (руководитель), с.н.с. В.А.Афанасьев, с.н.с. О.П.Новоженкина, к.с.н. И.С.Шушпанова. Объем выборочной совокупности в июне 2011 г. составил 1865 респондентов. Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ [проект №10-06-00200 «Социологический мониторинг «Социально-политическая устойчивость российского общества в условиях выхода из мирового экономического кризиса: тенденции и стратегии (2010–2012)»] и РГНФ (проект №11-03-00266а «Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов

РФ, в % от числа опрошенных

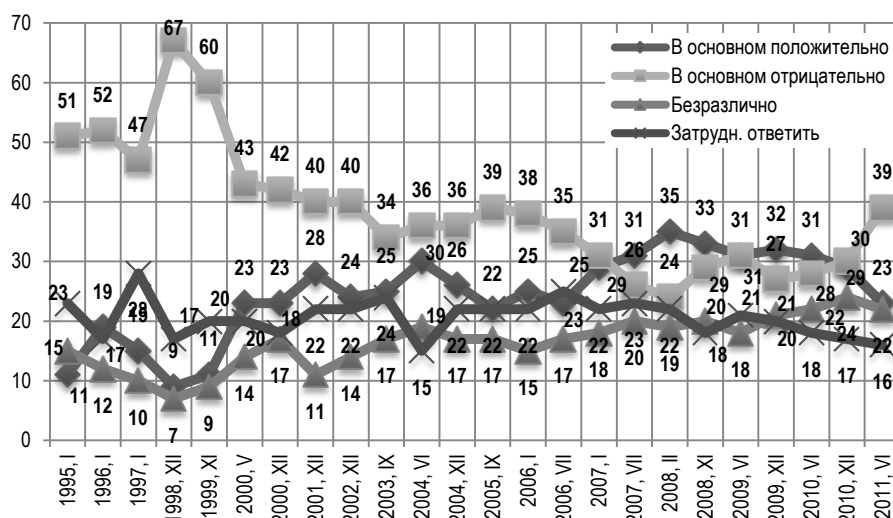
	1992, август	1993, ноябрь	1994, февраль	1995, январь	1997, январь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2005, сентябрь	2006, январь	2007, январь	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь	2010, декабрь	2011, июнь
Дороговизна жизни	-	70	58	60	41	66	67	60	60	55	58	57	58	58	50	48	51	53	56
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	44	46	43	46	48	42	35	36	31	38	43	36
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	32	27	29	29	31	32	31	29	28	28	33	31	35	33
Экологическая обстановка	22	26	34	31	24	33	32	33	29	31	37	38	38	32	31	32	32	33	33
Повышение цен на продукты питания													40	36	34	32	29	39	31
Преступность	44	51	50	43	28	51	49	44	32	36	36	36	32	32	28	34	33	30	29
Безработица	-	24	24	21	14	31	29	25	22	25	22	18	16	23	32	25	26	29	29
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	-	33	33	22	23	27	27	27	22	22	20	19	20	18	27
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	31	33	28	29	26	27	24	22	25	25	27	25
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	32	27	25	26	25	29	27	27	29	26	31	26	27	24
Алкоголизм	-	-	-	-	-	17	17	18	20	20	25	27	22	19	22	25	22	20	24
Наркомания	-	-	-	-	-	42	26	32	29	30	31	30	27	26	22	26	23	22	23
Терроризм	-	-	-	-	-	27	29	31	26	24	17	15	12	16	9	17	24	15	18
Высокая инфляция													25	26	19	14	13	11	16
Закрытие, простой предприятий	-	-	32	30	22	28	19	16	14	13	14	13	8	12	15	14	14	11	14
Обострение межнациональных отношений	26	11	10	10	7	21	15	8	8	10	11	8	9	10	9	9	8	9	10
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	9	7	5	7	11	7	7	7	7
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	14	9	7	4
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	4	3	2	3	3	2	5	2	2

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 1

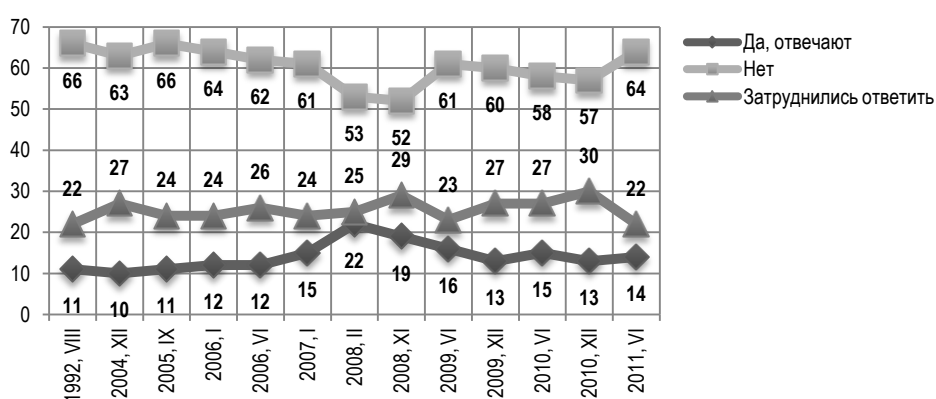
Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ
РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 2

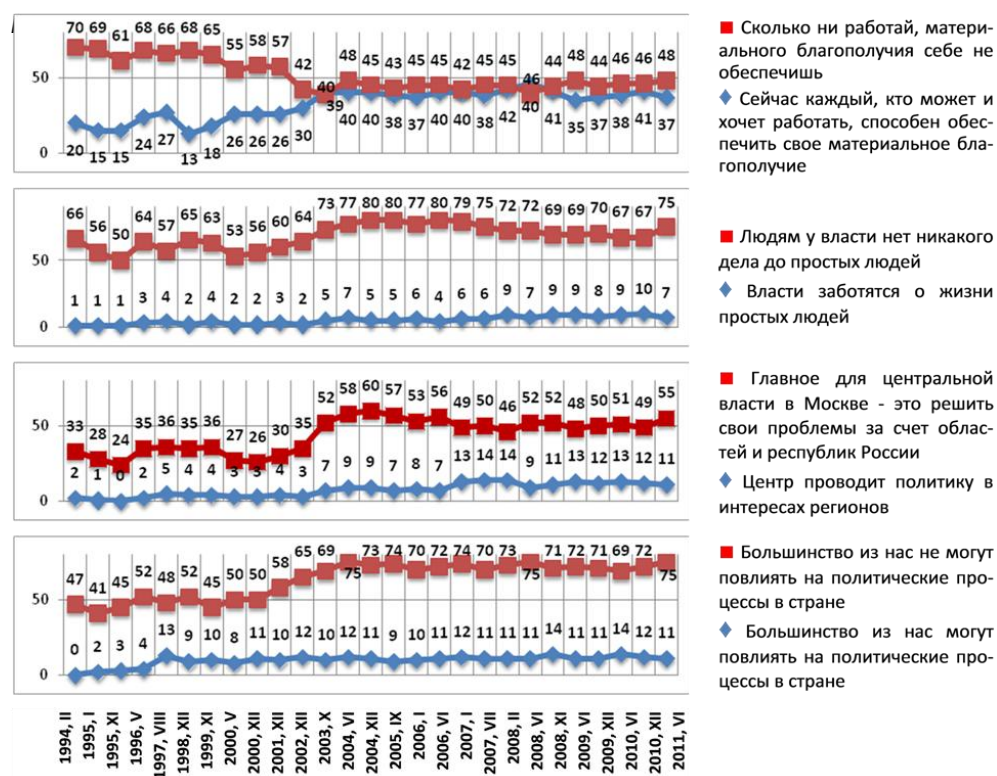
Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения
РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 3

Суждения респондентов о жизни в стране

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Индикатор позитивной трудовой мотивации (сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие), достигнув в 2008 г. уровня 46%, остановился в своём росте. В 2011 г. его позитивное значение составило 37%, негативное (сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь) – 48%. Индикатор, показывающий мнение граждан об уровне заботы власти о жизни простых людей, остаётся критически низким – 7%. Три четверти опрошенных граждан (75%) заявили, что людям у власти нет никакого дела до простых людей. Социальная и политическая дистанция между Центром и регионами по-прежнему остаётся

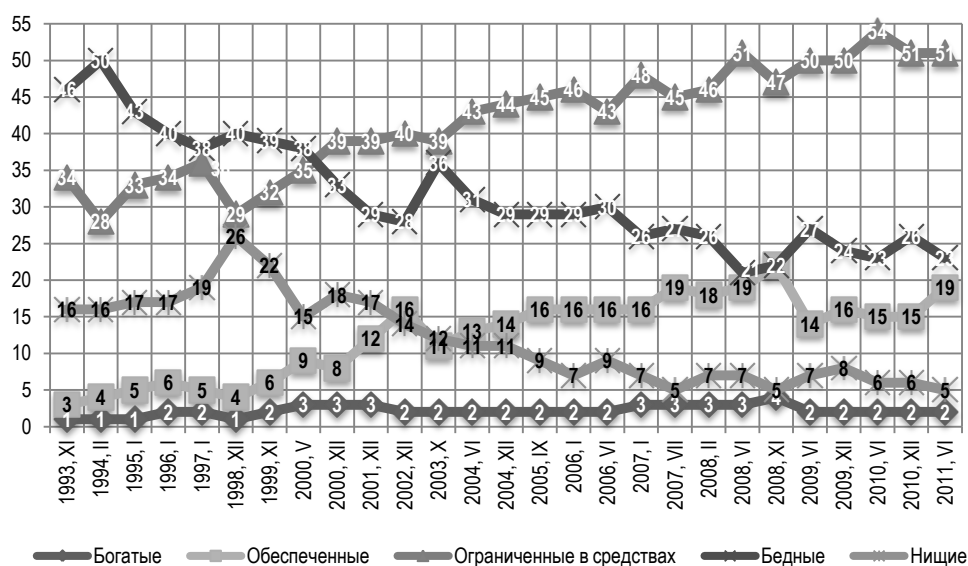
значимой: «Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России» – 55%, «Центр проводит политику в интересах регионов» – 11%. Отчуждение общества от политики остаётся критически высоким: «Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране» – 11%, «Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» – 75%.

Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым (см. график 4).

График 4

Самооценка денежных доходов респондентов¹

РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

¹ Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

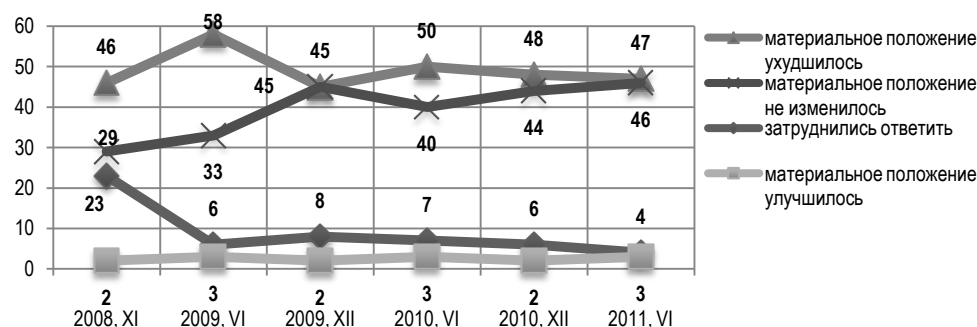
Самооценка уровня денежных доходов «богатых» (2%) и «обеспеченных» (19%) граждан в обществе застыла и не изменяется с 2002 г. Кризис, несомненно, отразился на темпах роста группы «богатых» и «обеспеченных» граждан. Растет доля «ограниченных в средствах» граждан. С 1993 г. она увеличилась с 34% до 51%, сокращаются доли «бедных» с 46% до 23% и «нищих» граждан с 16% до 5%. Позитивная динамика самооценки материального положения граждан налицо.

По мнению большинства граждан, мировой экономический кризис существенным образом отразился на материальном положении их семей (см. график 5).

График 5

Мнение респондентов о том, как мировой экономический кризис отражается на материальном положении их семьи

РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

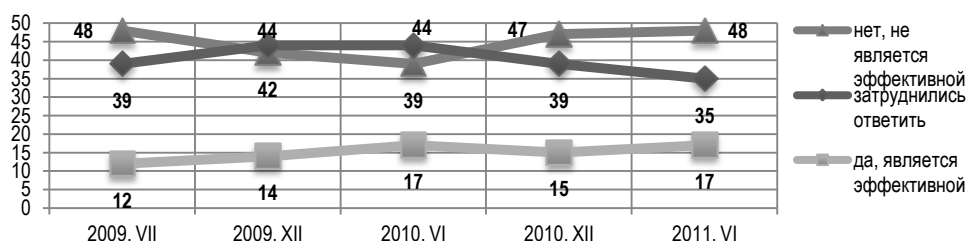
Мировой финансовый кризис существенным образом повлиял на общественное сознание российского общества. Большинство российских граждан осознало, что они уже живут в новой, отличной от СССР стране, в которой их жизнь в значительной мере стала зависеть от внешних экономических условий. Россия вступила в эпоху сложной перестройки международных экономических отношений, динамичного усиления глобальной взаимозависимости суверенных стран, становления глобального общества и его социально-политической институциональной структуры управления.

Правительство России приняло антикризисную программу, доверие граждан к которой низкое (см. график 6).

График 6

Мнение респондентов о том, является ли достаточно эффективной программа антикризисных мер правительства России

РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

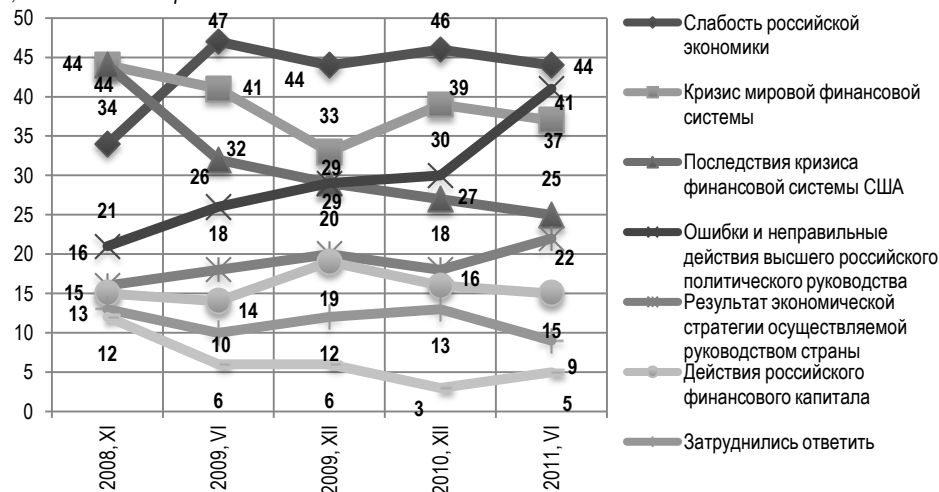
За год доля граждан, которые считают, что принятая программа является эффективной, не изменилась (17%). За тот же период доля тех, кто эту программу считают неэффективной, увеличилась с 39% до 48%. Число затруднившихся ответить остается высоким – 35%.

Российские граждане имеют свои конкретные мнения о том, каковы главные причины разразившегося в России экономического кризиса (см. график 7).

График 7

Мнение респондентов о том, каковы главные причины разразившегося в России экономического кризиса

РФ, в % от числа опрошенных

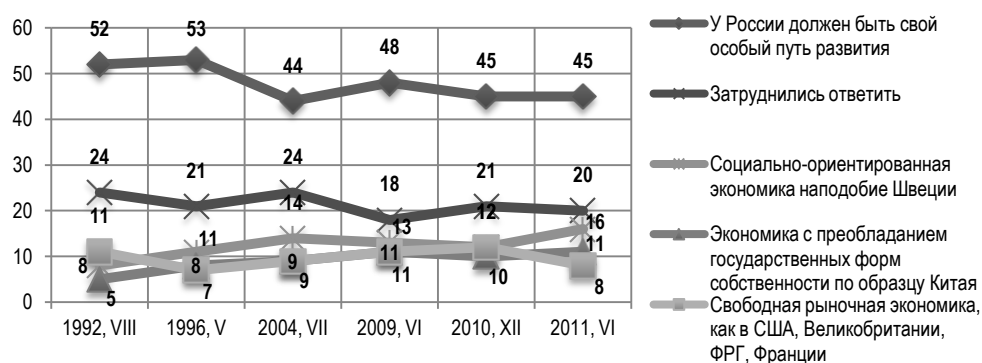

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Выяснение мнений респондентов о том, какой путь экономического развития наиболее приемлем для России, выявило следующую картину (см. график 8).

График 8

Мнение респондентов о том, какой путь экономического развития наиболее приемлем для России
РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Почти половина опрошенных граждан (45%) считают, что у России должен быть свой особый путь развития, 16% выбрали модель социально-ориентированной экономики наподобие Швеции, 11% – экономики с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая, еще 8% – свободной рыночной экономики, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции, а 20% – затруднились ответить.

Экономическое состояние общества не может не сказываться на его отношении к существующей политической системе. Менее половины граждан (45%) считают, что в нашем обществе существует много недостатков, но их можно устранить реформами. Остальные три тенденции имеют схожую волнообразную форму проявления и периодически стремятся к уравненной средней величине (см. график 9).

Количество радикально настроенных граждан за прошедшие годы сократилось с 43% до 33%. Доля граждан, поддерживающих политическую систему (консерваторов) в её существующем виде, выросло с 3% до 10%. А число затруднившихся ответить остановилось на значении 12%.

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам за последние полгода не претерпела серьезных изменений (см. табл. 2, 3).

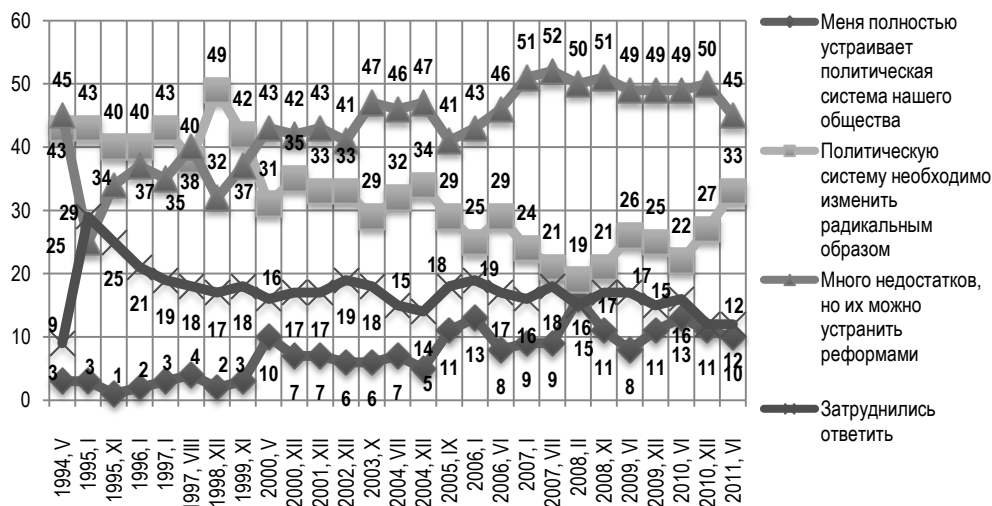
Заметно усилилось недоверие к Президенту РФ с 24% до 32%. Снова вырос уровень недоверия к Совету Федерации – с 34% до 43%, к Государственной Думе – с 48 до 55%, Администрации Президента РФ – с 32% до 43%, Совету Безопасности – с 27% до 37%, Общественной палате – с 32% до 44%, партиям и политическим движениям – с 50% до 56%, руководителям регионов – с 39% до 58%. На высоком уровне держится показатель недоверия к банковским и предпринимательским структурам – 65%. В соревновании «доверия – недоверия» населения к государству и бизнесу в России пока, как показывают результаты социологических исследований, побеждает государство.

Измерение отношения граждан к политическим партиям, движениям, блокам показывает, что к настоящему моменту в нашей стране не сложилась сбалансированная партийно-политическая система (см. график 10).

График 9

Отношение респондентов к политической системе общества

РФ, в % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 2

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам (вариант ответа «доверяю»)

РФ, в % от числа опрошенных

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, январь	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6
1997, январь	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8
1998, декабрь	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5
1999, ноябрь	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5
2000, май	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8
2000, декабрь	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11
2001, декабрь	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10
2002, декабрь	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11
2003, октябрь	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12
2004, июнь	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10
2004, декабрь	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12
2005, сентябрь	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12
2006, январь	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11
2006, июнь	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10
2007, январь	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16
2007, июль	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12
2008, февраль	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15
2008, июнь	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15
2008, ноябрь	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13
2009, июнь	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10
2009, декабрь	58	45	26	19	32	32	23	13	41	24	45	19	25	25	27	15
2010, июнь	59	44	25	22	31	30	21	15	46	24	50	21	30	35	26	16
2010, декабрь	55	43	26	18	32	31	21	11	40	18	49	17	27	34	26	15
2011, июнь	49	38	21	16	24	27	16	12	40	19	46	16	23	23	26	12

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 3

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам (вариант ответа «не доверяю»)

РФ, в % от числа опрошенных

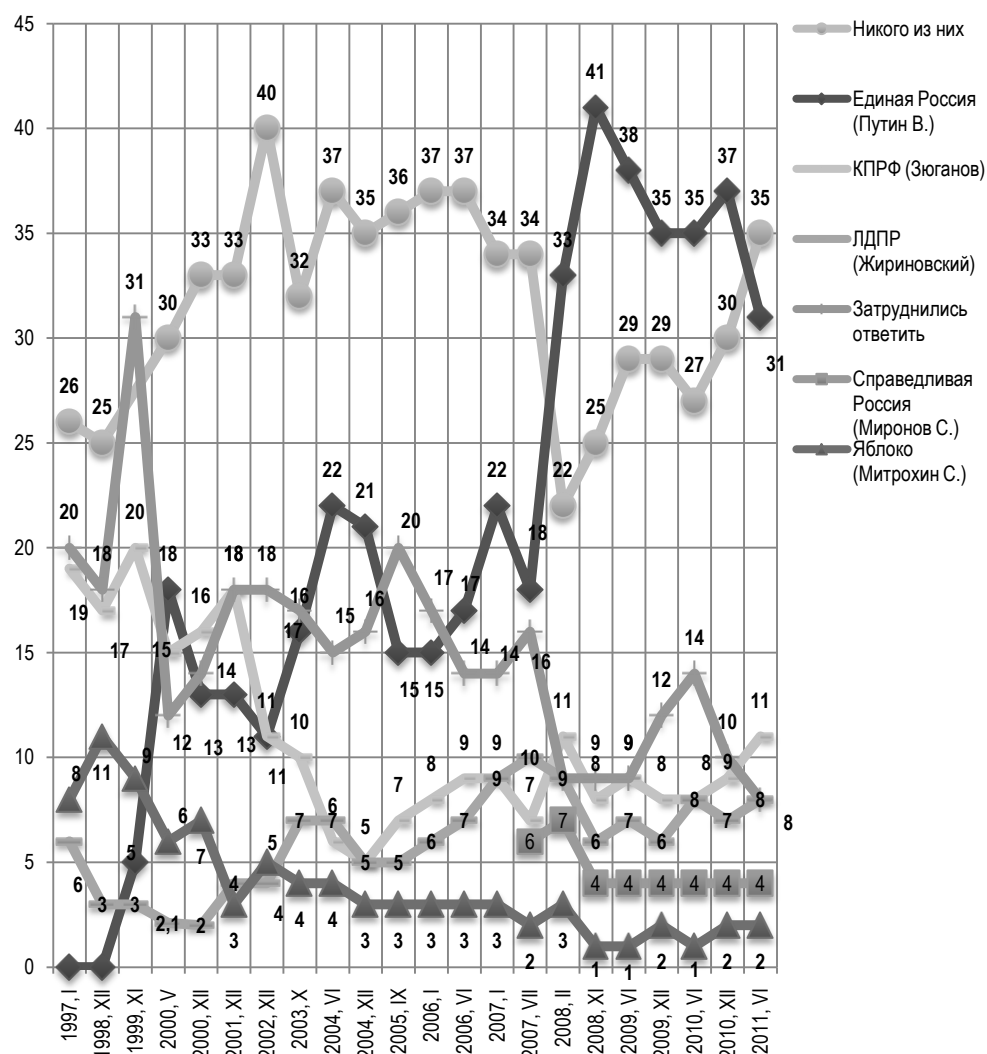
	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, январь	74	69	60	61	*	*	-	59	40	52	-	63	-	59	53	65
1997, январь	73	72	65	64	74	66	-	66	50	62	48	65	-	62	60	74
1998, декабрь	85	66	67	69	83	65	-	74	46	62	39	61	-	39	62	78
1999, ноябрь	88	60	54	62	82	58	-	70	44	61	48	64	-	51	66	78
2000, май	39	48	52	62	57	51	-	72	37	54	41	60	-	54	59	70
2000, декабрь	42	57	60	66	59	47	-	70	44	55	46	57	-	57	63	70
2001, декабрь	35	53	51	63	57	43	-	70	39	56	38	58	-	55	66	68
2002, декабрь	36	57	53	67	50	45	-	68	39	53	38	57	-	52	56	58
2003, октябрь	28	55	52	66	49	43	-	73	43	56	36	71	-	56	60	63
2004, июнь	31	51	52	63	46	42	-	72	47	55	34	63	-	57	55	64
2004, декабрь	33	59	55	69	50	48	-	72	48	56	37	68	-	60	57	62
2005, сентябрь	28	49	41	57	42	34	-	64	39	45	26	58	-	47	45	52
2006, январь	36	56	49	65	48	44	-	71	46	56	37	65	-	53	56	62
2006, июнь	34	57	48	68	46	40	-	76	49	54	36	68	-	54	56	59
2007, январь	23	52	47	65	38	34	42	75	43	49	29	64	47	56	53	58
2007, июнь	28	51	48	61	42	40	45	75	48	54	35	63	46	55	56	64
2008, февраль	21	41	41	59	36	38	42	73	41	52	31	60	45	52	56	58
2008, июнь	18	34	37	51	28	27	32	74	31	44	21	58	41	44	47	54
2008, ноябрь	17	31	35	52	27	24	33	69	34	45	21	56	36	44	49	52
2009, июнь	25	35	35	51	33	30	33	68	34	40	22	58	38	51	48	60
2009, декабрь	25	32	34	50	32	29	33	69	36	37	23	51	34	49	45	54
2010, июнь	22	33	34	44	31	28	31	68	30	36	24	50	32	38	46	59
2010, декабрь	24	33	34	48	32	27	32	68	33	43	22	50	35	39	45	56
2011, июнь	32	41	43	55	43	37	44	72	35	44	25	56	40	58	47	65

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 10

Уровень поддержки респондентами политических партий, движений, блоков
РФ, в % от числа опрошенных

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

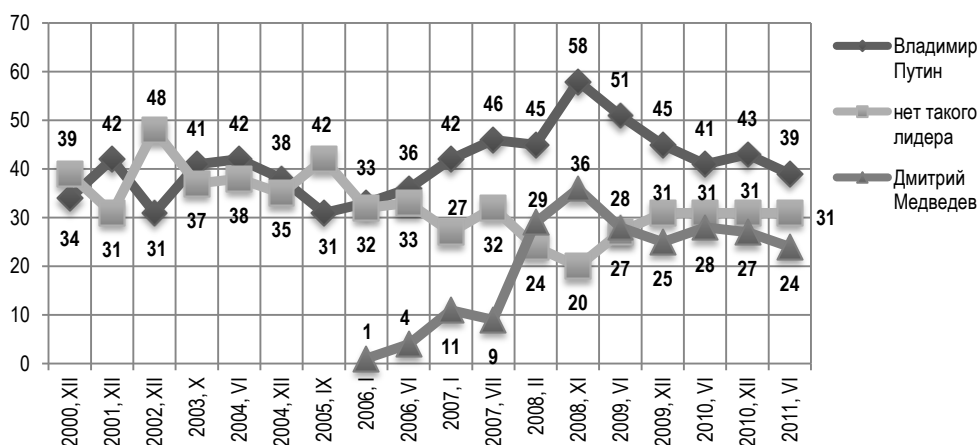
Около 35% россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, а 8% затрудняются ответить на вопрос. Партия «Единая Россия» теряет своих сторонников. Ее поддерживает 31% граждан. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опроса составляли соответственно 11% и 8%. Далее следует «Справедливая Россия» (4%). Значения рейтинга всех остальных политических партий незначительны.

Владимир Путин остаётся, по мнению граждан, главным политическим лидером страны, который способен вывести Россию из кризиса (см. график 11).

График 11

Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ

Вопрос: «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?»
РФ, в % от числа опрошенных

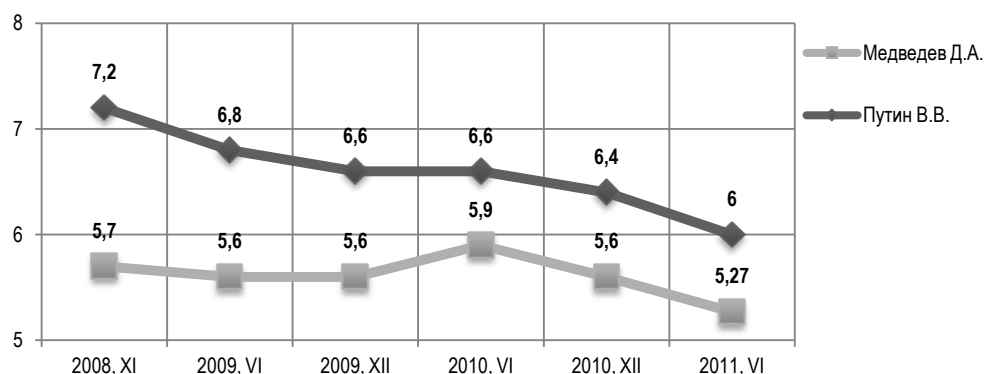
Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Приблизительно треть респондентов (31%) не отдают предпочтения никому из политиков. Далее следует с 24% Д. Медведев и затем на тринадцать процентных пунктов ниже В. Жириновский (11%), Г. Зюганов (10%), С. Шойгу (9%). Последние три политика с учетом ошибки выборки имеют приблизительно равные рейтинги популярности и составляют второй эшелон политика России. К третьему эшелону политиков россияне отнесли А. Лукашенко (6%), М. Ходорковского (5%), С. Миронова (5%).

В.Путин и Д.Медведев остаются лидерами общественного мнения. Оценка их деятельности на государственных постах остается достаточно высокой, но имеет тенденцию к снижению (см. график 12).

График 12

Оценка деятельности Медведева Д.А. на посту президента и деятельности Путина В.В. на посту председателя правительства России
РФ, в баллах по 10-балльной шкале

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По 10-балльной шкале деятельность Путина В.В. на посту Председателя Правительства оценивается выше (6 баллов), чем деятельность Медведева Д.А. на посту Президента России (5,27 баллов). Хотя динамика оценки деятельности В.Путина имеет слабо выраженную тенденцию к понижению, а Д.Медведева – к повышению.

Что касается динамики поддержки различных форм защиты социальных интересов, то здесь не произошло серьезных изменений (см. табл. 4).

Только 10% граждан считают, что их интересы достаточно защищены, 11% – подпишут обращение к властям, 13% – выйдут на митинг, демонстрацию, 12% – будут участвовать в забастовках, акциях протеста, 12% – если надо, возьмут оружие, 27% – ничего из перечисленного не будут делать, 15% – затруднились ответить.

Анализ политической практики показывает, что формы социального протеста тесно коррелируют с политическими взглядами граждан. В этой связи заслуживает пристального внимания социологическая информация об идейно-политическом структурировании социума (см. табл. 5).

Таблица 4

Динамика поддержки различных форм защиты социальных интересов

РФ, в % от числа опрошенных

	Мои интересы достаточно защищены	Подпишу обращение к властям	Выйду на митинг, демонстрацию	Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	Если надо, возьму оружие	Ничего из перечисленного не буду делать	Затруднились ответить
1994, февраль	3	13	9	11	13	19	31
1995, ноябрь	1	13	7	6	9	28	35
1997, январь	5	10	10	10	15	17	32
1998, декабрь	3	10	11	13	15	21	26
1999, ноябрь	4	14	16	13	12	18	22
2000, май	9	10	9	9	13	17	30
2000, декабрь	8	13	12	8	11	24	23
2001, декабрь	7	18	9	11	13	16	26
2002, декабрь	10	9	7	12	13	29	18
2003, октябрь	9	11	9	8	13	27	21
2004, июнь	5	12	11	11	15	25	20
2005, сентябрь	7	9	9	11	13	27	22
2006, июнь	7	13	10	13	13	26	19
2007, январь	6	20	16	12	11	18	17
2007, июль	7	20	16	11	10	21	15
2008, февраль	9	14	11	12	10	27	17
2008, июль	9	14	12	11	11	27	15
2009, июнь	10	15	12	12	13	23	14
2009, декабрь	9	13	11	11	12	26	17
2010, июнь	12	10	12	9	11	27	18
2010, декабрь	11	13	14	11	10	27	14
2011, июнь	10	11	13	12	12	27	15

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Каковы Ваши политические взгляды?»

РФ, в % от числа опрошенных

Варианты	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сент.	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь	2010, декабрь	2011, июнь
Демократические	16	28	26	33	23	26	23	26	26	28	30	36	24	29	32	33	27
Патриотические	17	21	18	19	24	21	26	22	25	21	20	22	22	22	21	21	20
Либеральные	4	8	10	8	6	7	9	10	10	9	10	9	11	10	10	9	9
Коммунистические	7	13	8	7	8	7	7	10	7	8	9	8	9	8	9	7	8
Социалистические	9	9	12	7	9	10	8	7	8	11	7	7	13	6	7	8	14
Консервативные	3	3	7	4	5	5	6	6	6	5	5	5	5	7	6	6	5
Социал-демократические	1	4	5	5	4	6	5	5	4	6	4	5	7	7	6	7	10
Националистические	1	3	5	3	4	5	2	4	4	3	2	3	3	2	2	2	2
Затруднились ответить	17	30	29	30	32	31	33	29	29	27	29	24	26	27	25	24	24

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Четверть опрошенных затруднились определить свои политические взгляды, 27% – указали на демократические, 20% – на патриотические, 14% – на социалистические, 10% – на социал-демократические, 9% – на либеральные, 8% – на коммунистические, 5% – на консервативные, 2% – на националистические.

Соотношение капиталистических и социалистических ценностных ориентаций граждан общества также отражает характер актуальных идейно-политических противоречий образующихся в обществе.

Представления о социализме и капитализме формируются в процессе социальной практики граждан и испытывают воздействие СМИ, большая часть которых в этой области продолжает оперировать в основном пропагандистскими и идеологическими стереотипами и штампами. За прошедшие годы либеральных реформ строящийся в нашей стране капитализм оборачивался далеко не только лучшими своими сторонами к представителям всех возрастных групп. В настоящее время большая часть общества успела пожить при социализме и капитализме. Обладая полученным жизненным опытом, граждане имеют собственный взгляд на их толкование. Результаты исследования показывают, что от одной пятой до половины респондентов в июне 2011 г.

характерными для социализма по-прежнему считают следующие понятия: «коллективизм» (47%), «патриотизм» (45%), «порядок» (43%), «справедливость» (36%), «нравственность» (23%), «права человека» (22%), «народовластие» (20%). На протяжении всех лет мониторинга лидирующим понятием, объясняющим сущность социализма, является «коллективизм». Менее характерными для социализма являются определяющие понятия «технический прогресс» (19%), «духовность» (17%), «свобода» (15%), «подавление личности» (13%), «власть узкой группы людей» (13%), «бедность» (13%), «гуманизм» (12%), «экономическая отсталость» (12%), «высокий уровень жизни» (11%), «социальная незащищенность» (8%).

Приоритетные представления о сущности капитализма распределились следующим образом: «частная собственность» (63%), «власть узкой группы людей» (41%), «социальная незащищенность» (39%), «преступность» (33%), «бедность» (30%), «технический прогресс» (29%), «свобода» (27%), «подавление личности» (22%). Менее характерными для капитализма являются определяющие понятия «высокий уровень жизни» (18%), «права человека» (14%), «порядок» (10%), «экономическая отсталость» (6%). Более половины респондентов приписывают капитализму признак наличия частной собственности, как системообразующего понятия. Подобный взгляд граждан на капитализм сохраняется на протяжении 13 лет. Анализируя характерные для социализма и капитализма понятия, наблюдается тенденция описывать с точки зрения граждан социализм, применяя положительные когнитивные термины, а капитализм напротив – негативные. Такая структура понятий не изменялась на протяжении многих лет.

Также на протяжении последних пяти лет остается приблизительно одинаковой структура ответов россиян на вопрос о том, в каком обществе они хотели бы жить (см. табл. 8).

Около 36% граждан предпочли жить в социалистическом обществе. Капиталистическое устройство общества привлекает 19% россиян, затруднились с ответом – 37%, а приблизительно 8% – выбрали какое-то другое общество. Полученное распределение ответов не только представляет баланс мнений и представлений о социализме и капитализме, сложившийся в массовом и общественном сознании, но и отражает многолетний опыт жизни граждан в условиях либеральных реформ, ощущение их результатов.

Какое будущее ожидает Россию по мнению граждан? Ответ на этот вопрос дает представление не только о социальной эффективности реформ, но и о настроениях пессимизма и оптимизма в обществе, о социальном и политическом тоне общества (см. табл. 9).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты

РФ, в % от числа опрошенных

	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, декабрь	38	22	10	30
2000, май	31	21	12	36
2000, декабрь	31	21	18	31
2002, декабрь	29	19	14	38
2003, октябрь	31	23	11	35
2004, июнь	34	22	8	36
2006, январь	32	19	10	39
2008, февраль	33	18	10	39
2009, июнь	34	20	10	36
2011, июнь	36	19	8	37

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 9

Мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию

РФ, в % от числа опрошенных

	Она обречена на дальнейший распад	Будет существовать в нынешних границах	Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	Другое мнение	Затруднились ответить
1992, август	18	13	44	1	23
1993, ноябрь	15	17	42	1	25
1997, январь	18	12	37	3	30
1998, декабрь	17	17	39	2	25
1999, ноябрь	14	19	42	2	24
2000, май	9	24	43	2	22
2000, декабрь	12	20	41	1	26
2002, декабрь	14	27	36	2	21
2003, октябрь	13	27	41	2	17
2008, февраль	9	33	32	2	25
2011, июнь	16	37	29	2	16

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Полученные данные показывают, что на протяжении последних двенадцати лет количество пессимистов по альтернативе «Россия обречена на дальнейший распад» незначительно уменьшилось, количество реалистов («Россия будет существовать в нынешних границах») увеличилось приблизительно вдвое, а количество оптимистов, считающих, что вокруг России начнется процесс объединения народов, имело признаки к снижению.

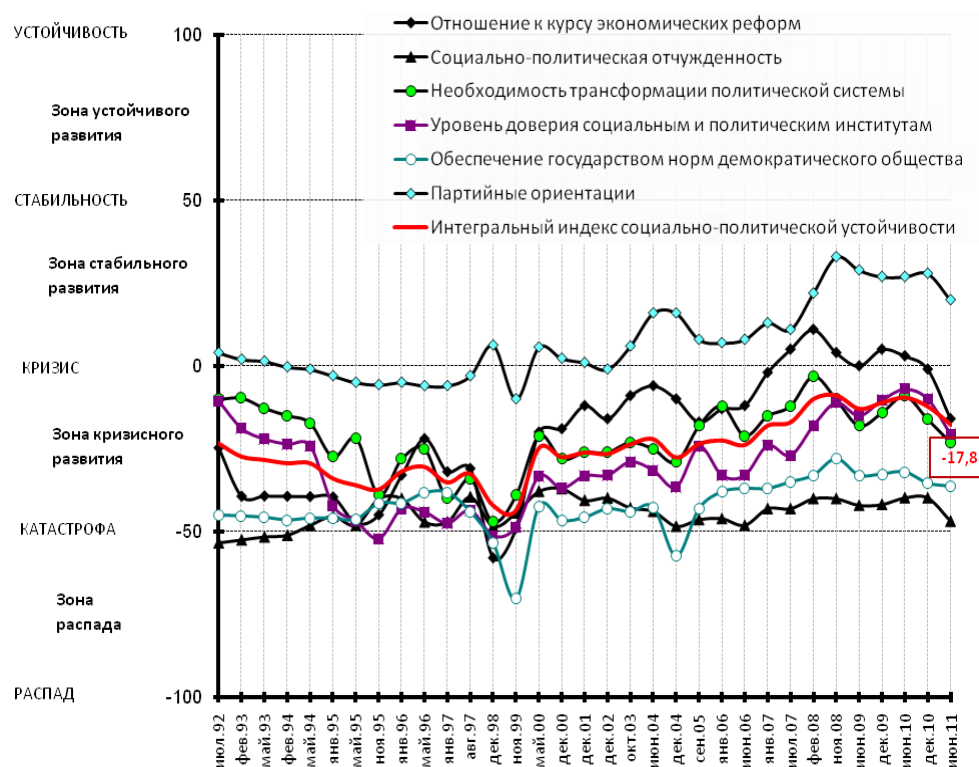
В целом, в 2011 г социально-политическая устойчивость гражданского общества в России резко уменьшилась. В июне 2011 г. индекс социально-политической устойчивости достиг своего наивысшего негативного значения за последние четыре года (-17,8). Переломным моментом и началом негативной тенденции социополитической устойчивости гражданского общества стал июнь 2010 г. (см. график 13).

На всем протяжении кризисных лет и первой половины 2011 г. продолжало действовать фундаментальное социально-политическое противоречие между интересами общества и государства. Однако уровень гражданского потенциала общества, усилия граждан и политиков оказались достаточными для того, чтобы выйти из кризиса без критически-массовых социальных протестов и забастовок.

Такая толерантная реакция на кризис не означает, что социум не был наполнен критическими настроениями и пассивен в протестных действиях. В своем большинстве российское общество по-прежнему считает, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения, а почти половина опрошенных граждан считали недостаточно эффективной программу антикризисных мер Правительства России. В то же время социологические измерения показывают, что непонимание и отчужденность общества и государства в вопросах антикризисных мер скорее уменьшается, чем увеличивается.

Экономический кризис обострил тревожные настроения граждан по поводу материального положения и негативно отразился на общей духовно-нравственной атмосфере в стране. Тем не менее, мобилизовав на полную мощь пропагандистские, экономические, политические и социальные институты и инструменты, правительству удалось купировать тревоги населения по поводу материальных лишений и потерь, не произошло их перерастания в массовую панику и гражданский протест. Общество достаточно спокойно прошло через кризисный период, вспомнив практики выживания прошлых лет.

График 13
Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В то же время большая часть граждан страны продолжает не доверять государству, большинству его политических институтов и проводимой политике, результирующей в стесненном и бедственном положении населения. Нарастают противоречия в социально-классовой структуре общества. Фундаментальное социально-политическое противоречие между результатами политической практики государства и актуальными и коренными интересами общества остается главной движущей силой существующего в стране конфликта, который может обостряться или затухать по мере складывающейся социополитической конъюнктуры.

Объективные экономические индикаторы показывают, что российская экономика начинает выходить из кризиса. Субъективные показатели, как показывают последние измерения, зафиксировали по отдельным позициям сдвиг настроений в позитивную сторону. Однако фундаментальные социально-политические противоречия не устранены. Государство так и не дало ясных сигналов обществу о своих намерениях проводить реформы в интересах большинства членов общества. Во всяком случае в многочисленных заявлениях официальных лиц общество так и не нашло конкретных ответов когда и как будет улучшаться положение большинства граждан и отдельных социальных групп, продолжающих испытывать материальные трудности. Структура основных социальных и политических ценностей на протяжении многих лет в российском обществе остаётся неизменной и характеризуется ярко выраженной проблематикой социальной справедливости, что и необходимо учитывать государству в его диалоге с растущим гражданским обществом России.

Социально-экономические и социально-политические последствия мирового экономического кризиса в России выразились в резком падении авторитета власти и проводимой ею политики модернизации страны. Антикризисная политика позволила сохранить в относительной целостности банковские финансовые институты, но удержать доверие населения к власти не удалось. Сильная зависимость бюджетных поступлений и социальных программ от мировой экономической конъюнктуры актуализировала в очередной раз вопрос о стратегических факторах устойчивого развития общества и государства. Перспективы российской суверенной государственности зависят в значительной мере от того, будет ли найден научно обоснованный и практически возможный путь России с её национальными интересами в противоречивых глобальных процессах становления новых институциональных структур и отношений.

ПРОЦЕСС КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОКАЗАТЕЛИ И ИНДИКАТОРЫ

Современное российское общество находится в динамическом неустойчивом равновесии, и, несмотря на десятилетие усилий, прежде всего, государственных органов власти по упорядочиванию его жизнедеятельности, оно продолжает тяготеть к хаотичным формам воспроизводства, сохраняет маргинальную социальную структуру и склонность к распаду как общественной системы. Одной из важнейших причин пролонгации системного кризиса российского общества и одновременно его следствием является глубокое социальное разъединение, отчуждение ведущих сегментов общества. Глубоко фрагментированное общество, страдающее «социальной энтропией», социальной anomией не способно к повышению своего энергетического потенциала, к мобилизации и другим действиям, необходимым для эффективного развития и нахождения адекватных ответов на растущие внешние вызовы и внутренние угрозы. Поэтому **социальная консолидация рассматривается как фундаментальная основа развития российского общества, как необходимое условие инновационного прорыва в развитии страны и реализации декларированных стратегических планов.**

Консолидацией (от лат. consolido – укреплять, поддерживать) обычно называют процесс объединения, сплочения социальной общности, общества, укрепление взаимодействия индивидов, интеграции групп, составляющих, а также действия, направленные на поддержание данного процесса¹. В социальных науках этот термин сначала широко использовался в этнографии, а затем был инкорпорирован в понятийный аппарат других наук, прежде всего, социологию, в рамках которой относительно успешно разрабатывается тео-

¹ См. Консолидация // Политическая энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С.551.

рия социальной консолидации¹. С нашей точки зрения, в термине **консолидация** продуктивно сочетаются **два главных смысловых содержания**, которые сегодня составляют суть попыток синтеза макрообъективных и микро-субъективных подходов к описанию и объяснению социальной реальности. В нем сочетаются значения объективной интеграции различных структур социальной системы и субъективная солидарность действующих людей в их повседневной жизни. Кроме того в термине консолидация нет тех коннотаций, которые наводят на советские идеологические клише о социальном единстве и социальной однородности общества.

Доклад основан на анализе материалов трех всероссийских социологических исследований, проведенных в 2007, 2009 и 2011 гг. (данные опроса 2011 г. получены недавно и носят предварительный характер), следовательно, изложение рисков и возможностей консолидации российского общества сконцентрировано на субъективной стороне процесса социального объединения граждан России на основе общих целей, интересов, ценностей.

В современном российском обществе массовое сознание характеризует ряд фундаментальных факторов как социальной консолидации, так и социальной диссолидации, т.е. факторов риска, разъединения общества. К основным факторам диссолидации современного российского общества, исходя из эмпирических данных, отнесены:

- социальное и политическое неравенство, низкий уровень удовлетворенности качеством жизни большинства населения, огромный разрыв в уровнях доходов;
- отчужденность от политической системы, дефицит справедливости в общественном устройстве, отсутствие доверия к ведущим социальным и политическим институтам;
- кризис идентичности, в том числе, низкий уровень общегражданской идентичности;
- отсутствие легитимной идеологии государства, амбициозных социально-экономических мегапроектов, которые дают социальной системе стратегически целевое измерение, формируют так называемое «общее дело»;

¹ См. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Мн., 1998; Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 г. М., 2007; Левицкий С.А. Свобода и ответственность. М., 2003; Осипов Г.В. Социология и общество. М., 2007; Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. Пер. с нем. М., 1998; Хелд. Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. Пер. с англ. М., 2004.

- неэффективность существующей системы управления обществом, немотивированность российской элиты, сконструированной под задачи демонтажа советской системы управления, к конструктивной, созидательной, тем более инновационной деятельности.

1-й фактор риска – социальное неравенство. Анализ показателей положения дел в социальной сфере приводит к выводу о социальном дискомфорте абсолютного большинства граждан нашей страны. Ситуация в социальной сфере остается нестабильной и изменения в лучшую сторону шли даже до кризиса малозаметно для большинства россиян.

Предельно критическим считается 8–10 разовый разрыв в доходах двух крайних децильных групп, в нашей стране по официальным данным этот показатель составляет 16 раз. Если учитывать скрываемые доходы, децильный коэффициент возрастет в 2–2,5 раза. Неблагоприятны и показатели соотношения средней и минимальной заработной платы: в целом по России последняя составляла лишь 20% от средней, в то время как в социально ориентированном обществе она обычно не ниже 40%.

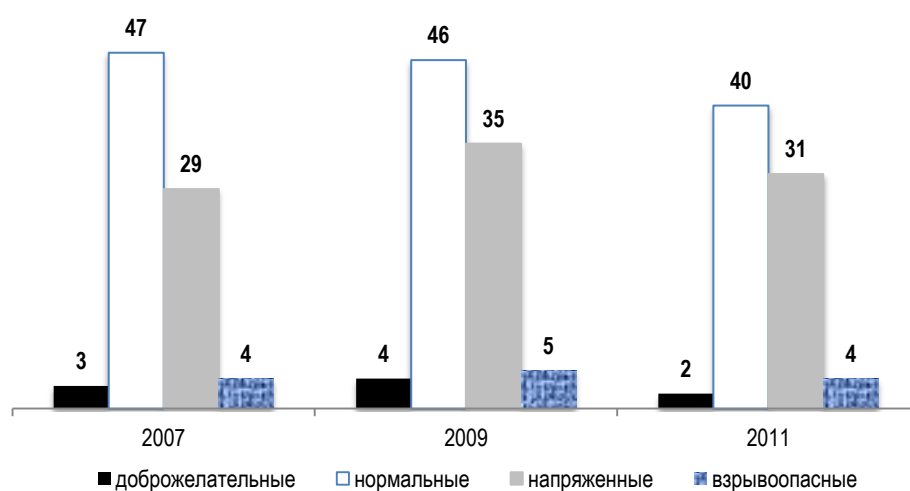
Следует учитывать, что среднестатистические показатели в условиях глубокой социальной поляризации, которая произошла в российском обществе, отчасти теряют свою значимость, и для объективной оценки положения требуется информация с дифференциацией по регионам и основным социальным группам. Например, по данным Росстата региональные различия по уровню безработицы достигают 41 раза. Уровень безработицы жителей Северного Кавказа по официальной статистике достигает 50% трудоспособного населения. Риторически спросим, как можно вести успешную борьбу с исламистским экстремизмом при такой безработице.

По данным наших исследований, расслоение общества на богатых и бедных находится на предпоследнем месте в ранговом ряду социальных проблем. Среди социальных явлений, с которыми нужно вести самую активную борьбу большинство россиян (во всех семи федеральных округах) отметили рост цен, наркоманию, преступность, бедность и загрязнение окружающей среды. Вместе с тем на вопрос о том, между какими социальными группами сложились наиболее напряженные отношения, респонденты на 1-е–2-е места ставят ответ: между богатыми и бедными (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

**Оценка респондентами отношений
между богатыми и бедными в городе (районе) проживания**

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

До сих пор остается актуальной для массового сознания социальная травма, связанная с приватизацией общенародной собственности. Материальный достаток человека чаще объясняется его способностями в девиантной сфере, чем талантом и честным трудом.

Если разрыв между богатством и бедностью не будет уменьшаться, процесс консолидации российского общества будет и далее испытывать серьезные трудности.

2-й фактор – отчужденность от существующей политической системы. Отчужденность во многом связана с низким уровнем и качеством жизни большинства населения, социальным неравенством. Но ведущую роль в этом факторе играет дефицит доверия к общественным структурам и институтам власти, неверие людей, что они могут что-то изменить в жизни страны. Отсюда широкая популярность утверждения: «Власть понимает только язык силы» – с ним соглашаются около 40% респондентов.

Опросы 2007–2011 гг. демонстрируют по показателю доверия одинаковую картину. Доверием россиян пользуются президент страны, правительство (после того как кресло председателя правительства занял В.Путин), церковь, армия и Российская академия наук.

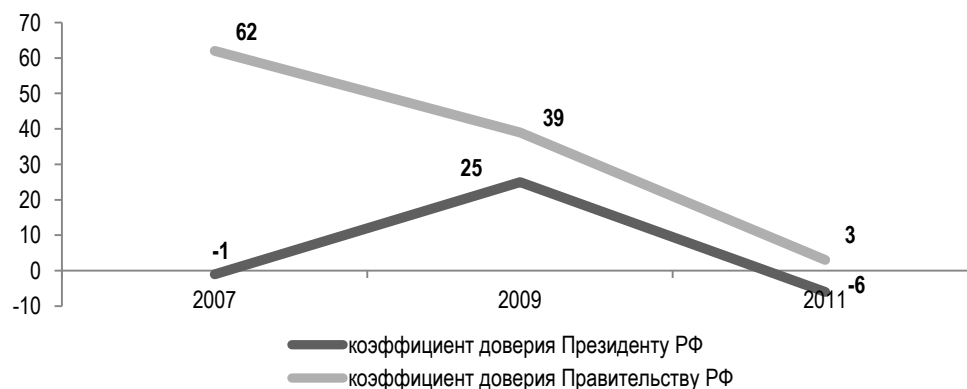
РАН впервые была включена в инструментарий подобных исследований и коэффициент доверия к Академии наук всегда положительный, что говорит о ее больших не только научных, но и общественных возможностях.

Не доверяют россияне СМИ, профсоюзам, предпринимательским кругам, Государственной Думе, Совету Федерации, милиции, суду и другим органам правопорядка. За последний год снизился уровень доверия к Президенту РФ и Правительству РФ (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Изменение коэффициента доверия Президенту РФ и Правительству РФ

Сумма положительных («доверяю») и отрицательных («не доверяю») ответов РФ, население от 18 лет и старше, процентные пункты

Источник: ИСПИ РАН.

В массовом сознании россиян сложилось стереотипное представление о выборах, как формальной процедуре с заранее известными результатами, которые зачастую получают путем подтасовки голосов избирателей. Такого мнения придерживаются около 60% избирателей. Им противостоят 30% избирателей, которые более лояльно оценивают ход и значение выборов.

Столь же удручающе, с точки зрения правовой культуры, выглядит распределение ответов на вопрос: «Можно ли сегодня в России, не нарушая закон, вести свой бизнес?» Отрицательно ответили 66% респондентов.

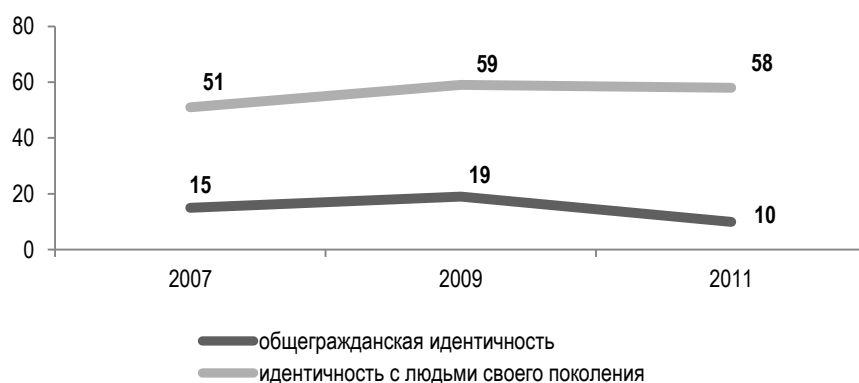
Массовое отчуждение от социальной системы по многим показателям, безусловно, наносит ущерб процессу консолидации.

3-й фактор – кризис идентичности. Это естественное состояние массового сознания после столь разрушительных перемен. Сегодня руководством страны справедливо ставится вопрос о перспективах формирования российской гражданской нации. Одним из главных критериев консолидированности общества выступает его соответствие гражданской нации как «идеальному типу» социальной реальности. Эта желаемая цель пока слабо отражена в массовом сознании: в 2007 г. 15% респондентов объединяли себя со всеми гражданами России, в 2009 г. – 19%, в 2011 г. 14% (см. график 1).

График 1

Уровень общероссийской идентичности (ощущают близость, общность со всеми гражданами России, могут сказать: «Это – мы») и идентичности с людьми своего поколения

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Уровень общегражданской идентичности явно недостаточен, чтобы говорить о субъективном наличии российской гражданской нации.

При формировании российской гражданской нации, а этот процесс обязателен для консолидации общества, надо учитывать плюсы и минусы советского опыта формирования новой социальной общности – советского народа.

При изучении идентичностей был выявлен интересный эмпирический факт: наибольшее количество респондентов (около 60%) ощущали близость, сходство, общность с людьми своего поколения. Это значит, что за время реформ общество в субъективном плане структурировалось, прежде всего, на поколения. Распалась связь поколений: старшее, среднее и молодое поколения сегодня выступают как некие автономные противоборствующие социальные силы. Следовательно, успех консолидации общества во многом зависит от восстановления преемственности поколений.

4-й фактор – отсутствие легитимной идеологии государства.

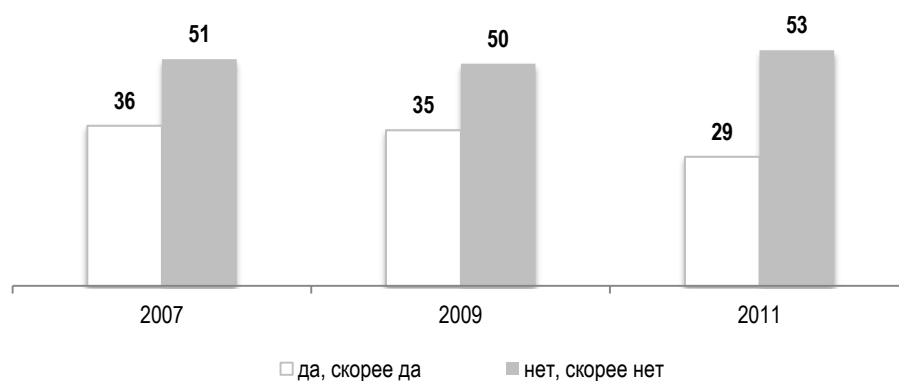
Несмотря на конституционный запрет на установление обязательной государственной идеологии, она, во-первых, де-факто установлена. Это неолиберальная идеология. Во-вторых, многочисленные поиски, пусть безуспешные, национальной идеи свидетельствуют, что стратегическое целеполагание необходимо для развития страны и консолидации общества. Возвращение к практике стратегического планирования, объявление целей системной модернизации общества, перехода к инновационной экономике подтверждают эту необходимость. Сложность состоит в том, что большинство населения скептически воспринимают эти цели и способность существующей власти организовать их реализацию. Проект «Сколково» – хорошо, но опыт предыдущих лет заставляет предположить имитационный характер подобных проектов. Нужны новые, макро- и микросоциально-экономические проекты, которые бы стимулировали развитие социально-энергетического комплекса страны, помогли людям поверить в свои силы и будущее России.

5-й фактор – неэффективность существующей системы управления обществом. По 5-балльной шкале эффективность, правильность управления российским обществом респонденты оценивают на уровне 2,7–2,8 балла, т.е. неудовлетворительно. Доверие большинство людей к управленческому аппарату, к чиновникам не испытывают. Идет рост потенциала социального протеста (см. диаграмму 3).

В сентябре 2010 г. в интервью председатель правления Института современного развития Игорь Юргенс выразился определенно и радикально: «Среди подавляющей части населения преобладают архаичные и патерналистские настроения. Это, кстати, сильно отличает наших сограждан от европейцев.

Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос:
«Могут ли в Вашем городе (районе) состояться массовые выступления,
например, против роста цен, падения уровня жизни?»
РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Преодолены подобные настроения могут быть лишь к 2025 г.». Это типичное высокомерное отношение к народу со стороны нынешней элиты, которая изначально была настроена выполнять роль пастыря, выводящего заблудших овец из советского рабства и сорок лет водить их по пустыне, пока носители советского якобы рабства не отойдут в мир иной. Заметим, что подобное отношение стимулирует разрыв поколений и, следовательно, разъединение общества.

Примеры подобных хлестких суждений можно множить, но ситуация и так понятна: часть современной политической элиты хочет объяснить, мягко говоря, скромные результаты управления страной в лихие 90-е и нулевые десятилетия тяжёлым наследием царизма, советизма и слабой способности российского народа к активной социальной деятельности. Возможно, что в такой постановке вопроса есть доля правды, но она явно небольшая. Скорее сама элита архаично настроено на воспроизводство кланово-корпоративных отношений, что формирует неэффективную систему управления, и консолидирует социальные группы по неадекватным для целей модернизации основаниям.

Помимо указанных пяти факторов риска есть и другие показатели диссолидации современного российского общества. За рамки доклада вынесен анализ социальносистемных оснований консолидации – русского языка, истории и территории, борьба за которые ведется по вектору обострения, в том числе в сфере межнациональных отношений.

Важно, что в настоящее время, в условиях глобального кризиса или его последствий, негативные факторы способны нарушить неустойчивое равновесие российской общественной системы в свою пользу.

Создание условий для развития России обязательно предполагает преодоление его социального «раскола». Для достижения этой цели в ходе исследования были выявлены значимые факторы.

К ключевым факторам консолидации, исходя из анализа эмпирических данных, следует отнести:

- социально-коллективистская направленность ценностных ориентаций большинства населения;
- легитимация существующего общественного строя, неприятие радикальных способов изменения устройства общества;
- наличие целей, интересов, ценностей, которые разделяют большинство россиян, патриотизм большинства населения;
- локализация социальных интересов на местном уровне, на повседневных трудностях;
- рост социальной активности и уход от патерналистских настроений, если под ними понимать пассивно-иждивенческое ожидание собственного благополучия.

1-й фактор – социально-коллективистская направленность ценностных ориентаций большинства населения. Среди установок россиян на социальное взаимодействие, самореализацию и личное благополучие самыми распространенными являются установки на социальное взаимодействие. С тем, что «главное в жизни – отношение между людьми», согласилось абсолютное большинство респондентов: в 2007 г. 54% опрошенных, в 2009 г. – 51%, в 2011 г. – 53%. Блок ценностных ориентаций на социальное взаимодействие устойчиво стоит на первом месте (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

**Уровень ориентированности респондентов
на социальное взаимодействие**

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Семьдесят лет в стране шла нивелировка «человеческого материала», экспериментальное конструирование новой общности людей – советского народа. Сегодня наблюдается иная крайность: навязывание и романтизация эгоизма, примитивного индивидуализма. Количество асоциалов – людей принципиально ставящих себя вне общества, – растет, но пока не они определяют общественную атмосферу. Коллективистские, соборные принципы продолжают входить в ценностно-смысловое ядро российского менталитета. Именно социальная направленность ценностных ориентаций отражает мощный потенциал консолидации общества.

2-й фактор – легитимация существующего общественного строя. В сломе советской модели жизнедеятельности общества много плюсов и минусов, но он произошел, и большинство населения воспринимают его как данность.

Завершается процесс адаптации населения к новым социальным реалиям. Качественно улучшилось эмоционально-психологическое состояние населения. Доля «оптимистов», людей с хорошим, нормальным настроением

даже в условиях кризиса преобладала над долей «пессимистов» (см. диаграмму 5).

Диаграмма 5

Изменение эмоционально-психологического состояния респондентов

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

В 90-е гг. наблюдалась обратная картина. Стрессовая нагрузка или снизилась, или россияне к ней привыкли.

Судя по шкале предельно критических показателей, положение в российском обществе не нормализовалось, противоречий в устройстве общества по-прежнему много, но все большее число людей поддерживают постепенность социальных изменений, а не радикальную переделку сложившихся социальных отношений.

Абсолютное большинство граждан (в 2011 г. – 51%) выступили за постепенное реформирование общества или готовы даже его защищать; за его радикальное переустройство были 30% респондентов. Учитывая, что десять лет назад доля радикалов превышала пороговую величину в 40%, следует признать, что данное изменение является важной предпосылкой консолидации общества.

3-й фактор – наличие целей, интересов, ценностей, которые разделяют большинство россиян. Одной из главных базовых ценно-

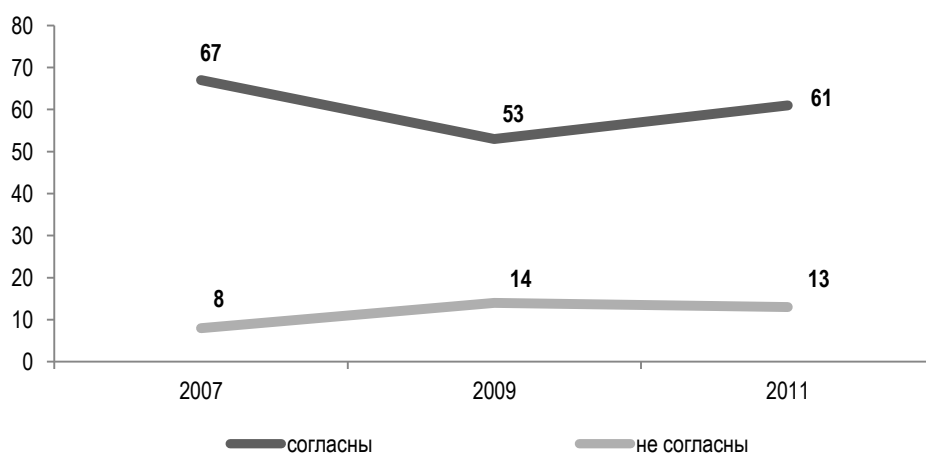
стей является патриотизм: абсолютное большинство жителей всех федеральных округов, граждан всех возрастных групп уверены, что Россия самодостаточная страна, что российское общество в состоянии совершить прорыв в своем развитии (см. график 2).

График 2

Отношение респондентов к утверждению:

«Российское общество в состоянии совершить прорыв в развитии»

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Ни один из балльных индикаторов не получил оценку 4 балла и выше, по 5-балльной шкале кроме индикаторов, измеряющих патриотические ориентации респондентов.

В российском обществе осталось достаточно здоровых сил, чтобы преодолеть наивное стремление реформаторов войти в «цивилизованный мир», в котором российская цивилизация веками по праву занимает достойное место. Суть вопроса состоит в том, чтобы левые и правые политические силы, этнические и территориальные общности перестали претендовать на исключительное «владение» патриотизмом, нашли пути к согласию и взаимоприемлемому компромиссу, преодолели кризис идентичности, прежде всего, на основе укрепления общегражданской идентичности.

4-й фактор – локализация социальных интересов на местном уровне, на повседневных трудностях. Это значимый фактор консолидации людей, тем более среди территориальных идентичностей на первом месте в ранговом ряду находилась именно общность с людьми, проживающими с респондентом в одном городе, районе, т.е. «местная» идентичность.

Когда основной «виновник» повседневных бед, а им ранее в массовом сознании был федеральный Центр, смещается на местный уровень, это может привести к обострению ситуации, так как, **во-первых**, внешний «враг» ушел и негативные эмоции, установки людей не получают привычного канала для транслирования; **во-вторых**, местные социальные отношения самые сложные – ведь они в буквальном смысле реально, непосредственно касаются прямого взаимодействия людей.

И все же, социальные последствия укрепления консолидации на местном уровне скорее положительные, так как это будет стимулировать самоорганизацию граждан, активизирует становление местного самоуправления. Люди вынуждены обучаться новым социальным практикам, а это зачастую связано с потребностью объединения людей.

5-й фактор – рост социальной активности и уход от патерналистских настроений. Около 70% граждан готовы что-то предпринять, чтобы улучшить свое положение, защитить свои интересы, что можно считать высоким уровнем социальной активности. По данным опроса 2011 г. около 30% респондентов принимали личное участие в различных акциях протеста. Утверждения об апатии граждан, ощущении их беспомощности не находят эмпирического подтверждения.

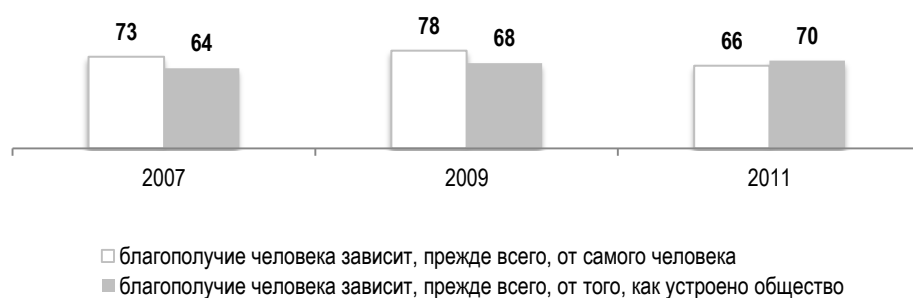
Столь же сомнителен тезис о широком распространении патерналистских настроений среди населения, под которыми почему-то подразумевают, как писал в программной статье «Россия, вперед!» в 2009 г. Президент РФ Д.А.Медведев: «Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство. Либо кто-то еще, но только не каждый на своем месте».

На самом деле упования на помощь государства давно остались привилегией небольшой части россиян, в основном преклонного возраста. Один из индикаторов, который отражает мифологизированность утверждений о склонности россиян к патернализму, касается уверенности абсолютного большинства респондентов в том, что благополучие человека зависит от него самого, а не от того, как устроено общество. Сегодня больше доля тех респондентов, кто делает ставку на усилия человека, а не на устройство общества (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6

Изменение доли респондентов, согласных со следующими суждениями

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Качественно в лучшую сторону изменилось отношение к труду как способу достижения своего материального благополучия. На протяжении многих лет доля тех, кто был уверен, что, сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь, преобладала. И только в последние годы ситуация стала иной (см. диаграмму 7).

Диаграмма 7

Изменение доли респондентов, согласных со следующими суждениями

РФ, взрослое население, в % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Широкое распространение патерналистских настроений, в негативном значении данного термина, это вчерашний день российского общества. Анализ результатов социологических исследований приводит к выводу, что в массовом сознании, в первую очередь среди молодёжи, преобладают установки на социальную активность, личный успех и локальную консолидацию, готовность защищать свои интересы, рассчитывая, прежде всего, не на государственную поддержку, а на свои силы.

Указанные пять факторов в значительной мере способны компенсировать факторы риска. К сожалению, надежды на реализацию потенциала консолидации современного российского общества пока остаются призрачными. Фактически были в очередной раз упущены шансы начать новый конструктивный этап трансформации общества, что само стало бы мощным стимулом для его консолидации.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Граждане Дагестана оценивают политическую ситуацию Республики в целом как очень сложную и критическую, которая, по их мнению, может привести даже к гражданской войне¹. Не случайно, характеризуя доминирующие среди населения Республики настроения, эксперты применяют такие термины, как «беспросветность жизни», «безысходность», «разочарование политикой местных и центральных властей», «предвоенная напряженность», «страх».

Основным фактором напряженности являются межконфессиональные противоречия, т.е. противоречия между различными течениями в исламе, вызванные их статусным положением. В обществе есть общее осознание напряженности, раскола, вызванных все возрастающими претензиями политизированного ислама оказывать определяющее влияние на общественно-политическую и повседневную жизнь дагестанцев. В меньшей степени ощущается межнациональная напряженность, которая хоть и не носит явно выраженного характера, но имеет тенденцию к усилению.

Противостояния по линии «власть–народ» не наблюдается отчетливо, так как власть слаба и коррумпирована на всех уровнях. Эксперты довольно часто отмечают, что в реальности Республика Дагестан не включена в правовую зону РФ, а социальные проблемы здесь решаются не по закону, а по «по-

¹ В сентябре 2011 г. Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева был проведен опрос экспертов на тему: «Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан СКФО РФ» с целью изучения объективных факторов, влияющих на социально-экономическую и политическую ситуацию и являющих собой внутреннюю угрозу политического, экономического, социального и иного характера¹. В опросе приняли участие 37 экспертов (журналисты, бывшие сотрудники МВД, члены Общественной палаты Республики Дагестан, ученые-политологи, социологи, юристы, представители политических партий и общественных движений). Их подбор осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления каждого из них о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний, уровня компетентности, широты кругозора.

нениям». Общество уверено в том, что интересы власти не являются государственными, законными, но население Республики смирилось с таким положением на фоне повышения уровня религиозности. Между тем накопленная протестная энергия масс при определенных раздражителях может перерасти в открытое противостояние.

Одним из экспертов было отмечено, что в российском Центре, в том числе и на уровне Государственной думы, довольно часто высказывается идея о целесообразности отсоединения Северного Кавказа от России (хотя не только Северный Кавказ, но и все регионы РФ считаются дотационными, о чем много пишут в периодической печати). Собственно, отсоединение – не решение проблем: население Северо-Кавказского федерального округа по результатам Всероссийской переписи 2010 г., опубликованной к 25 декабря 2011 г. на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, составляет всего 6,6% от общего числа россиян. Несмотря на это, вопрос распада федерации возникает.

Политические противоречия – это лишь производные кризиса экономики Республики, охватившего все отрасли производства и деградировавшего социальную сферу Дагестана. Предприятия не работают, а те, которые работают, – нерентабельны в силу устаревших мощностей и утраты большей части инженерно-технического персонала. Сельское хозяйство развалено. Всевозможные проекты по восстановлению, развитию и модернизации экономики – только маразм в целях откачивания денег из федерального бюджета. Общество является свидетелем нежелания властей предпринимать какие бы то ни было шаги по развитию экономики Республики. В то время как улучшение экономической ситуации могло бы способствовать стабилизации политической ситуации, снижению опасности экстремизма и привлечению инвестиций.

Застой в экономике выступает фактором высокого уровня безработицы. В результате заработная плата оказывается ниже порога стоимости воспроизводства физической силы работника (чаще всего 2500–4500 руб. в месяц). Но даже такую работу найти сложно. Те же, кто не согласен работать за гроши, вынуждены искать другие источники доходов, как правило, преступные. Одним из таких источников является бандитизм.

Доходы, позволяющие лишь частично удовлетворять насущные потребности, вызывают деградацию личности как социального существа. Человек бывает вынужден либо ограничить свои потребности, исключив из их числа социальные, либо искать доступные ему способы увеличения своих

доходов. В условиях резко ограниченных ресурсов (материальных, финансовых, образовательных и т. д.) выбор оказывается невелик, и этим пользуются экстремистские силы в своих политических целях.

Для того, чтобы обеспечить населению доступ к качественным услугам в сфере образования, здравоохранения и культуры, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры, доходов Республики недостаточно. Значительная часть молодежи не имеет возможности получить образование такого качества, которое потенциально могло бы стать исходной точкой для работы в области науки, техники, культуры. Лишь горстка молодых людей имеют финансовые возможности (и интеллектуальную базу) для обучения в лучших вузах страны и мира. Но они, получив образование, как правило, не возвращаются в беспокойный, кризисный Дагестан. В итоге происходит активное «вымывание мозгов».

На фоне того, что социально-экономическую ситуацию в Республике 70% экспертов оценивают как кризисную, даже катастрофическую, говорить о модной сейчас в России идее модернизации экономики даже не приходится, так как модернизация экономики, «усовершенствование», «осовременивание» ее требует финансов, высококвалифицированных кадров, интеграции науки и производства, а также высокого уровня личностных качеств членов общества, объединенных единой идеей.

Внутреннего потенциала и финансов для модернизации экономики Республики недостаточно. Необходим человеческий фактор, т.е. потенциал интеллектуальный, профессиональный и т.д., а он в Дагестане не подготовлен. Люмпенизированное население Дагестана не может стать основой качественного скачка в развитии экономики, так как оно само есть жертва происходящих разрушений. Появилось огромное число анархически настроенных людей, не признающих легитимность государства. Республики Северного Кавказа, по сути, являются традиционными обществами, где при наличии клановых, фамильных, ущельных связей нет противоречий. А власть, как организатор общественной и экономической жизни, к сожалению, не способна в полной мере управлять происходящими социальными процессами. Этому способствует также слабая ориентированность управленцев на современную экономику. Жителям Дагестана важно обратить свое внимание не на реанимацию прошлого, а на воспитание граждан современного мира. Данная тенденция характерна и для других республик СКФО. Так, например, число людей, вовлеченных в неформальную экономику, составляет, по оценкам экспертов, более 40% взрослой части населения. Можно сказать, что эти анархически

настроенные люди, униженные в 90-х гг. XX века и потерявшие статус-кво (врача, юриста, учителя, инженера и т.д.) От данной категории людей, потерявших свой статус, качественных характеристик ждать не приходится. Модернизация возможна только при следующих условиях: нахождение источников развития при сохранении идентичности, использование внутренних и внешних источников и медленная смена идентичности. И как следствие – адекватная адаптация в современную жизнь социума.

В Республике Дагестан, как и в других республиках СКФО, для которых характерен традиционный образ жизни, государственное вмешательство в экономику – единственный путь эффективного развития современного производства. Только государственные структуры Республики могут сориентировать местные олигархические структуры на решение социальных проблем *граждан Дагестана*, что, в свою очередь, будет способствовать интеграции общества на фоне реализации социальных проектов. В целом эксперты склоняются к такому мнению, что роль государства в экономике Республики должна быть шире, чем сегодня. Они требуют принять необходимые меры против криминализации экономики и внести коррективы в сферу социальных отношений и социальной защиты населения.

Эксперты оценивают категорию людей, находящихся во властных структурах Республики, весьма негативно, применяя следующие характеристики: «неумные», «речь не содержит новаторства», «морально нечистые, коррумпированные», «с такой властью у народа нет будущего», «культура и квалификация власти под большим вопросом», «бывшая партноменклатура», «люди с криминальным прошлым и большим силовым потенциалом», «случайные люди, назначаемые, а не выбираемые», «работают на себя».

Сегодня граждане Дагестана нуждаются в грамотном политическом руководстве, ориентированном на все население. Они готовы понять допускаяемые властными структурами ошибки, но простить переживаемые им по вине чиновников позор и стыд – никогда.

Ответы экспертов относительно степени доверия исполнительным органам власти свидетельствуют о низком уровне или даже полном отсутствии доверия, что, скорее всего, является результатом пассивного участия граждан в формировании структур власти. Исполнительная власть не способна решать возникающие задачи таким образом, чтобы ситуация в Республике улучшалась. Напротив, граждане вынуждены сами предпринимать усилия для решения своих насущных проблем (жилье, отопление, электричество, водопровод и др.). А раз так, то и уровень доверия будет низким. Социальные пособия, в

том числе материнский капитал, можно получить при условии так называемого «отката» чиновникам, т.е. если будет оставлено 50% от суммы.

Социально-психологическая нестабильность в Республике приводит к потере доверия, которая происходит из-за нарушения ценностно-нормативного консенсуса в обществе, из-за ослабления государства и регулятивных правил поведения в обществе. Можно сказать, что личностные взаимоотношения здесь более характерны для общества феодального периода, нежели для индустриального или постиндустриального. Наблюдая неравномерное распределение материальных благ, молодые люди в поисках справедливости становятся «лесными братьями». В их сознании четко укоренилось мнение о невозможности получить богатства честным трудом, поэтому они вынуждены по-своему решать стоящие перед ними проблемы.

Сегодня Дагестан – расколота республика, испытывающая ценностные надломы, так как во власти нет личности, которой бы народ мог доверять. По этой причине компромиссов не может быть даже на уровне здравого смысла. Если от общества не поступает сигналов к власти, то маловероятно рассчитывать на помощь последней.

Роль политических партий и общественных движений в Республике незначительна – или же вообще отсутствует. Особой их работы не наблюдается, а если она все же есть, то носит религиозный характер. Как граждане могут доверять партиям, если считают их виновником всех неудач, ошибок и преступлений власти за последние 20 лет? Если единственное, что эти партии сделали, – обеспечили себя шикарными офисами по всей стране. Если граждане и идут голосовать за ту или иную политическую партию, то только потому, что видят в них способ и механизм реализации своих социальных интересов.

По материалам проведенного экспертного опроса всего 2% населения Дагестана полагают, что с их мнением считаются, и они как-то могут повлиять на ситуацию в Республике. И как следствие, значительная часть молодых людей не заинтересована в участии в политической жизни Республики, так как понимают, что не могут в той или иной степени повлиять на социальные, экономические, политические процессы. А тут, «благодаря» «лесным братьям» у них появляется возможность заработать, став членами их бандформирований и ведя коллективную борьбу против нечестных политиков, коррупционеров.

По мнению экспертов, основными угрозами безопасности Республики Дагестан являются: сепаратизм дагестанского народа, коррупция, терроризм, религиозный экстремизм, разрушение экономики, безработица, возрастающая степень религиозности общества, продажность руководства Республики

и неспособность властей решать социально-экономические проблемы. Они не сомневаются, что все это ведет к дезинтеграции общества. Эксперты уверены в том, что весь спектр базовых человеческих ценностей упал до критической нормы и находится в состоянии риска.

Все эксперты единодушны во мнении о том, что структура экстремистов различна. В подавляющем большинстве в составе «лесных братьев» – безработная молодежь 20–30 лет, выходцы из малых городов и сел. Но среди них немало и образованных людей, имеющих степени кандидатов наук; бизнесменов, продавших свой бизнес и вступившие в ряды экстремального ислама по идеологическим убеждениям. Например, в 2005 г. в результате спецопераций были убиты преподаватели университета из семей потомственных интеллигентов, получившие образование в духовных университетах Саудовской Аравии и Египта. По сведениям, которыми располагали эксперты, они были убиты за то, что проявили несогласие с нынешним руководством Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД). В религиозное движение часто бывают вовлечены представители традиционно иной религии, в том числе молодые люди русской национальности, примкнувшие к ваххабизму. Пример – взрыв отделения милиции в с. Губден террористкой-смертницей русской национальности. Другие эксперты считают, что в действиях ваххабитов преобладает влияние инородного сознания, так как тактика ведения борьбы постоянно меняется, становится непредсказуемой, и почерк здесь разный. Наши люди мыслят проще, их схемы были бы более простыми и однообразными.

Эксперты сообщили, что по части снабжения «лесных братьев» все налажено очень хорошо: они получают полный комплекс комфортной жизни, налажены поставки продовольствия. Подобное снабжение стало возможным благодаря рэкетированию предпринимателей, при этом суммы фигурируют внушительные. Таким образом, жизнь в лесах становится привлекательной. Само собой, поток финансов идет и из-за границы, в частности, из стран арабского Востока.

Предположительно, в планы экстремистов входит использование Дагестана и других республик Северного Кавказа в качестве плацдарма для дальнейшей деструкции России. А Дагестан использовать в этих целях очень удобно в силу ряда причин: благоприятное географическое положение, близость к странам Востока, слабый уровень социально-экономического, политического развития. При вербовке в ряды боевиков используются, в частности, психотропные и наркотические вещества. Многие акты терроризма осуществляются в состоянии наркотического опьянения.

Как попадают в ряды «лесных братьев»? Многие из них имеют типичный для молодых кавказских людей менталитет и характеризуются как люди, стремящиеся к более обеспеченной жизни. Работу, допустим, в Дагестане найти можно, но они не пойдут на малооплачиваемую, физически тяжелую работу (дворника, столяра и др.). Человек, тем более молодой, не нашедший себя, психологически более подвержен идеологическому, религиозному влиянию. Люди, вербуемые молодежь в ряды «лесных», хорошо знают ее психологию, слабые места. Они прекрасно понимают, с чего начать: говорят о коррупции всех эшелонов власти снизу доверху, о том, что без денег, которых нет, пробиться в жизни невозможно. Муллы, муфтии тоже уже небескорыстны и нашли общий язык с официальными светскими властями. Выход один – протестовать, уходить в лес – там братья, там борьба за справедливость и лучшее будущее. Все, что говорит брат-мусульманин, – справедливо, правильно.

Следующий этап обработки – материальное закрепление. «Подпитка» живыми деньгами окончательно убеждает юношу в «правильности своего выбора». Так, молодой, незрелый в социальном и психологическом плане человек становится жертвой глубокой психологической, даже психической, обработки. Наконец, наступает такой момент, когда он бывает готов на все и не испытывает ни тени сомнения в правильности своего выбора. Тем более, что все это подкрепляется деньгами, а с ними в руках человек становится куда увереннее.

За людьми, прикрывающимися лозунгами «чистой религии», стоят крупные и хорошо организованные зарубежные политические организации, которые, возможно, соприкасаются с правительством данных государств. Это не исключено, тем более что иной мир не прочь был бы ослабить позиции России, ведь они все еще остаются довольно существенными. Легче всего эти деструктивные процессы начинать с Юга России, с Северного Кавказа, который представляет удобный, локальный плацдарм для осуществления этих планов.

Эксперты в качестве причин ухода молодежи «в лес» отмечают следующие. Например, богатство и нищета, зримо наблюдаемые сегодня на фоне трущоб дома-замки, которые в западном мире являют собой не частные дома, а правительственные здания или же национальный музей. Такие особняки в Махачкале сплошь и рядом. Как правило, хозяевами их являются депутаты Государственной думы или местного парламента, чиновники различного уровня. «Лесные братья» выступают за более равномерное распределение доходов

в обществе, основывая свою идеологию на мусульманстве, а власть объявляет их бандитами, политическими радикалами. При таком сильном социальном расслоении общества число людей, из числа интеллигенции, поддерживающих «лесных братьев», по оценкам экспертов, составляет примерно 20%. Особенно такая поддержка идет со стороны гуманитарной интеллигенции. Власть кроме репрессивных мер против «лесных братьев» ничего не предлагает, не улучшается и социальная сфера в Дагестане. Такая политика способствует росту численности бандформирований, которые считают существующую власть антинародной. Нежелание бизнес-элиты и управленцев Республики заниматься проблемой безработицы приводит к противостоянию в обществе.

Степень влияния «лесных братьев» на жизнь социума Республики в целом высока. Влияние постепенно усиливается, в том числе и через активное присутствие их идеологов в СМИ и Интернете. Это уже идеология не только обездоленных и заблудших членов социума. В их ряды вовлекается все больше представителей спортивной, политической элиты. На проповедях ваххабитского толка замечены главы административных единиц Дагестана, олимпийские чемпионы. Если течение ваххабизма будет и дальше проникать в массы, властям придется бороться с собственным народом. По наблюдениям одного из экспертов, все больше и больше становится число людей, которые не входят в ряды «лесных братьев», но горячо сочувствуют и активно поддерживают последних. Кто эти люди? Все та же молодежь из неблагополучных, малообеспеченных семей. Взрослые люди в меньшей степени поддерживают молодежь, ушедшую в лес.

В сельской местности влияние «леса» сильнее – ведь там находятся молодые родственники, которые в зимний период приходят «отогреться» в отчие дома. Кто-то полон религиозных идей, зомбирован и учит «колеблющихся» старших членов семьи «уму-разуму»; кто-то сломлен лесным жильством из-за отсутствия элементарных бытовых условий, изолированностью от привычного социума. Городскую публику наличие «лесного братства» пугает, раздражает: ничего, кроме досады и сожаления, наличие данного общественного института у них не вызывает.

В советское время мусульмане ограничивались уразой и празднованием Ураза-байрам. Сейчас обязательны хеджаб, ураза. Все больше людей, преимущественно молодежь, понимают, где истинный ислам, а где – суфистские секты. Молодежь уверена, что ей нет места в существующей системе, а тут открывает для себя «истинный ислам», «видит дорогу». Альтернативой общественно-политической ситуации является не продажный ислам местного

духовенства суфистского толка, а истинный ислам. Официальное духовенство настроено враждебно относительно «лесных братьев», видя в них своих основных конкурентов и оппонентов.

Среди основных причин появления бандформирований экспертами также были названы недостаточно эффективная работа правоохранительных органов, коррупция во властных структурах, в том числе в правоохранительной системе и на таможне, а также растущая социальная поляризация граждан и высокий уровень безработицы.

Позиция официальной религии в отношении «лесных братьев», по оценкам экспертов, крайне отрицательная: в Коране не указано, что мусульманин должен убивать мусульманина; важно понимать, что члены бандформирований никакого отношения к официальному исламу не имеют, что это чистейшей воды бандитизм, преследующий «земные» цели – обогащение, убийства, дестабилизацию обстановки. Традиционное духовенство неукоснительно следует букве Корана, ваххабиты же позволяют себе интерпретировать его так, как им выгодно. Они призывают к установлению шариата любой ценой, и, естественно, Духовное управление не может это поддерживать. С другой стороны, когда взрываются блокпосты, милицейские машины, никакой реакции осуждения в СМИ со стороны официальных религиозных деятелей Духовного управления мусульман Дагестана не бывает. У ДУМД политика не отличается от политики руководства Республикой. Муфтий Дагестана официально пожелал своим «заблудшим» братьям-мусульманам онкологических заболеваний. Также он фактически благословил воровство чиновников: «Пускай воруют, но меньшими суммами...». В его проповедях не чувствуется желание того, чтобы «лесные братья» вышли из «леса», так как он знает, что они вытеснят его значимость в сознании людей. И последние, особенно молодежь, идут за «лесными братьями», так как они «могут отличить фальшь от истины».

Оценка экспертов деятельности властных структур по решению проблемы «лесных братьев» невысока. После съезда народов Дагестана с ними начались переговоры. Это большой прорыв. Другое дело, что выходить из «лесов» они не хотят, а причина – в них самих: если выйдут и сдадутся, их свои же уничтожат. Большим облегчением для властных структур является то, что у «лесных братьев» нет общего лидера. Лидера более или менее внушительной по численности группировки сразу же убивают, поскольку по отдельности с ними легче справиться. В самом начале этой «заварухи» власти упустили момент ее пресечения, а сейчас развитие движения зашло так дале-

ко, что повернуть процесс вспять очень трудно. Все до сих пор существующие программы по уничтожению бандформирований действуют малоэффективно и, к сожалению, сопровождаются жертвами со стороны гражданского населения. Определенная работа проводится и довольно активно. На контртеррористические операции Правительством РФ выделяются значительные средства, однако помыслы при этом недостаточно чисты. За час спецоперации каждый участник формирований МВД РФ получает 25 тыс. руб. Есть критическое отношение к работе правоохранительных органов, особенно к методам проведения контртеррористических операций. Во главе угла – собственное обогащение. Некоторые силы в руководстве страны заинтересованы в данной ситуации на Кавказе, так как, скорее всего, заинтересованы в развале России. Если будет дана высокая степень свободы этим формированиям в организации политических объединений, партий, то в итоге они придут к власти и будут стремиться к выводу Республики из состава Федерации.

Сегодня среди политиков иногда звучит следующая идея: если Россия отделит Северный Кавказ, то они смогут избавиться от дотационного региона, забыв при этом геополитические задачи некоторых заинтересованных государств, которые хотят расчленить Российскую Федерацию на несколько самостоятельных государств, т.е. развалить страну. Известный ученый, доктор философских наук В.Г.Федотова придерживается следующего мнения: «Часть представителей прозападных элит в России, стремясь сделать Россию частью Запада, не останавливаются перед идеей ее распада, как прежде перед идеей распада СССР»¹.

Независимого суда нет не только в Дагестане, но и вообще в России. Дагестанцы не осознают себя единым народом. В отношении поддержки деятельности силовых структур Республики (милиции, прокуратуры, суда, ФСБ) местным населением мнения экспертов различны. Есть поддерживающие, есть неподдерживающие, есть с нейтральной позицией. Одураченные поддерживают, но большинство людей боится, поэтому не поддерживают. Боятся того, что придут внутренние войска, боятся соседства с ваххабитами. «Лесные братья» неоднократно заявляли: «Мы не воюем ни с женщинами, ни с детьми. Не находитесь вблизи милицйских постов».

Экспертам предлагалось оценить деятельность Центра в решении социально-экономических, политических проблем Дагестана. Президенту РФ Дмитрию Медведеву население в своем большинстве верит, хотя его дейст-

¹ *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С.401.

вия недостаточно решительны. «Россия нас пока терпит, раз на 80% бюджет Республики покрывает Москва». Население вынуждено поддерживать все, подчас очень «неуклюжие», действия со стороны властных структур в отношении преступных группировок, так как реально понимает невозможность сопротивления терроризму. Единственное, что вызывает яростное недовольство местных жителей, – невозмещение государством материального ущерба (разрушенные дома, пропавшая собственность), которое население терпит в результате операций по ликвидации бандформирований. Люди хорошо знают и то, как выполняются эти спецоперации, сколько невинных жертв они приносят. Эксперты отмечают также, что руководство страны никак не гасит всплески межнациональной вражды, наоборот, передачи подобного рода, ток-шоу очень активно транслируются по ТВ.

В целом население поддерживает финансовые вливания, а также создание Северо-Кавказского федерального округа. Одобрение встречает программа социально-политического развития Дагестана, предусматривающая строительство курортных зон, развитие туризма, строительство промышленных предприятий. Вместе с тем население осознает, что значительная часть выделенных средств уйдет в карманы местной элиты, часть их будет истрачена на «откаты» в Москве, поэтому прослеживается некоторое недоверие Центру. Так как экономическая и социополитическая ситуация нестабильна, Центр мог бы больше уделять внимания Республике. Население считает, например, что спецслужбам следовало бы вести борьбу с террористами более жестко. Тем более, что ФСБ РФ не может не знать о локализации бандформирований «в лесах». Она может или должна знать о денежных потоках, текущих в леса извне. С другой стороны, известно, что силовые структуры хотят получать больше финансирования.

Население приветствует федеральные программы по туризму, по инвестированию строительства турбаз, зон отдыха. Сейчас в этом плане заметны положительные шаги. Активно ведется строительство горнолыжного курорта Матлас, в смету которого заложено около 10 млрд руб. (по другим оценкам – 5 млрд руб.). База сможет принять одновременно 10 тыс. человек. Это перспективный проект. А пока в регионе неспокойно, Матлас будет служить целям внутреннего туризма. В конце концов, замирение на Кавказе когда-нибудь непременно произойдет, и тогда туристам-горнолыжникам будет что посмотреть.

Население видит в политике Центра один из источников нестабильности в регионе. При проведении контртеррористических операций не учиты-

ваются национальные особенности, менталитет населения, характер застройки зданий (скученность застройки домов в горной местности, когда взрыв одного здания сопровождается разрушением целого квартала). Сегодня Дагестан стал ареной борьбы, в том числе вооруженных сил, для которых и свобода, и сама жизнь человека, и ответственность за судьбу Республики являются пустым звуком, когда слово «Дагестан» в сводках новостей звучит чаще всего в контексте событий, негативных для имиджа Республики.

Ключ к порядку, по мнению экспертов, – полномасштабное вмешательство Кремля во все сферы жизни Республики, чтобы держать под контролем политическую, экономическую и социальную ситуацию. Если большая часть населения считает, что религиозные секты мешают развитию экономики и вообще нормальному функционированию социума, это должно решаться на основе законов РФ, дальнейшем их функционировании на территории Республики, а народу надо дать больше демократии, чтобы он мог выбирать достойных руководителей из своей среды, которым он доверяет и которые в состоянии обеспечить безопасность и занятость, чтобы можно было преодолеть апатичное настроение населения. Политическую систему власти надо организовывать так, чтобы голос самых бедных слоев населения был услышан, – сегодня простым людям трудно противостоять тем, в чьих руках находятся богатство и власть.

В настоящее время реализуется программа полномочного представителя Президента РФ по Северо-Кавказскому федеральному округу А.Хлопонина по переселению северокавказцев в Центральную Россию. По данным Управления государственной службы занятости населения Пензенской области, по этой программе из Дагестана выехали и расселились в семи районах 104 человека.

По экспертным оценкам, идея переселения северокавказцев напоминает кампанию по освоению целины в 50-х гг. XX века, но не по масштабам, а по бессмысленности и непродуманности. Во-первых, прежде чем принимать подобные решения, необходимо скрупулезное изучение общественного мнения и мнения экспертов. В этом проекте много лазеек для присвоения денег чиновниками. Не исключено, что некоторые отдельные законопослушные граждане действительно приедут в Пензенскую область и действительно приживутся и будут прилежно работать на селе, но какой процент? (Почему бы с тем же рвением не предпринять попытку возрождения сельского хозяйства в равнинном и предгорном Дагестане? С древних времен и до перестройки это были традиционные территории земледелия, садоводства и скотоводства.)

Во-вторых, программа очень дорогостоящая, одновременно сырая, непродуманная. Может, надо продумать, в каком виде выдавать людям деньги? На местах, в виде ссуды на строительство дома, но не на родине; чем обернется эта лихорадочная езда по России нашим гражданам? Может, те же Коми, Марий Эл станут новым плацдармом для террористов всех мастей? В-третьих, наших людей не надо куда-то деньгами заманивать, дагестанцев везде хватает: от Калининграда до Камчатки. Если есть желание куда-либо приложить усилия, наши люди сами поедут. Так что великая Россия пусть бережет свой кошелек для более удачных свершений. В-четвертых, население в ряде республик СКФО РФ в 1944 г. было насильственно депортировано, оно органически боится куда-то выезжать, да еще через государственную миграционную службу. «Потом не пустят еще обратно», – подчеркнул один эксперт. Это этническая боязнь настрадавшихся людей.

Многие этой программой недовольны и считают, что работать она не будет, как, собственно, не работает ни одна государственная программа. Деньги будут пущены на ветер, в частности, попадут в карманы чиновников. В Ингушетии люди получили подъемные деньги, но не поехали. Те же, кто поехал, оказались обманутыми на местах: вместо обещанного жилья, их поместили в бараки, обращались, как с бомжами. Вместо возможности завести свое собственное фермерское хозяйство их заставляли работать на заводах в ужасных условиях.

На Северном Кавказе применяются недемократические методы работы – от коррупции и устройства на работу по протекции до закупочных интриг и группировок, которые теперь разоблачаются благодаря новым достижениям в области информационных технологий. Некоторые процессы, ранее остававшиеся скрытыми от глаз, теперь стали доступными и вызывают недовольство. Старые формы ведения дел разрушаются, существующая политическая структура, бывшие партийно-комсомольские работники показали свою неспособность участвовать в современных модернизационных процессах.

Таким образом, основным фактором напряженности в Республике являются межконфессиональные противоречия. Противостояние по линии «власть–народ» не выражено ярко, так как власть слаба и коррумпирована на всех уровнях. Политические противоречия – это лишь производные кризиса экономики Республики, охватившего все отрасли производства и приведшие в упадок социальную сферу Дагестана. Роль государства в экономике Республики должна быть шире, чем сегодня, и граждане требуют принять необходимые меры против криминализации экономики, а также внести коррективы в сферу социальных отношений и социальной защиты населения.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОГОЛОСОВАВШИХ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Выборы депутатов Государственной Думы РФ, состоявшиеся 4 декабря 2011 г. станут заметной вехой в развитии политического процесса новейшей России. Во-первых, они ознаменовали собой процесс снижения политического потенциала партии власти в лице «Единой России». Во-вторых, впервые за постсоветский период обозначилось смещение настроений избирателей в сторону левых социальных ценностей. В-третьих, впервые за последние двадцать лет результаты общефедеральных выборов вызвали острое недовольство у части российского социума, проявившееся в митингах протеста, состоявшихся в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах страны, с требованиями отмены результатов выборов, инициаторами которых стали представители внесистемной оппозиции.

С учетом этих обстоятельств особый интерес представляют данные об изменении социальных характеристик избирателей, принявших участие в голосовании 4 марта 2011 г., по сравнению с прошлыми выборами в Госдуму РФ. Сравнительный анализ этих данных свидетельствует не только об изменении социального портрета избирателей, участвовавших в голосовании за политические партии, но и о слабостях функционирующей в стране партийно-политической системы¹.

¹ Характерны в этом плане сравнительные результаты опросов, проведенных в г. Красноярске по методике exit poll 2 декабря 2007 г. и 4 декабря 2011 г. на выборах в Госдуму РФ. Данные по Красноярску интересны тем, что выступая в качестве географического центра России и находясь на пересечении разнонаправленных процессов и тенденций как глобальных, так и регионального развития, Красноярский край во многом отражает суть тех социальных, экономических, политических проблем, которые переживает современная Россия. Опрос проведен на выходе с избирательных участков. Интервьюерам задавались квоты по полу, возрасту и времени опроса респондентов. Всего было опрошено 625 человек. Организатор опроса кандидат социологических наук Злотковский В.В.

Сравнение данных, полученных в результате опроса по методике exit poll с официальными результатами голосования красноярцев по выборам депутатов Государственной Думы РФ, показывает лишь небольшое их расхождение (см. табл. 1), что свидетельствует о высокой достоверности результатов exit poll.

Таблица 1

Выборы депутатов Государственной Думы РФ по партийным спискам в г. Красноярске 4 декабря 2011 г.

В % от числа опрошенных и проголосовавших

Политические партии	Данные exit poll	Официальные результаты голосования
«Справедливая Россия»	19,0	19,2
ЛДПР	18,3	15,8
«Патриоты России»	1,3	1,0
КПРФ	24,0	24,4
«Яблоко»	3,8	5,2
«Единая Россия»	30,6	31,1
«Правое дело»	0,9	1,2

Сравнительный анализ данных избиркома о результатах голосования в 2007 г. и в 2011 г. свидетельствует о существенных изменениях в партийных предпочтениях избирателей (см. табл. 2).

Таблица 2

Данные избирательной комиссии о результатах голосования по г. Красноярску на выборах депутатов Государственной Думы РФ по партийным спискам

В % от числа проголосовавших

Политические партии	Результаты голосования в 2007	Результаты голосования в 2011	Характер изменений
«Единая Россия»	57,6	31,1	-26,5
КПРФ	12,7	24,4	+11,7
«Справедливая Россия»	10,2	19,2	+9,0
ЛДПР	9,6	15,8	+6,2
«Патриоты России»	1,0	1,0	0
«Яблоко»	1,7	3,2	1,5
Другие партии	3,5	-	-
Явка избирателей	52,7	48,0	-4,7

Активность избирателей в 2011 г. оказалась ниже, чем на предыдущих выборах. Если в 2007 г. на избирательные участки пришло более половины участников голосования, то сейчас лишь 48%. Но самое главное в результатах голосования – это резкое снижение (более чем на четверть) числа проголосовавших за ведущую политическую партию страны – «Единую Россию» – с одновременным увеличением числа проголосовавших за партии, провозглашающие левые социальные ценности.

За КПРФ проголосовало почти в два раза больше избирателей по сравнению с выборами 2007 г. «Справедливая Россия» также почти в два раза увеличила число своих избирателей. Возросло число избирателей, отдавших предпочтение партии «Яблоко» (с 1,7 до 3,2%). Серьезно укрепила свои позиции ЛДПР, увеличив число своих избирателей на 6,2%. Партии «Патриоты России» и «Правое дело» оказались, как и прежде, вне поддержки избирателей. Таким образом, «Единая Россия» столкнулась с серьезными потерями своих сторонников.

Произошли также существенные изменения в социальных характеристиках избирателей политических партий, принявших участие в голосовании.

Изменения в социальном портрете избирателей «Единой России». В ходе прошедших выборов значительно (более чем в два раза) уменьшилось число избирателей, проголосовавших за партию, из числа инженерно-технических работников, работников правоохранительных органов, более чем в пять раз – из числа руководителей учреждений и предприятий, более чем в три раза – из числа занятых в сфере обслуживания, в 1,7 раза – из числа предпринимателей. Уменьшилась в 1,5 раза поддержка партии среди рабочих.

В то же время, несмотря на снижение прежнего уровня поддержки, «Единая Россия» по сравнению с другими партиями по-прежнему имеет наибольшее число своих сторонников среди предпринимателей (38,2%), среди рабочих (35,4%), среди служащих (32,9%). Обращает на себя внимание укрепление позиций партии среди избирателей из числа интеллигенции города (поддерживали 63,5%, стало – 64,3%).

Сравнительный анализ возрастных характеристик показывает, что по сравнению с другими партиями за «Единую Россию» проголосовало наибольшее число избирателей в молодежных возрастных группах 18–24 года – 33,9% и 25–35 лет – 34,2%. Несмотря на значимый отток избирателей из возрастных групп старшего поколения, «Единая Россия» по-прежнему получила

наибольшую поддержку (по сравнению с другими партиями) у избирателей в возрасте 60 лет и старше (38,2%).

Партия имеет наибольшее число сторонников среди женщин. Из всего количества женщин, принявших участие в голосовании за все партии, 38,6% отдали свои голоса за «Единую Россию».

В целом сопоставление социально-демографических характеристик избирателей, принявших участие в голосовании, позволяет сделать вывод, что «Единая Россия», несмотря на ощутимые потери, сохранила свои ведущие позиции во всех социально-профессиональных и возрастных группах населения.

Социальный портрет избирателей КПРФ. Из всех политических партий наибольшую поддержку КПРФ получила у избирателей из числа инженерно-технических работников (35,7%), а также из числа пенсионеров (35,6%). Обращает на себя внимание резкий скачок уровня поддержки КПРФ в предпринимательской среде. В 2007 г. за КПРФ проголосовали 3,3% избирателей из числа предпринимателей, в 2011 г. – 29,4%. Такого высокого уровня поддержки предпринимательской среды ни одна партия не получила. Этот рост во многом произошел за счет снижения уровня поддержки «Единой России». Высокую поддержку партия получила также у служащих (25%) и у представителей правоохранительных органов (25%).

Сравнительный анализ возрастных характеристик свидетельствует об омоложении избирателей, поддержавших на выборах компартию. Если в 2007 г. за партию проголосовало 3,9% молодежи в возрасте 18–24 лет, то в 2011 г. их число увеличилось до 10,7%, а число избирателей в возрасте 25–35 лет возросло в два раза (с 6,2% до 12,3%). Возросло число избирателей (с 9% до 25,6%), находящихся в наиболее трудоспособном возрасте (36–50 лет). Характерно также увеличение числа сторонников КПРФ из числа мужчин (с 13% до 23%).

Укрепление КПРФ своих позиций среди всех социально-демографических групп избирателей свидетельствует о возрастающем влиянии партии на социально-политические настроения российского электората, об укреплении в обществе своего политического влияния.

Социальный портрет избирателей партии «Справедливая Россия». По сравнению с избирательной кампанией 2007 г. существенные трансформации в 2011 г. претерпели социальные характеристики избирателей проголосовавших за партию «Справедливая Россия». Это единс-

твенная партия, которую поддержала половина избирателей из числа представителей правоохранительных органов, участвовавших в голосовании. Более чем в два раза увеличила партия свою поддержку среди красноярского студенчества (с 8,3% до 20,8%), среди работников сферы обслуживания (с 10,7% до 20,8%). В два раза увеличилось число избирателей из рабочих (в 2007 г. свои голоса за нее отдали 9,5% избирателей из числа рабочих, в 2011 г. – 20% представителей данной социальной группы). Более чем в три раза увеличилось количество избирателей, относящих себя к числу руководителей.

Сравнительный анализ возрастных характеристик избирателей показывает, что более трети избирателей находятся в возрасте от 18 до 35 лет. В то же время обращает на себя внимание наличие у данной партии поддержки из числа лиц старшего поколения. Почти пятая часть проголосовавших за «Справедливую Россию» это избиратели в возрасте 51–60 лет.

Эти данные свидетельствуют, что «Справедливая Россия» во второй раз, приняв участие в избирательной кампании по выборам в Госдуму РФ, значительно укрепила свои позиции среди избирателей и заявила о себе в качестве устойчивой политической партии страны.

Социальный портрет избирателей Либерально-демократической партии. Рост электората ЛДПР произошел, прежде всего, за счет привлечения мужской части избирателей (с 12,9% до 20%) и особенно находящихся в возрастной группе 18–24 года. После «Единой России» ЛДПР оказалась второй партией, которую предпочли избиратели из студенческой среды. По сравнению с результатами кампании 2007 г. их число увеличилось почти в три раза (с 9,6% до 27,3%).

По роду профессиональных занятий ЛДПР в наибольшей мере поддерживают избиратели из числа рабочих (20,2%), из числа домохозяек (19,2%), работников сферы обслуживания (37,5%), безработных (14,3%).

Избиратели, утратившие доверие к партии «Единая Россия», на сей раз отдали свои голоса КПРФ и «Справедливой России», но не ЛДПР, во многом отождествляя ее с партией власти. Поэтому рост ее электоральной поддержки был обеспечен в основном за счет привлечения новых избирателей в возрастной группе 18–24 года. Вместе с тем партия сумела создать свой устойчивый электорат, позволяющий ей оставаться активным участником политического процесса страны.

Социальный портрет партии «Яблоко». В наибольшей мере «Яблоко» поддержала молодежная часть избирателей. Из студенческой среды за партию проголосовало 9,1% сторонников. На втором месте из числа избирателей, поддержавших «Яблоко», представители профессиональных групп ИТР и служащих (по 7,1%). Практически не получила партия поддержки в рабочей среде, среди работников правоохранительной системы, пенсионеров и домохозяек.

Изменение активности политических партий в ходе избирательной кампании. Политический потенциал партий, их авторитет во многом предопределяет время принятия избирателями своего электорального решения. Характерно, что снижение уровня доверия к партии «Единая Россия» отразилось и на снижении числа избирателей, которые заранее знали, за кого следует голосовать (см. табл. 3).

Таблица 3

Время принятия электорального решения

В % от числа принявших участие в голосовании

	2007	2011
Я сразу знал за кого следует голосовать	73,2	63,0
За месяц до выборов	10,0	17,6
За две-три недели до выборов	*	7,5
В последнюю неделю перед выборами	5,4	3,3
В день голосования	3,2	6,9
Непосредственно на избирательном участке	2,1	
Не помню	2,9	1,7

Примечание: позиция * отсутствовала в инструментарии опроса 2007 г.

Из данных табл. 3 видно, что лишь в результате активности политических партий количество «неопределившихся» в ходе избирательной кампании постепенно стало уменьшаться. Ко дню голосования их число стало незначительным. Наибольшую активность в привлечении избирателей на свою сторону проявила партия «Справедливая Россия». Из числа избирателей, отдавших за нее свой голос, лишь 43% заранее решили голосовать за нее, остальные 57% склонились в ее сторону в ходе избирательной кампании.

Эмпирические данные свидетельствуют о наличии у КПРФ и ЛДПР устойчивого электората. Большинство их избирателей выразили готовность отдать за них свои голоса, как только стало известно об участии этих партий

в выборах. «Справедливая Россия» и «Яблоко» не располагают таким устойчивым настроением среди избирателей, поддержавших их на выборах. Из числа избирателей, проголосовавших за «Яблоко» лишь 13,3% определились со своим выбором сразу после регистрации участников выборов, за «Справедливую Россию» – 43%.

Это свидетельствует не только об эффективности проведенной этими партиями информационно-пропагандистской работы в ходе избирательной кампании, но и о переходе к ним части протестного электората.

Динамика эволюции социальных проблем, в наибольшей мере сказавшихся на результатах выборов. Социологические исследования, проведенные в регионе за период 2000–2010 гг. показывают, что результаты выборов во многом были предопределены социальным самочувствием и психо-эмоциональным состоянием населения. Если оценивать данный период с этих позиций, можно сделать вывод, что начиная с 2000 г. качественных изменений в жизни социума региона не произошло.

Во многом это результат нерешенности проблем в наибольшей степени значимых для населения. В этой связи представляет интерес анализ эволюции проблем, вызывающих наибольшее беспокойство у красноярцев. Из десяти проблем, волнующих население региона, наибольшее беспокойство вызывают проблемы роста цен, высокие цены на услуги ЖКХ, угроза безработицы, низкий уровень зарплаты, качество медицинских услуг, наркомания и алкоголизм. Это те проблемы, решение которых зависит не только от региональной системы властных отношений, но и от уровня социально-экономического развития общества в целом.

Указанные проблемы в период 2000–2011 гг. оставались нерешенными, несмотря на то, что они вызывают наибольшее беспокойство практически у всех социальных групп. Именно они влияют в первую очередь на условия жизни респондентов, на их социальное самочувствие и электоральное поведение. **Постоянный рост цен, низкий уровень заработной платы ведут к застою в социальной сфере, топтанию на месте.**

Сравнение данных опроса красноярцев с результатами исследования, реализованного по общероссийской выборке, показывает, что население страны волнуют практически одни и те же проблемы. Не случайно, поэтому общим является и настрой респондентов, фиксируемый в ходе исследований в разных регионах, на то, чтобы система властных отношений и хозяйственно-экономические субъекты способствовали тому, чтобы обеспечить насе-

нию уверенность в завтрашнем дне, снять тревогу за будущее детей и внуков. Решение их в своей основе зависит не только от местной власти (как регионального, так и муниципального уровней), но и от государства, от степени социально-экономического развития страны в целом. Получается, что при существующей системе межбюджетного взаимодействия, полномочия и инструменты влияния местной власти на качество жизни населения ограничены и во многом носят условный характер.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод, что период 2000–2011 гг., породив в регионе большие ожидания, так и не смог реализовать возлагавшихся на него надежд. Это во многом и предопределило снижение уровня доверия к партии «Единая Россия», а также восприятие обществом итогов прошедших 4 декабря 2011 г. парламентских выборов.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕФОРМА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

После десятилетий экстенсивной эксплуатации нефтегазовых недр и сырьевого развития, когда практически не осуществлялось обновления основных фондов, технологической базы производства, отсутствовали масштабные вложения в фундаментальную и прикладную науку, руководство страны заговорило об инновационных городках и наукоградах, технопарках и нанотехнологиях, реиндустриализации, необходимости перехода к пятому и шестому технологическим укладам. В качестве «витрины» модернизационного проекта предстало строительство инновационного центра «Сколково» в Подмосковье, отличающегося, по замыслу его создателей, от привычных наукоградов советской эпохи непосредственной нацеленностью на внедрение инноваций, открытий и изобретений в практику. Задача важная, но по мере воплощения проекта под руководством «эффективных менеджеров» из олигархических бизнес-групп возникают вопросы о первоочередности построения отелей и гольф-полей перед научными лабораториями.

Тем не менее при всех издержках «модернизация», «инновационное развитие», «нанотехнологии» стали лозунгами сегодняшнего дня. При этом содержание понятия «модернизации» в декларациях политического руководства оказывается не раскрытым, что порождает теоретические разночтения и недопонимание.

Изначально понятие «социальной модернизации» родилось в рамках теорий, опиравшихся на веберовскую дихотомию «традиционность/современность» и, в целом, как бы продолжавших идеи просветительства. Вслед за М.Вебером в модернизации видели увеличение степени социальной рациональности и относили ее к смене аграрного общества индустриальным¹. В целом модернизация означает в первую очередь возрастание возможностей

¹ Современная западная социология. М., 1990. С.193–196; Краткий словарь по социологии. М., 1988. С.163.

по использованию современных технологий в важнейших сферах материального и духовного производства, расширение современных форм потребления, но вместе с тем и создание социальных, политических и культурных условий для развития нового производства¹.

Таким образом, получается, что задача собственно модернизации страны была решена еще в 1950-е гг., когда большинство нашего населения стало городскими жителями, занятыми в сфере индустриального производства, а не в сельском хозяйстве. Нам приходится соглашаться, что на сегодняшний день модернизация есть нечёткий собирательный термин, который относится к разнородным социальным и политическим процессам как исторически сопровождавшим индустриализацию (постиндустриализацию) в странах развитого капитализма, так и сопутствующим ей в развивающихся и «трансформирующихся» (бывших социалистических) странах², и, более того, не существует общепризнанных создателей и четких исходных посылок в теориях модернизации³. При этом суммарно к числу основных показателей модернизации принято относить следующие критерии.

В политике:

- расширение территорий и упорядочение административно-политических границ, образование централизованных национальных государств, усиление центральной исполнительной и законодательной власти и разделение властей;

- способность государства к структурным изменениям в экономике, политике, социальной сфере при сохранении стабильности и внутренней сплоченности общества;

- включение все более широких масс населения в политический процесс;

- установление политической демократии или хотя бы популистского правления, изменение способов легитимации власти, формирование специфически правовой основы функционирования общества и власти;

- формирование осознанных интересов различных общественных групп.

В экономике:

- расширение технологий, основанных на научном знании, высокоэффективных источниках энергии, широком освоении природных ресурсов;

¹ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М. 1994. Ч. 2. С.126.

² Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии М., 1986. С.218.

³ Современная западная социология. С.193; Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981.

– наращивание вложений в сферу образования (по мнению американского специалиста Ф.Х.Харбисона, «центральная проблема всех модернизирующихся стран состоит в том, чтобы ускорить процесс формирования человеческого капитала»¹);

– углубление общественного и технического разделения труда;
– развитие рынков товаров, денег и труда, их регулирование, расширение вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства;
– постоянное усложнение организации производства, существование стимулов для создания и внедрения технологических и организационных новшеств.

В социальной сфере:

– четкая специализация людей, общественных и государственных институтов по видам деятельности, которая все меньше зависит от социального происхождения людей (а также пола и возраста), их личных связей и все больше от личных качеств человека, его квалификации и усердия;
– рост урбанизации, изменение демографической структуры, роли и функций семьи.

В духовной сфере:

– дифференциация культурных и ценностных систем и ориентаций, секуляризация и плюрализация общественного сознания и образования;
– развитие масс-медиа и систем коммуникации;
– рационализация сознания².

Таким образом, применительно к сегодняшним реалиям модернизация может означать широкий и расплывчатый спектр стратегий: и переход к новому постиндустриальному технологическому укладу и построение «общества знания» и реиндустриализацию страны, обновление технологического арсенала и демократизацию общества и т.п.

¹ Harbison F.H. Human Resources Development Planning in Modernising Economies // Leading Issues in Development Economies: Selected Materials and Commentary / Ed. by G. Meyer. N.Y., 1964. P.273.

² Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч. 2. С.126; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI в. // «Вопросы философии». 1993, №7. С.40–41; Общая и прикладная политология. М., 1997. С.345–346; Eisenstadt S.N. Modernisation: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. P.3–5; Daadler H. European Political Traditions and Processes of Modernisation: Groups, the Individual and the State//Patterns of Modernity. Ed. by S.N.Eisenstadt. Vol. 1: The West. N.Y., 1987. P.22–404.

Чтобы лучше разобраться с восприятием модернизации в общественном сознании, обратимся к социологическим исследованиям студенческой молодежи вузов Москвы как целевой группы¹. Студенчество воспринимает идею модернизации России, скорее, как технологическое обновление и реиндустриализацию страны и лишь только потом как трансформацию массового сознания, перемены в культуре и поведении людей. Согласно результатам опроса, для большинства (57%) респондентов модернизация это в первую очередь внедрение новых технологий и оборудования, переход от «сырьевой» ориентации экономики к преобладанию наукоемких отраслей (48%), развитие фундаментальной и прикладной науки (39%), рост благосостояния людей (31%), производство качественных и современных отечественных товаров (26%), изменения в культуре, менталитете и поведении граждан (24%).

Специалисты по теории модернизации разделяют «догоняющую модернизацию» («имитационную», «подражательную» вестернизацию) и «опережающую модернизацию» («органичную», «национально-ориентированную»). При этом первая подвергается критике². К вестернизации как «подражательной» модернизации применима характеристика А.Дж.Тойнби: «Недостаток мимесиса (подражания) в том, что он предлагает механический ответ, заимствованный из чужого общества, т.е. действие, выработанное посредством мимесиса, не предполагает собственной внутренней инициативы, ...ненадежно, ибо не самоопределено»³ и, таким образом, ведет к опасной черте, риску катастрофы, вырождению. Вестернизаторские подходы к модернизации критиковались и в отечественной литературе, и в странах «третьего мира».

На сегодняшний день в общественной науке устоялся принцип сохранения национальной и цивилизационной самобытности общества в ходе модернизации. Израильский социолог Ш.Эйзенштадт указывал, что идеологическое и институциональное развитие в современном мире разошлось с представлением о «продвижении к современности» как приобщении к всеобщей

¹ Используются результаты опроса, проведенного авторами в рамках НИР «Молодежь в системе высшего образования» ИСПИ РАН в мае–июне 2011 г. в 28 вузах г. Москвы среди студентов дневных отделений гуманитарных и технических специальностей. Всего было опрошено 604 человек (N=604) в возрасте от 17 до 23 лет, из них 320 чел. на гуманитарных факультетах, 284 чел. – на технических. Девушек – 51%, юношей – 49%. Авторы выражают благодарность профессорам д.п.н. Л.Н.Алисовой (НОНФ), д.с.н. М.А.Будановой (МПУ), д.с.н. Д.К.Танатовой (РГСУ) за помощь в организации и проведении исследования.

² Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y.–L., 1973. P.51.

³ Тойнби А.А. Постигание истории М., 1991. С.304.

современной цивилизации. «Все более и более очевидным становится факт огромного институционального разнообразия различных современных и осовременивающихся обществ – и не только среди традиционных, но и среди более развитых и даже высокоиндустриальных». Распространение модернизации идет через взаимодействие цивилизаций, в ходе которого «принимающая» цивилизация дает тот или иной ответ на внешний вызов (процесс, подобный тому, как распространялись все исторические цивилизации.) «Из этих ответов сформировалось большое разнообразие современных или осовременивающихся обществ, имеющих много общих характеристик, но в то же время демонстрирующих огромные различия»¹.

По мнению С.Хантингтона, успешность и динамичность развития модернизируемой страны определяются выбором формулы «национальный дух, западная техника». Ускоренная «вестернизация содействует быстрым результатам модернизации лишь на первом этапе, а затем следует неминуемый спад, преодоление которого возможно, лишь опираясь на национальные духовно-культурные основы»².

А как видится эта проблема студентам? Должна ли модернизация опираться на национальное культурное наследие, либо наоборот, культурное наследие препятствует модернизации? Большинство опрошенных (62–67%) убеждено, что модернизация должна опираться на сохранение национальных культурных традиций, однако каждый пятый, тем не менее, связывает модернизацию с преодолением культурных традиций России.

Какого типа организации, по мнению респондентов, нужно поддерживать для успешного развития отечественной науки? Сторонники развития научно-исследовательских учреждений РАН, как и перехода на «западную» модель НИР на кафедрах и лабораториях вузов поляризовались. Отметим, что студенты гуманитарной специализации чаще высказывались в пользу академических НИИ (43%), чем вузовской науки (31%), у технарей – 39% и 36%, соответственно. Благодаря широкой популяризации, высок престиж в студенческой среде инновационных центров типа «Сколково»: почти половина опрошенных (42% студентов-технарей, 48% гуманитариев) назвала в первую очередь такие инногородки.

¹ Eisenstadt S.N. Introduction: Historical Traditions, Modernisation and Development // Pattern of Modernity. Vol. 1. The West / Ed. by S.N.Eisenstadt. L., 1987. P.4–5.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // «Pro et contra». 1997, №2. С.125–126.

Отдельный вопрос связан с ролью Российской академии наук в сегодняшней модернизации страны. Российской академии наук – наследница АН СССР, заслуга которой в развитии отечественной науки была весьма существенна. Но время от времени в информационном пространстве проходят целые «волны» критических кампаний в адрес РАН. Ведь «большая» Академия это не только коллегия авторитетных учёных и организаторов науки (действительных членов и членов-корреспондентов), но и система НИИ, исследовательских центров, лабораторий, с соответствующим оборудованием, зданиями и сооружениями. И одной группой критиков выступают «эффективные менеджеры», заинтересованные в приватизации всего этого имущества и превращении РАН лишь в «клуб академиков»¹, и политики, лоббирующие определённые интересы, рассуждая о «мракобесии» РАН².

При оценке роли Российской академии наук в развитии сегодняшней науки и как инструмента модернизации страны мнения респондентов поляризовались. «Весьма существенной» назвали роль РАН 41% респондентов, «не очень значимой» – 35%.

Что касается приоритетных отраслей знания, развитию которых следовало бы уделять внимание, то студенты называли в первую очередь такие сферы фундаментальной и прикладной науки, как биология и медицина (62%), математика, физика, химия (47%), вычислительная техника, информатика, кибернетика (43%), оборонные технологии (41%), космические исследования (39%), экономическая наука (37%), социология, психология, политология (34%). В числе второстепенных отраслей знания оказались геология, география, экология, почвоведение (22%), история, философия и языкознание, литературоведение (по 14%). Показательно, что в студенческой среде группа респондентов, предлагающих уделять внимание развитию астрологии, парапсихологии, экстрасенсорики находится в пределах статистической погрешности – 4%.

Нужно ли тратить средства на научные направления, не дающие быстрой отдачи? По мнению специалиста в области математической физики Л.Фаддеева, академика РАН: «Если уж мы сейчас великая держава, то должны иметь великую науку... Это важно, кроме всего прочего, и с точки зрения безопасности. Представьте себе, что появилось оружие нового поколения. Его вам никто не продаст. И даже если вы украдете его секрет, это будет бесполезно, если у вас нет специалистов, которые разбираются в соответствующую

¹ См. Назревает конфликт между РАН и Минобрнауки РФ // «Аргументы недели». 2010, №26. С.2.

² См. Привалов А. О мракобесии и смежных проблемах. [<http://www.expert.ru/2010/02/01/raznoe/>].

щей области науки. Уже хрестоматийный пример с атомной бомбой. Когда благодаря разведке мы получили материалы из Америки, то смогли воспользоваться ими только потому, что у нас были ученые, знавшие ядерную физику на самом высоком уровне. А ведь в 30-е гг. многие считали ядерную физику ненужным и совершенно непрактичным занятием. Но ее удалось отстоять, и в результате и в ленинградском Физтехе, и в Радиевом институте были специалисты по ядерной физике, по радиохимии. И наша страна не оказалась безоружной»¹.

Но зачастую РАН оказывается под огнём противоречивых бюрократических указаний. Так, если Минобрнауки РФ упрекает Академию в слабой практической отдаче, то другое правительственное ведомство – Минфин РФ – в лице первого замминистра Т.А.Голиковой (письмо от 5 марта 2004 г. №12.04.02/413) – утверждало, что поскольку «инновационная деятельность направлена не на получение новых знаний, а на внедрение результатов научных работ, то, соответственно, она не отвечает целям деятельности РАН и ее региональных отделений». Собственно под такие инновационные цели и создаётся проект «Сколково».

Одной из важнейших задач проекта «Сколково» стало предотвращение «утечки умов» и даже возвращение российской научной эмиграции, путём создания условий «не хуже, чем в западных университетах» и предоставления «возвращенцам» привилегий. И тут уже выполнение данной задачи по возвращению «научной диаспоры» встречает ряд проблем, в том числе этического характера. Снова слово академику Л.Фаддееву: «Я думаю, что практически вернуть невозможно. Я говорю это по опыту, который у меня есть... 40 докторов наук покинули [математический] Институт им. В.А.Стеклова. Они с удовольствием приезжают сюда и здесь читают лекции, участвуют в семинарах. Но приехать навсегда, если там у тебя есть квартира, машина и гарантированная пенсия, они откажутся. И их дети вырастают уже в другой культуре. Поскольку в Европе есть пенсионный возраст, после которого работать уже нельзя, то, возможно, будут возвращаться пожилые ученые, но не 40-летние. Я сам получал несколько сигналов: да, вот года через два я, скорее всего, вернусь. Тех, кто хорошо работает, конечно, возьмем. Но массового возврата ученых я не ожидаю... Что же касается мнения, что они вернуться, если им будут платить, как за границей, я считаю, что это было бы безнравственно. Возникает вопрос: а как быть с теми, кто не уехал, работал здесь и благодаря

¹ Другой академии у нас нет [http://www.expert.ru/expert/2010/05/drugoi_akademii_net/].

кому спасена наша наука? Я уверен, что ни один из уехавших серьезных ученых не согласится на привилегированные условия, если он решит вернуться домой. А если согласится, тогда он для меня аморальный человек»¹. Экономист Н.Иванова, член-корреспондент РАН также считает неверным создание особых условий для потенциальных «возвращенцев»: «Таким образом, мы превращаем тех, кто остался здесь и в исключительно трудных условиях продолжал развивать российскую науку, в людей второго сорта. И я знаю, что многие наши научные «эмигранты», готовые вернуться, понимают, что, если они получат существенные льготы, это создаст большие моральные проблемы в научных коллективах. Если создавать условия, то для всех»².

Показателем отношения власти к социальному институту науки и научному сообществу может служить востребованность научных разработок, внимание к экспертному мнению. Но лишь 7–9% опрошенных студентов убеждены, что российские власти, принимая решения, прислушиваются к рекомендациям учёных. По мнению же более половины респондентов, такое происходит «изредка, отчасти». А четверть респондентов полагает, что рекомендации учёных практически игнорируются.

Однако сами студенты достаточно высоко ценят компетентное мнение представителей науки. Студенты склонны доверять суждениям и прогнозам учёных, исследователей (44%) в большей мере, чем предпринимателей, промышленников, банкиров (14%), министров, руководителей регионов, политиков (12%), общественных деятелей, правозащитников (13%), астрологов, экстрасенсов, ясновидящих (5%).

При таком отношении государства к науке более чем половине респондентов перспективы для успешной карьеры в России в сфере науки представляются сегодня «не очень благоприятными», а почти четверть опрошенных сочла их совсем неблагоприятными. Оптимистично смотрят на перспективы научной карьеры в России 16–19% опрошенных.

Соответственно, и престиж занятия наукой в сегодняшней России представляется большинству студентов не высоким: «не очень престижным» сочли занятие наукой более половины опрошенных, а ещё 13–15% склонялись к совсем пессимистической оценке («совсем не престижно») Тем не ме-

¹ Другой академии у нас нет // «Эксперт». 2010, №5 (691), 8 февраля [http://www.expert.ru/expert/2010/05/drugoi_akademii_net/].

² Иванова Н. Давайте разберемся в мифах // «Эксперт». 2010, №5 (691), 8 февраля [http://www.expert.ru/expert/2010/05/drugoi_akademii_net/].

нее почти четверть респондентов полагает работу в сфере науки достаточно престижной.

Серьёзным показателем успешной успеваемости студента, роста его квалификации служит его интерес к участию в научно-исследовательской работе в студенческих обществах, кружках, вместе с преподавателями в договорной деятельности кафедр. Опыт такой деятельности обладают 37% респондентов (в 2009 г. – 40%). Большинство студентов остаётся в стороне от научно исследовательской деятельности.

Курс на модернизацию, даже если понимать в качестве таковой технологическое обновление производственных мощностей предполагает внимание к образованию. Ведь если мы говорим (в терминологии «циклов Н.Д.Кондратьева») о переходе к пятому и шестому технологическому укладу, то не должны забывать, что шестой технологический уклад подразумевает конвергенцию нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, т.е. включает высокие гуманитарные технологии. На смену понятий «трудовые резервы», «кадровая политика» должно прийти понятие «человеческого капитала», а сфера образования должна войти в число важнейших приоритетов, поддерживаемых государством.

В целом, говоря о тенденциях в российской системе образования можно обозначить четыре основных фактора, определяющих тенденции сегодняшнего состояния и развития социального института высшей школы: (1) глобализация; (2) стремление к сохранению национальной идентичности; (3) коммерциализация и прагматизация образования; (4) структурный дисбаланс между подготовкой специалистов вузами и их целевым трудоустройством.

На протяжении долгого времени у нас ведутся разговоры о приведении отечественной системы высшего образования к западным стандартам, присоединению к «болонскому процессу». При этом полагается, что отечественная научно-педагогическая школа проигрывает в сравнении с западной. Однако наряду с сетованиями на мировую неконкурентоспособность отечественной высшей школы, много говорится и об «утечке умов» на Запад. Но тогда «низкая квалификация» и «неконкурентоспособность» отечественной системы подготовки специалистов выглядят в значительной мере преувеличенными.

Серьёзной проблемой сегодняшней высшей школы служат и «ножницы» между подготовкой специалистов вузами и их целевым трудоустройством. Значительный социальный риск заключается в структурной несбалансированности. А несбалансированность эта определяется неадекватностью общественным потребностям.

Мы можем наблюдать, по крайней мере, в крупных городах, ситуацию с перепроизводством ряда специалистов, таких как юристы, экономисты, бухгалтеры и т.п. Устойчивая тенденция к усилению дисбаланса между реальными потребностями экономики в специалистах и массовой продукцией высшей школы обрела столь опасные масштабы, что вынудила реагировать политическое руководство страны. В целом по-прежнему свыше половины выпускников российских вузов по разным причинам не идут работать по специальности, а в некоторых регионах страны положение и того хуже. Президент РФ Д.Медведев на заседании в марте 2011 г., посвященном подготовке кадров для промышленности, заявил о том, что в перепроизводстве гуманитариев виноваты «непрофильные вузы»¹.

Однако меньше всего хотелось бы винить вузы, которым были навязаны такие «правила игры». Ведь для получения аттестации в качестве университета технический институт должен иметь достаточно широкий набор специальностей. И если в число этих утвержденных специальностей входят гуманитарные, то они не могут считаться «непрофильными». В условиях коммерциализации и прагматизации образования, естественно стремление сегодняшних вузов расширить свою нишу на рынке образования, привлечь новых потребителей предлагаемых услуг (учащихся) и приспособить учебные программы под актуальный «спрос». Современные вузы стали превращаться в учебно-сервисные комплексы, предлагающие услуги не только образовательные, но и сугубо социальные – например, молодые люди имеют законную возможность «откосить» от призыва в армию.

На дисбаланс высшей школы и «нецелевое» трудоустройство и значительной доли отечественных молодых специалистов можно взглянуть и под иным углом зрения. Если 2/3 выпускников инженерных специальностей не работают по специальности², то тогда и дополнительное увеличение выпуска инженеров не приведет автоматически к притоку квалифицированных кадров в промышленность. Скорее, это будет способствовать консервации устаревших производств. Ведь не хватает инженеров в первую очередь тем предприятиям, которые не создают привлекательных мест для молодых специалистов, где низкая оплата труда и устаревшие технологии.

¹ Медведев предложил запретить учить экономистов и юристов в непрофильных вузах [<http://newslab.ru/news/371544>]; Встреча с руководителями промышленных предприятий [<http://www.kremlin.ru/news/10727>].

² Там же.

Поскольку социальный институт образования решает как общие культурно-воспитательные задачи, так и задачи по воспроизводству и развитию кадрового потенциала общества, то поиск оптимального баланса между подготовкой широко информированных, ответственно мыслящих членов общества и специалистов-профессионалов на практике остаётся одной из наиболее сложных проблем системы высшего образования. Ведь практика, особенности функционирования отечественной «пореформенной» экономики продемонстрировала в качестве устойчивой характеристики её нестабильность. Отчасти это объясняется интеграцией страны в мировую экономику, характер которой порождает быстрые и резкие инвестиционные колебания и, соответственно, подъёмы и спады занятости в разных отраслях. Данные процессы уже потребовали перехода экономически развитых стран к концепциям, предусматривающим «перманентное», «продлённое» образование, необходимость неоднократной переквалификации человека в течение его жизни. И оказалось, что в этих непростых условиях, когда получить дивиденды на специальное образование становится всё сложнее, люди с более широкой подготовкой легче адаптируются к рыночным предложениям и успешней заполняют неожиданно возникшие вакансии, чем «узкопрофильные» специалисты.

Всё это свидетельствует, что реформа образования должна быть тесно увязана с задачами стратегического развития страны. Можно поискать объективные критерии для рейтинга вузов, тем более, что за последний год российские университеты значительно утратили свой статус в различных международных «табелях о рангах». К примеру, в США применяется и такой критерий, как средняя зарплата выпускников в первые два года после получения диплома. Поэтому представляется необходимым поиск интегральных показателей, не формально-бюрократически, а на деле увязывающих реформу образования с задачами инновационного развития страны.

За последние полтора десятилетия в качестве мотивов, приведших в вуз, преобладало стремление сделать карьеру, получить интересную профессию, стать материально обеспеченным, получить диплом, но за период 1996–2011 гг. менялась иерархия приоритетов, ранги значимости, от I до IV (см. табл. 1).

По данным опроса, стремление сделать карьеру указало 44–52% опрошенных (ранг значимости I–II).

Весомы и содержательные побуждения: пришли в вуз овладеть интересной профессией 44–46% респондентов. Этот мотив, в 1996 г. занимавший III место, в 2002 г. становится наиболее важным для поступивших вуз, а затем возвращается на II–IV места в 2006–2011 гг. Заметен рост (до 35%, ранг V) значимости фактора «повысить в вузе свой культурный уровень».

Таблица 1

Студенты о мотивах поступления в вуз

Москва, в % от числа опрошенных, ранги

Вы поступили в вуз в надежде, что он даст Вам возможность в будущем:	1996 (N=621)		2002 (N=560)		2006 (N=556)		2008 (N=704)		2009 (N=590)		2010 (N=630)		2011 (N=604)	
Сделать карьеру	51	I	46	II	44	II	50	II	51	I	52	I	49	I
Получить интересную профессию	45	III	47	I	43	III	39	IV	46	II	43	III	45	IV
Продолжить семейную традицию	17	VII	11	VII	-*	-*	13	VIII	10	VIII	12	VIII	15	VII
Стать материально обеспеченным	35	V	41	IV	38	IV	52	I	45	III	46	II	47	II
Повысить культурный уровень	34	VI	32	V	29	V	24	V	26	V	29	V	35	V
Избежать призыва в армию	36	IV	25	VI	-*	-*	19	VI	13	VII	12	VII	14	VIII
Получить диплом	47	II	45	III	48	I	44	III	41	IV	39	IV	46	III
Расширить круг общения, устроить личную жизнь	-*	-*	-*	-*	-*	-*	16	VII	15	VI	19	VI	24	VI
Пока не работать	9	VIII	4	VIII	3	VI	3	IX	1	IX	1	IX	1	IX
Затрудняюсь ответить	3	-	2	-	3	-	1	-	1	-	2	-	1	-

* – в анкете данная позиция отсутствовала.

Примечание: можно было выбрать несколько позиций, сумма превышает 100%

Источник: ИСПИ РАН.

Если в первое десятилетие экономических «реформ» (1996) около трети респондентов надеялись, что высшее образование поможет стать им материально обеспеченными, то 2008–2011 гг. этот фактор вышел на I–III ранги. Если в 1990-е гг. среди части молодёжи бытовал социальный миф, что образование и социальный статус между собой не связаны и приводились примеры успешных «коммерсантов» без высшего образования, «новых русских» в красных пиджаках и с золотыми цепями на шее, то со второй половины 2000-х гг. в качестве престижного образца для студенческой молодёжи предстаёт эдакий стильный «яппи», офисный молодой профессионал с хорошим образованием, знанием иностранных языков и зачастую зарубежной стажировкой.

По-прежнему относится к числу доминирующих и чисто формальный мотив поступления в вуз – стремление получить диплом (46%, ранг III),

Если в 2008–2009 гг. 15–16% опрошенных указали, что поступали в вуз в надежде расширить круг общения, устроить личную жизнь (VI–VII место), то в 2010–2011 гг. данная группа охватывала уже каждого четвертого-пятого. Если не брать сферу поиска брачного партнера, то выстраивание полезных связей, знакомств, коммуникаций в профессиональном мире, по мне-

нию американских специалистов, может служить характеристикой прагматичного подхода к образованию, когда еще в студенческие годы, на основе приятельских отношений возникают совместные научные и бизнес-проекты. Гипотетически у лиц получающих второе высшее образование удельный вес данного мотива достаточно высок.

Преимственность семейных традиций всегда отличала отечественную интеллигенцию. По данным опроса 1996 г. 17% респондентов (ранг значимости VII) пришли в вуз, надеясь продолжить семейную профессиональную традицию, сегодня эта группа составляет 15% (также ранг VII).

Часть юношей традиционно рассматривают учебу в вузе как легальную возможность избежать призыва в армию. При этом в 1996 г. данный фактор был более чем для трети респондентов, а в 2002 г. – для каждого четвертого. На сегодняшний день, в связи с сокращением срока службы до одного года, и урезанием числа вузовских военных кафедр данная группа респондентов сократилась. Ценят вуз как инстанцию, предоставляющую отсрочку от призыва, ныне 12–14% опрошенных (ранг VIII).

Сегодня даже среди студентов дневного отделения неработающие оказываются в меньшинстве (34%). Подрабатывают время от времени 37–45%, а около четверти вынуждены работать постоянно. Складывается картина, при которой большинство студентов учится, подрабатывая либо вообще работая, «подучиваясь». И это не может не сказываться на качестве усвоения знаний.

Мнение родителей и родственников оказывается существенным при выборе вуза: от 36% до 46% опрошенных указывали, что прислушивались к советам родителей при выборе вуза (см. диаграмму 1).

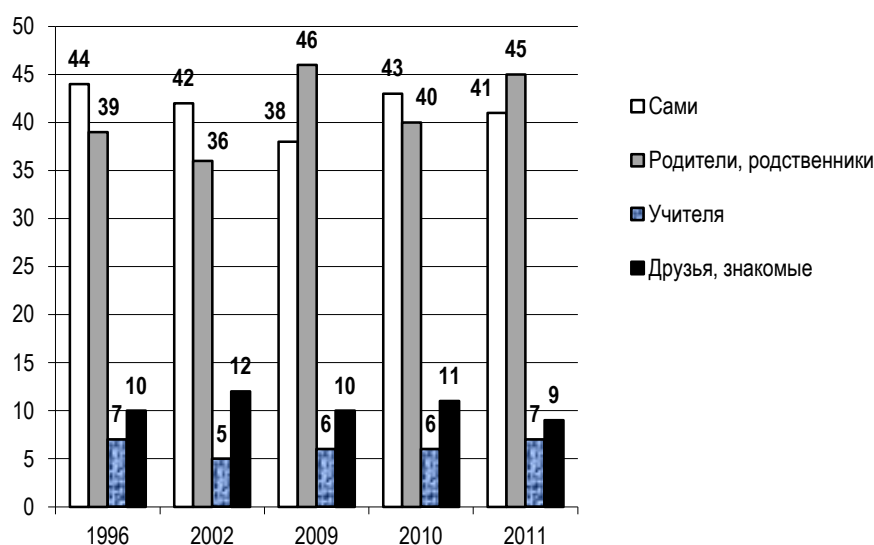
Эффективность профессионального становления во многом зависит от активности и самостоятельности индивида в выборе своей специальности. По данным опросов, руководствовались исключительно собственным выбором 41%, советами друзей, знакомых – каждый десятый из нынешних студентов. А вот влияние школьной профориентации достаточно слабо: учителя повлияли на выбор лишь 5–7% опрошенных, и этот показатель не повысился за последние годы и после введения ЕГЭ.

Подавляющее большинство студентов в той или иной мере удовлетворены выбором своей специальности (72% – студенты технического профиля, 68% – гуманитарного). Заявили, что, скорее, не довольны 15% технарей и 12% гуманитариев. И профессиональное будущее таких студентов представляется наиболее проблематичным, ясно, что, даже получив диплом, такие выпускники по специальности работать не будут.

Диаграмма 1

Кто больше всего повлиял на Ваш выбор вуза?

В % от числа опрошенных, по годам

Источник: ИСПИ РАН.

О продуманности сделанного студентами выбора будущей профессии косвенно свидетельствует факт предварительной подготовки при поступлении в вуз. За истекший период тенденции не изменились: преобладают занятия на подготовительных курсах при вузе, с репетитором и самоподготовка (см. табл. 2).

Наиболее востребованы подготовительные курсы при вузе, однако, если в 1996–2002 гг. на них обучался почти каждый второй будущий студент, за последние годы введение единого госэкзамена снизило интерес к таким курсам до 39–41%. Введение ЕГЭ подхлестнуло востребованность репетиторства: если в 1996–2002 гг. нанимал преподавателей для дополнительных занятий каждый четвёртый, то в последние годы репетиторы «натаскивали» на ЕГЭ уже треть будущих студентов. Также заметно увеличение роли самоподготовки при поступлении в вуз (в 1996–2002 гг. – 13–19%, в 2008–2011 гг. – 28–37%).

Таблица 2

Подготовка абитуриентов к поступлению в вуз*Москва, в % от числа опрошенных*

Какова была Ваша подготовка к вступительным экзаменам в вуз?	1996 (N=621)	2002 (N=560)	2008 (N=704)	2009 (N=590)	2010 (N=630)	2011 (N=604)
Подготовительные курсы	47	49	41	40	39	41
Подготовительное отделение вуза	9	7	6	4	*-	*-
Занятия с репетитором	23	25	26	30	34	36
Учёба в профориентационных классах школы	-*	-*	6	8	11	10
Факультативные занятия в школе	6	7	12	9	11	14
Учёба в колледже (училище) по специальности	7	11	18	9	13	8
Самостоятельная подготовка	19	13	28	35	30	37
Другое	12	15	2	3	4	7

* – в анкете данная позиция отсутствовала.

Примечание: можно было выбрать несколько позиций, сумма превышает 100%.

Источник: ИСПИ РАН.

Часть студентов приходит в вуз повышать квалификацию, ранее получив уже среднее специальное образование в училище, колледже, техникуме. (Тут преобладают студенты-технари, среди гуманитариев – в основном в педагогических и медицинских вузах.) Если три года назад лишь 6% студентов заявили, что учились в профориентационных классах школы, заранее ориентированных на выбор будущей специализации, то в 2010–2011 гг. таких было почти в два раза больше. Кроме того, если в 1990-е гг. факультативные занятия в школе были востребованы 6–7% будущих студентов, то в 2009–2011 гг. их посещали 9–14%.

В рамках реформы российской системы образования, с 2009 г. единый государственный экзамен (ЕГЭ) стал обязательной и основной формой итоговой аттестации выпускников школ и приема абитуриентов в вузы страны. Внедрение данной процедуры проверки знаний выпускников школ вызвало острую поляризацию мнений в российском обществе. В качестве аргументов в поддержку позитивных изменений, приносимых с принятием ЕГЭ в практику поступления в вузы, относят социальную справедливость, уравнивающую шансы тех, кто учился в глубинке и в столичных городах, а также антикоррупционную направленность.

Однако практика обязательного единого госэкзамена вызвала острую критику со стороны экспертов и ряда политиков. Приводились факты, что ЕГЭ «не выявляет способностей человека к дальнейшему обучению в вузе,

способностей к анализу и мышлению», он недопустим для проверки знаний по истории, литературе, естествознанию, не стал ЕГЭ и антикоррупционным инструментом – если раньше платили за то, чтобы поступить в университет, то теперь платят за то, чтобы получить хорошие баллы на ЕГЭ или подготовиться к нему¹.

Анализ этих событий свидетельствует об остроте и актуальности социальных проблем, порождённых введением ЕГЭ, обозначился даже внутри-элитный конфликт между различными группами «политического класса». Таким образом, отношение к единому госэкзамену обозначило раскол, прошедший и через группы общественности, и представителей власти и экспертов и, разумеется, самих учащихся. Если до введения ЕГЭ (2002) 36% студентов полагали, что «особых изменений не произойдёт», и каждый третий считал, что «будет только хуже», то в 2008–2011 гг. уже 44–47% респондентов убеждены, что «станет только хуже», а ещё каждый четвертый полагает, что эта мера никак не повлияет на отбор наиболее способных абитуриентов.

Однако и число сторонников единого госэкзамена увеличивается: если в 2002 г. до введения ЕГЭ менее шестой части опрошенных считало, что новая форма экзамена поможет набрать в вузы наиболее подготовленную молодёжь, то в 2011 г. это мнение разделяет более четверти опрошенных. На вопрос о предпочтительных формах поступления в вуз 36% опрошенных назвали как раз ЕГЭ, а 41% – выбрали бы традиционные экзамены в вузе. Гипотетически, существует и региональная дифференциация мнений по отношению к ЕГЭ, и жители ряда регионов вполне могут показывать более высокий уровень одобрения единого госэкзамена как механизма, позволяющего поступать в престижные столичные вузы.

Острую полемику в обществе вызвало высказанное помощником президента РФ А.Дворковичем мнение об отмене стипендий студентам². По мнению большинства студентов, справедливо выплачивать государственную стипендию всем успевающим студентам-бюджетникам (54% студентов гуманитарной специализации, 59% – технической). Кроме этого назывались следующие варианты: лишь поощрительная стипендия отличникам от спонсоров (10–12%), стипендия от предприятия, будущего работодателя (9–11%), только социальная стипендия материально нуждающимся (12–14%), а, по мнению

¹ <http://www.s-cool.ru/article457.html>.

² Дворкович А. Стипендии студентам нужно отменить// «Российская газета», 2011, 19 января [<http://www.rg.ru/2011/01/19/stipendii-anons.html>].

каждого десятого гуманитария, нужна не стипендия а образовательный кредит с последующим возвратом (среди технарей это мнение разделяет 4%).

Помимо введения ЕГЭ другая реформа в сфере образования связана с присоединением России к Болонскому процессу и переходом высшей школы на двухступенчатую систему обучения: *бакалавриат* и *магистратура*. Планируется, что 80–90% студентов должны выпускаться с дипломом бакалавра и только 10–20% – продолжать обучение. Не афишировавшаяся, но кулуарно не скрывавшаяся цель данных изменений – сокращение расходов на высшее образование, перевод его на самоокупаемость. Но, по мнению экспертов, сокращение в 5–10 раз числа обучающихся на старших курсах вызовет столь же существенное сокращение числа преподавателей, что грозит разрушением сложившихся научно-педагогических коллективов. При этом показательно, что наибольшее раздражение перспектива тотального выпуска бакалавров вызывает даже не у преподавателей вузов, а у работодателей, опасющихся исчезновения возможности получать из вузов по-настоящему квалифицированные кадры¹. Так, в связи с сокращением сроков обучения (4 года вместо 5) работодатели зачастую воспринимает бакалавров как «недоучившихся специалистов». Представители крупных компаний высказываются в СМИ, что бакалавру не хватит знаний и они не готовы брать его на работу, а «доучивание» выпускников на рабочем месте в принципе неприемлемо. Готовность брать на работу бакалавра, а затем «доучить» его до магистра на конкретной специальности выражают некоторые научно-исследовательские учреждения, а также компании, ориентированные на западную модель «выращивания сотрудника под себя». Впрочем, как утверждают эксперты, все зависит от конкретной должности, на которую кандидат претендует².

Подводя промежуточные итоги этой реформы высшего образования президент РФ Д.Медведев 23 марта 2011 г. на совещании с руководителями промышленных предприятий по вопросу развития инженерного образования и подготовки инженерно-технических кадров для отечественной промышленности признал, что «разделение образования на магистратуру и бака-

¹ Селезнёв И. Эпоха болонского просвещения: кому нужны «бакалейщики»? [<http://www.snd-su.ru/cgi-bin/rg.pl?param=div2&page=4&type=2354&what=1001>]; Волчкевич И. Страсти по бакалавру. Государственная высшая школа – это не то место, где государство должно зарабатывать легкие и быстрые деньги // «НГ-Наука». 2008, 27 февраля [http://www.ng.ru/science/2008-02-27/23_bachelor.html].

² Специалист или бакалавр? [<http://newslab.ru/blog/315593>].

лавриат пока не привело к ожидаемому повышению качества инженерного образования, а надежды на это были»¹.

Де-факто на сегодняшний день в большинстве отечественных вузов параллельно сосуществуют как программы подготовки *бакалавров* и *магистров*, так и традиционные программы обучения *специалиста*, поскольку в медицинских, военных и технических вузах система выпуска специалистов пока осталась без изменений.

Судя по опросам 2008–2011 гг. диплом *специалиста* продолжает оставаться наиболее авторитетным (46–49%). На квалификацию *магистра* ориентируется (22–28%). Кроме того, по мнению каждого десятого респондента (10–13%), по-настоящему освоить их специальность можно только с получением учёной степени кандидата или доктора наук.

Что касается диплома *бакалавра*, то скептицизм работодателей по его поводу не остаётся для студентов тайной. Всего 7–12% опрошенных считают, что для успешной работы по специальности достаточно уровня бакалавра. (Это мнение шире распространено среди студентов гуманитарных вузов.)

В современных условиях широкой практикой стало получение людьми, успешно делающими карьеру в бизнесе, второго высшего образования по экономике, финансам, юриспруденции и т.п. Достаточно ли, по мнению студентов, для успешной востребованности на рынке труда одного диплома о высшем образовании? Убеждены, что для «свободы маневра» нужно и второе образование по другой специальности 34–39% опрошенных. (Эта точка зрения чаще встречается среди гуманитариев.) Но более половины респондентов разделяют противоположное мнение – для успешной карьеры достаточно одного высшего образования.

Последняя позиция в значительной степени характерна и для группы респондентов, оценивающих свои шансы на успех в карьере по специальности как вполне благоприятные, тем более что обе группы близки по численности. Итак, в 2009–2011 гг. как и в 1996 г. половина респондентов оптимистически смотрит на перспективы карьеры по специальности (см. табл. 3).

¹ Медведев предложил запретить учить экономистов и юристов в непрофильных вузах [<http://newslab.ru/news/371544>]; Встреча с руководителями промышленных предприятий [<http://www.kremlin.ru/news/10727>].

Таблица 3

Оценка студентами перспектив успешной карьеры по специальности*Москва, в % от числа опрошенных*

Как Вам представляются перспективы для успешной карьеры по Вашей специальности?	1996 (N=621)	2006 (N=556)	2009 (N=590)	2010 (N=630)	2011 (N=604)
Вполне благоприятные	48	40	51	47	53
Не очень благоприятные	24	28	27	29	24
Совсем неблагоприятные	12	7	5	7	4
Затрудняюсь ответить	16	25	17	20	19

Источник: ИСПИ РАН.

Однако в планировании студентами будущего трудоустройства произошли некоторые изменения. Если, пять лет назад не менее половины учащихся с разной мерой определенности представляли, где будут работать, когда станут молодыми специалистами или уже там работали (подрабатывали), то теперь определились с будущим местом работы менее трети. На протяжении этих лет осталась на том же уровне (7–9%) группа респондентов, нацеленных на получение практического опыта и уже работающих в организации, где собираются выстраивать карьеру после получения диплома (см. табл. 4).

Таблица 4

Планирование студентами будущего трудоустройства*Москва, в % от числа опрошенных*

Определились ли Вы, где станете работать после получения диплома?	2006 (N=556)	2009 (N=590)	2010 (N=630)	2011 (N=604)
Да, я это точно знаю	8	25	24	22
Примерно, да	34	_*	_*	_*
Нет, пока ничего подходящего не вижу	34	43	45	51
Я уже там работаю (подрабатываю)	9	8	9	7
Пока об этом не думал(а)	16	24	22	20

** – в анкете позиция отсутствовала.**Источник: ИСПИ РАН.*

В непрерывном поиске привлекательных вакансий ощущает себя почти половина (43–49%) респондентов (в 2006 г – треть). Несмотря на преобладание в студенческой среде настроений озабоченности ситуацией на рынке

труда, число опрошенных, индифферентных к проблеме будущего места работы, не задумывающихся над ней, выросло с 16% до 22–24%.

В поиске места будущей работы студенты полагаются в первую очередь на свои личные связи и знакомства – их упомянул каждый второй респондент. Треть опрошенных обращаются к объявлениям в СМИ (пресса, Интернет), 17% – полагаются на кадровые агентства, 14% – надеются на предложения со стороны вуза. По данному вопросу не наблюдалось принципиальных различий между студентами технических и гуманитарных специальностей. Опасения по поводу предстоящего трудоустройства по специальности выразили 42% опрошенных. А 12–16% опрошенных уже заранее не собираются работать по специальности (в 1996 г. – 18%).

Какие же причины могут заставить выпускников вуза отказаться продолжать карьеру по своей специальности? Для 15% это разочарование в профессии, 28% – указывают, что по их специальности в условиях кризиса сложно найти работу, а 11% – на низкую оплачиваемость их специальности. В то же время до трети студентов твердо нацелены на работу по специальности.

Когда-то в советское время существовала система обязательного распределения молодых специалистов, начиная с 2009 г., правительство Москвы и ряда других субъектов федерации стало предлагать распределение выпускникам вузов, относящимся к льготным категориям (инвалиды, дети-сироты и т.д.) Идею вернуться к системе распределения выпускников, обучавшихся за счёт госбюджета, поддержала почти половина опрошенных (46–48%), оппозиционно к ней относится каждый пятый. Видимо сказался экономический кризис. Ведь ранее, в 1996 г. наоборот, около половины опрошенных отрицательно отнеслись к идее распределения выпускников вузов, а в 2006 г. число сторонников и противников распределения выпускников было равновеликим – по трети респондентов.

Сложность поиска подходящей работы с приемлемой оплатой в своей стране повышает интерес образованной, в том числе научной молодежи к трудовой миграции за границу. При этом, по мнению президента РФ Д.Медведева, высказанному 28 ноября 2011 г. в Екатеринбурге на встрече с представителями малого бизнеса и активом партии «Единая Россия», в стране «еще не созданы все условия для того, чтобы талантливые люди реализовали себя», однако «якобы существующие массовые настроения в пользу отъезда из страны это высосанная из пальца тема»¹.

¹ [<http://www.arnews.ru/news/1472393.html>].

С одной стороны, мы видим, что за период 1997–2011 гг. число намеренных в любом случае вернуться в Россию составляло от 42% до 52% респондентов, и, наоборот, те, кто намерен остаться за рубежом навсегда, находились на уровне пятой доли опрошенных. Однако обратим внимание на рост суммарного показателя эмиграционного потенциала, рассчитываемого как сумма доли респондентов, стремящихся остаться за границей, с числом готовых вернуться при благоприятной обстановке в России. В 1997 г. этот показатель составлял 39%, в 2001–2002 гг. 34–35%, что, по-видимому, связывалось с социальными ожиданиями после избрания В.Путина президентом России, определённой консолидацией общества после проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе и т.п. Однако начиная с 2008 г. мы видим увеличение суммарного показателя, а в 2009–2011 гг. суммарный показатель «потенциальных невозвращенцев» достиг половины респондентов и стал впервые превышать размеры группы респондентов, намеренных вернуться в Россию при любых обстоятельствах. Если рассчитать коэффициент потенциальной эмиграции ($Kэ$) как разницу между количеством респондентов, намеренных вернуться при любых обстоятельствах, и теми, кто в той или иной мере склонен остаться за границей, то мы увидим, что эмиграционные настроения студентов находились на самом низком уровне в 2001–2002 гг. ($Kэ=+14-18$), а начиная с 2008 г. замечен рост эмиграционных настроений ($Kэ_{2008}=+1$) и за последние три года коэффициент эмиграции приобрёл отрицательные показатели ($Kэ_{2011}=-7$). Всё это позволяет утверждать о наметившемся росте эмиграционного потенциала в среде студенческой молодёжи.

ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Подготовка высококвалифицированных кадров непосредственно связана с повышением качественных характеристик образования молодежи. В этой связи проблема состоит во все более обостряющемся противоречии между общественной потребностью в подготовке профессиональных кадров, отвечающих современным требованиям, и сформировавшимся в последние десятилетия отношением молодежи к образованию. Возможность преодоления этого противоречия в целях совершенствования системы подготовки кадров в стране рассматривается через изменение отношения молодежи к образованию под влиянием социальных факторов.

В теоретическом плане образование концептуализируется в парадигме феноменологической социологии знания и исследуется как объект социальной реальности, отношение к которому (значение, смысл) для молодого человека определяет его поведение в этой сфере, т.е. его становление как специалиста. Для определения влияния различных факторов на становление профессиональных качеств специалистов изучается социокультурный механизм формирования отношения к образованию. Составляющими этого механизма являются базовые и социально-ситуационные аспекты отношения к образованию; исторические архетипы, габитусы как устойчивые предрасположенности (диспозиции) в отношении к образованию; отражение образования в стереотипном сознании и в ментальных структурах.

Эффективность использования кадров, подготовленных в высшей школе, оценивается на эмпирическом уровне посредством показателей соответствия приобретенной специальности фактически выполняемой работе, ценности знаний и ценности труда, гармонизации этих ценностей в профессиональной деятельности.

Базовые характеристики отношения молодежи к образованию. В базовых характеристиках отражается осознание молодыми людьми сущности и социальных функций образования в конкретных условиях развития общества, а также изменений в системе образования. Отношение к нему выражается в ценностных ориентациях молодых людей и в направленности их социального поведения, что объективируется в достигнутом уровне образования. Поэтому социальными показателями базовых характеристик отношения к образованию являются: уровень образования и его динамика, изменение ценностей образования (когнитивных и ценностей самого образования).

Уровень образования молодежи (законченное образование на момент исследования) изменялся в 2002–2011 гг. следующим образом (табл. 1)¹.

Таблица 1

Изменение уровня образования молодежи

2002–2011 гг., в %

Уровень образования	2002		2006		2011	
	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет
Неполное среднее образование (до 9 кл.)	8,6	5,6	8,8	8,5	4,4	0,7
Полное среднее образование	41,1	19,7	37,3	15,5	34,4	13,6
Среднее специальное образование	32,1	46,1	35,6	39,8	36,1	48,6
Высшее и незаконченное высшее образование	18,2	28,3	18,3	35,6	24,6	36,4
Другие виды образования	0	0,3	0	0,6	0,5	0,7

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

¹ Здесь и далее используются результаты исследования, проведенного отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации, N=1301. Опрос проводился методом личного интервью. Для сравнительного анализа использовались данные исследований, проведенных по репрезентативной для молодежи, в возрасте 15–29 лет выборке в 12 регионах РФ в 1997 г. N=2500; в 2002 г. N=2012.; в 2006 г. N=2500; в 2008 г. N= 30. Руководители исследований проф. В.И.Чупров и проф. Ю.А.Зубок.

В 2011 г., по сравнению с 2002 г., существенно снизилась доля молодежи, имеющей незаконченное среднее образование. Одновременно возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование. Особенно следует отметить позитивный рост среднего специального образования среди молодежи, учитывая его резкое снижение в 90-е гг. (в 1997 г. доля молодежи со средним специальным образованием составляла 29%). Тем самым обеспечивается и качественный рост контингента абитуриентов в высшие учебные заведения. Заметна тенденция «омолаживания» уровня высшего образования. В два раза чаще стали приобретать высшее образование молодые люди в возрасте до 24 лет. Это, видимо, связано с мерами по отсрочке студентов от службы в армии, и имеет большое значение в становлении профессиональных качеств молодых специалистов. Причем от этого выиграла и армия, получив возможность расширить в своих рядах контингент молодых людей с высшим образованием.

Позитивная направленность выявленной тенденции особенно заметна на фоне образовательной структуры в других возрастных группах (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования по возрастным группам

2011 г.

Возраст	Уровень образования, %				
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Ученая степень
18–24	4,4	34,4	36,1	24,6	
25–29	0,7	13,6	48,6	36,4	0,7
30–39	3,4	14,0	47,9	33,9	0,8
40–49	3,0	12,3	53,0	31,0	0,8
50–59	5,6	19,7	53,6	20,2	0,9
60 и старше	23,1	18,7	44,3	13,6	0,4

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Уровень образования, достигнутый нынешним молодым поколением к 29 годам, позволяет рассматривать его, как значительный потенциал роста квалифицированных кадров в стране. По удельному весу высшего образования нынешнее поколение молодежи выгодно отличается от предыдущих. При этом каждый четвертый молодой человек в возрасте 25–29 лет (23,5%) продолжает учебу в среднеспециальных учебных заведениях, а 58,8% – в вузах.

Доля студенческой молодежи среди жителей областных центров заметно снизилась, но при этом она возросла в 4 раза среди молодежи, проживающей в малых городах и в сельской местности. В этой тенденции, во-первых, проявилась устойчивая установка этой части молодежи на высшее образование как способ преодоления рутины сельской жизни; во-вторых, влияние внедрения ЕГЭ, существенно расширившее возможности поступления в вузы молодых людей из, так называемой, глубинки.

Однако уровень образования лишь косвенно свидетельствует о его качестве. Поэтому многое в процессе подготовки высококвалифицированных кадров зависит от ценностной составляющей базовых характеристик отношения молодых людей к образованию. Качество образования в значительной мере определяется мотивами его приобретения, тем, какое место в них занимают ценности образования и приобретаемого знания (табл. 3).

Таблица 3

Ценностные представления молодежи об образовании

Возраст	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Карьера	Общая культура
18–24	22,4	14,8	13,1	4,4	39,9	5,5
25–29	20,0	20,2	12,1	7,9	35,0	4,3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Распределение ответов позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей образования. Образование как ценность (терминальная) определялось набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В 2011 г. в возрастной группе 18–24-летних молодых людей терминальная ценность образования составила 41%, а в группе 25–29-летних – 36%. Для сравнения, в 2002 г. среди 25–29-летних ее значение было выше – 59%. То есть отмечается тенденция существенного снижения доли терминальных ценностей в отношении к образованию. Инструментальные ценности, характеризующие отношение к образованию как к средству достижения других целей, составили в 2011 г. в группе 18–24 г. – 59%, а в группе 25–29-летних – 64%. Отсюда следует, во-первых, то, что с возрастом заметно повышается уровень инструментальных ценностей образования, а, во-вторых, на фоне постоянной инструментализации образования, отмечаемой в постсоветский период¹, в 2011 г.

¹ См. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Образование молодежи: реформы и конфликты // Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 г. М., 1997. С.120–125.

произошел резкий скачок данной тенденции. Подобный «всплеск» доли инструментальных ценностей образования свидетельствует о наличии весьма влиятельного негативного фактора, связанного, по всей видимости, с очередным этапом модернизации системы образования.

Обращает на себя внимание весьма низкий процент связывающих смысл образования с познанием. В этой связи рассмотрим, в какой степени знание является ценностью для молодых людей, т.е. когнитивной ценностью, также относящейся к базовым характеристикам отношения к образованию.

Вопрос, направленный на исследование ценности знания, состоял из нескольких суждений (табл. 4).

Таблица 4

Ценностное отношение молодежи к знаниям

2011 г.

Возраст	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач
18–24	58,5	51,4	56,3	43,7
25–29	41,5	48,6	52,1	47,9

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Процесс инструментализации распространился и на когнитивные ценности, хотя и не в столь контрастной форме. Каждый второй в старшей возрастной группе (48%) считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 49% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Причем в 2002 г. инструментальную ценность знания разделяли 45% респондентов в данной возрастной группе. Примечательно, что снижение доли терминальной ценности знания и рост ее инструментального значения отмечается в старшей возрастной группе, в которой значительный удельный вес составляют студенты и молодые специалисты. Тот факт, что терминальную ценность знания разделяют чуть больше половины молодых людей, становящихся профессионалами, свидетельствует о невостребованности знаний в современном российском обществе.

Несмотря на рост образовательного уровня молодежи, невысокие значения терминальных ценностей образования и знания в ее мотивационной структуре не позволяют сделать вывод об удовлетворительном состоя-

нии базовых характеристик отношения молодежи к образованию. Это сказывается на качестве подготовки высококвалифицированных специалистов. Поэтому потенциал, заложенный в сравнительно высоком уровне образования молодежи, может быть реализован при условии формирования мотивации, адекватной современным вызовам.

Социально-ситуационные факторы трансформации базовых характеристик отношения к образованию. В различных социальных и социально-экономических условиях жизнедеятельности молодежи возникают ситуации, в которых ее отношение к образованию претерпевает существенные изменения. Это происходит под влиянием многих факторов, среди которых выделяются: принадлежность молодых людей к различным социальным группам, материальное положение молодежи, а также изменения в системе образования, связанные с ее модернизацией. В совокупности они определяют социально-ситуационный аспект отношения молодежи к образованию.

Одним из таких факторов является образование родителей. Действительно, в семьях более или менее образованных родителей складываются разные жизненные ситуации, влияющие на получение образования детьми. Возникает вопрос, является ли данная тенденция результатом формирования соответствующих ориентаций на высшее образование среди молодежи? Сравним ценности образования и знаний молодежи в зависимости от уровня образования родителей в 2002 и 2011 гг. (табл. 5).

Если в 2002 г. влияние уровня образования родителей на изменение ценности образования и ценности знания в сознании молодых людей заметно, то в 2011 г. влияние этого фактора не прослеживается. Терминальная ценность образования в 2002 г. составляла 52,5% среди молодых людей, отец которых имел неполное среднее образование и 63,4% – среди молодых людей, чьи отцы имели высшее образование. Терминальная ценность знания изменялась соответственно с 31,5% до 40,6%. В 2011 г. в семьях с низким и высоким образовательным уровнем родителей значения терминальных и инструментальных ценностей практически не различаются. Скорее всего, это явилось следствием новых повседневных реалий, связанных с введением ЕГЭ, принципиально изменивших отношение к образованию и знаниям не только среди молодых людей, но и со стороны их родителей. В этой ситуации и молодые люди, и их родители вынуждены приспосабливаться к новым правилам, в которых основной упор делается не на овладении комплексом знаний, всесторонне развивающих учащихся, а на узкой предметной специализации, направленной на поступление в вуз.

Таблица 5

Зависимость ценностей образования и знания молодежи от уровня образования родителей
2002–2011 гг., в %

Образование родителей	Ценности молодежи в возрасте 25–29 лет							
	2002				2011			
	Ценность образования		Ценность знания		Ценность образования		Ценность знания	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Образование матери								
Неполное среднее	47,6	52,4	40,6	59,4	41,0	59,0	58,5	41,5
Высшее	62,0	38,0	41,1	58,9	40,0	60,0	58,9	41,1
Образование отца								
Неполное среднее	52,5	47,5	31,5	68,5	40,4	59,6	58,6	41,4
Высшее	63,4	36,6	40,6	59,4	41,4	58,6	61,0	39,0

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В немалой степени это связано с материальными возможностями. В семьях с различным уровнем материального достатка родителей складываются не одинаковые жизненные ситуации, существенно корректирующие базовые характеристики отношения молодых людей к образованию. Особую социальную опасность такое положение приобретает в условиях постоянного роста платных услуг в образовании. На вопрос: «Доступно ли для Вас платное образование?» ответы распределились следующим образом (табл. 6).

Доступность платного образования существенно дифференцируется в зависимости от уровня жизни. Даже в группе материально обеспеченной молодежи оно не доступно каждому десятому. Для подавляющего большинства низкообеспеченных слоев молодежи (72,2%) платное образование практически не доступно. Тем самым большинство молодых людей, среди которых много по-настоящему талантливых, по существу, исключаются из резерва подготовки высококвалифицированных кадров. Уместно вспомнить, что открытость высшего образования, обеспечение равных стартовых возможностей для большинства граждан, по мнению Д.Белла, стали главной вехой перехода современного западного общества к демократии.

Таблица 6

Доступность платного образования для молодежи в зависимости от материальных условий жизни

2011 г., в %

Материальное положение	Оценка молодежью в возрасте 18–29 лет доступности платного образования		
	Полностью доступно	Доступно, но для этого придется отказывать себе во многом	Практически не доступно
Низкообеспеченные	2,1	25,8	72,2
Среднеобеспеченные	8,0	53,7	38,3
Обеспеченные	28,5	64,7	11,0

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Проанализируем существующие представления о целях образования, отношении к платному образованию и единому государственному экзамену (табл. 7).

Таблица 7

Представления о цели общего среднего образования в различных возрастных группах

2011 г., в %

Возрастные группы	Представления о цели общего среднего образования			
	Подготовить молодого человека к жизни, дать широкий объем знаний и общей культуры	Дать углубленное знание только по тем предметам, которые выберет ученик в качестве профильных для своей дальнейшей карьеры	Дать минимум знаний и культурных навыков, необходимых для дальнейшей жизни	Затруднились с ответом
18–24 года	51,9	26,8	18,0	3,3
25–29 лет	53,6	27,1	12,9	6,4
40–49 лет	55,1	25,0	15,7	4,2

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Большее половины молодых людей и их родителей целью общего среднего образования считают подготовку молодого человека к жизни, для чего необходимо овладение им широким набором знаний и общей культуры. Это

расходится с концепцией, содержащейся в недавно обсуждаемом проекте Федерального образовательного стандарта для старшей общеобразовательной школы, где основной упор делается на профильном образовании по выбору учащихся. Не случайно при обсуждении он не получил поддержки, но не был отклонен, а отложен до 2015 г.

Не получило поддержки со стороны молодежи и превращение функции обучения и воспитания в образовании молодежи в образовательные (преимущественно платные) услуги. Считают, что допустимо платное образование как в высшей, так и в средней школе, 4,3% молодежи. Допускают возможность платного образования только для высшей, а не для средней школы – 32,5% молодых людей. И 63,2% придерживается мнения, что образование как в высшей, так и в средней школе должно быть бесплатным.

На вопрос: «Как Вы оцениваете внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ)?» ответы распределились следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Отношение к единому государственному экзамену

2011 г., в %

Возрастные группы	Отношение к ЕГЭ				
	В целом положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затруднились с ответом
18–24 года	10,9	25,7	21,3	30,1	12,0
25–29 лет	7,9	17,9	17,9	30,0	26,3
40–49 лет	5,1	14,4	19,5	37,7	23,3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Половина молодых людей и их родители негативно относятся к единому государственному экзамену. При этом в младшей возрастной группе молодежи (18–24 года) доля молодых людей, в разной степени положительно оценивающая ЕГЭ выше, чем в старшей (соответственно, 36,6% и 25,8%). Видимо, к этой группе относятся молодые люди, поверившие в возможность поступления в вуз, подавая заявления о приеме наугад, без учета способностей и склонностей. К тому же и вузы, поставленные в зависимость от набора студентов, также вынуждены приспосабливаться к новой ситуации. Очевидно, что подобный подход не способствует отношению к образованию молодежи как к терминальной ценности, а потому входит в противоречие с провозглашенной инновационной политикой.

Эффективность использования кадров высшей квалификации. Об эффективности высшего профессионального образования можно судить по тому, как выпускник вуза применяет полученные знания на практике. Важным критерием эффективности использования кадров, подготовленных в высшей школе, является соответствие фактически выполняемой работы приобретенной специальности.

На вопрос: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в вузе?» ответы распределились следующим образом: в 2011 г. работали в полном соответствии с полученной специальностью 36,3% респондентов; по близкой, схожей специальности – 27,4%; по совершенно другой специальности – 29,7%; затруднились с ответом 6,6%. Следовательно, каждый третий молодой специалист работал не по специальности, полученной в вузе. Для сравнения в 2002 г. в полном соответствии с полученной специальностью работали 50,1% молодых специалистов, а по другой специальности – 25,2%. Это указывает на невысокую эффективность подготовки специалистов высшей квалификации и на тенденцию ее снижения в результате реформы высшего образования, проводимой в последнее десятилетие.

Нисходящий тренд возможности трудоустройства по специальности, по сравнению с 2002 г., связан с переходом на двухступенчатую систему высшего образования. Бакалавры имеют более низкую профессиональную квалификацию, чем специалисты и на них меньший спрос на рынке труда.

Возможность найти работу по специальности не всегда зависит от качества подготовки специалистов, а зачастую связана с конъюнктурой рынка. Поэтому важно проследить, насколько работа по специальности связана с профессиональными качествами молодого специалиста. Среди качеств, формируемых в процессе обучения в вузе, значимую роль для дальнейшей профессиональной деятельности играют отношение к знаниям и к труду. Проанализируем характер связи между работой по специальности и этими профессиональными качествами (табл. 9).

Отношение к знаниям как главному достоянию человека, а также убежденность, что знания никогда не бывают лишними, свидетельствуют о терминальной ценности знания молодого специалиста. Их разделяют 58,3% и 55,6% специалистов, работающих в соответствии с полученной специальностью.

Как видно из табл. 9, значения терминальных ценностей знания среди работающих по другой специальности, существенно ниже (соответственно, 36,4% и 48,4%). Обратная картина прослеживается в анализе значений альтернативных суждений, рассматриваемых как инструментальные ценности знаний.

Таблица 9

Связь работы по специальности с отношением молодого специалиста к знаниям и к труду

2011 г., в %

Соответствие работы полученной специальности	Отношение к знаниям			Отношение к труду		
	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	Знания никогда не бывают лишними	Знания нужны лишь в определенных ситуациях	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Работа в соответствии с полученной специальностью	58,3	41,7	55,6	44,4	27,8	72,2
Работа по другой специальности	36,4	63,6	48,4	51,5	9,1	90,9

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Это – суждение, что без знаний в наше время можно обойтись, были бы деньги. Его отметили 41,7% респондентов, относящихся к группе работающих по полученной специальности и 63,6%, работающих по совершенно другой специальности. А также мнение, что знания важны лишь в определенных ситуациях (соответственно 44,4% и 51,5%). Очевидно, что подобное отношение к знаниям, разделяемое, кстати, почти каждым вторым молодым специалистом, отражает прагматизм, существующий в современном российском обществе. Возможно, что многие из них добьются успеха в жизни. Но рассматривать их как профессионалов высшей квалификации затруднительно.

Еще более контрастная зависимость прослеживается в анализе отношения молодых специалистов к труду. На вопрос: «В чем для Вас смысл труда?» варианты ответов «ощущение своей полезности», «внутренняя потребность» и «творчество» – рассматривались как терминальная ценность труда. Ответы – «возможность заработать», «вынужденная необходимость» и «общение» – как инструментальная ценность. Из табл. 9 следует, что отношение к труду как к терминальной ценности значительно выше в группе специалистов, работающих по полученной специальности (27,8%), чем среди работающих по другой специальности (9,1%). Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что работа по приобретенной в вузе специальности зави-

сит не только от конъюнктуры рынка труда, но и от профессиональных качеств молодого специалиста, приобретенных в вузе.

Социокультурный механизм формирования ценностного отношения к образованию и профессиональных качеств молодежи. Процесс формирования базовых оснований отношения к социальной реальности, объектом которой является образование, осуществляется не в рамках одного поколения. В России они зародились в лоне православной религии и явились результатом многовековых трансформаций этнических культурных, экономических, политических идей. Нужно заметить, что равновесие между культурными и социальными компонентами общества есть условие его устойчивости. Базовые основания закрепляются в механизме социокультурной регуляции как в форме «коллективного бессознательного», так и индивидуального и группового сознания. Поэтому в качестве важнейших элементов социокультурной регуляции рассматриваются архетипы, габитусы, стереотипы, менталитет, во взаимодействии которых обеспечивается единство обеих форм (бессознательного и осознанного) в процессе социальной регуляции. Взаимный переход этих элементов один в другой обеспечивает формирование базового основания в механизме социокультурной регуляции отношения к образованию.

Проанализируем влияние каждой из перечисленных составляющих механизма социокультурной регуляции на формирование базовых характеристик отношения к образованию.

Архетипы, согласно К.Юнгу, представляют собой врожденные образы, которые скрыты в коллективном бессознательном и передаются по наследству... В некотором смысле архетипы есть психические инстинкты человеческого рода¹. Будучи продуктом исторической эволюции общества, архетипы отражаются в народной мудрости, в форме пословиц, поговорок, былин, мифов, передаваемых из поколения в поколение. В этих формах они становятся объектом изучения. Наиболее распространенными в российском коллективном бессознательном, являются: *архетип судьбы*, отражающий зависимость от стечения обстоятельств и выражающийся в поговорке: «Чему быть – того не миновать»; *архетип добра*, отражающий веру в победу Добра над Злом, служащий основанием для оптимизма, долготерпения и выражающийся в пословице: «Добро не умрет, а зло пропадет»; *архетип совести*, отражающий внутреннюю оценку праведности, моральности своих мыслей и поступков, выра-

¹ Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991.

жающийся в пословице: «Хоть мошна пуста, да совесть чиста; *архетип спасителя (героя)*, отражающий миф о герое, изображаемом в виде богатыря, который побеждает зло, выражающийся в пословице: «Сколько нечисть не тешится, а придет добрый молодец и сокрушит нечистивца»; *архетип идеализации прошлого*, обуславливающий генетизм восприятия в зависимости от прошлого опыта и выражающийся в пословице: «Почитая старое, обретаешь новое».

Проанализируем влияние этих архетипов на базовые характеристики отношения молодежи к образованию (табл. 10). В группах респондентов, полностью согласных с пословицами, отражающими перечисленные архетипы, значения терминальных ценностей заметно выше, чем инструментальных. Исключение составляет лишь направленность влияния архетипа спасителя на ценность образования.

Таблица 10

Связь архетипов с базовыми характеристиками отношения молодежи к образованию
2011 г., в %

Архетипы	Ценностные ориентации			
	Ценность знания		Ценность образования	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Архетип судьбы	52,7	47,3	64,3	35,7
Архетип добра	61,3	38,7	73,0	27,0
Архетип совести	59,4	40,6	65,1	34,9
Архетип спасателя	58,3	41,7	47,6	52,4
Архетип идеализации прошлого	57,0	43,0	77,0	23,0

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

По степени влияния на ценности архетип добра, занимает первую ранговую позицию среди других архетипов (61,3% – терминальная ценность и 38,7% – инструментальная). Это подтверждается ответами и на другой вопрос: «Верите ли Вы, что добро всегда вознаградится?». Среди респондентов, положительно ответивших на данный вопрос, для 56,7% знания являются терминальной ценностью, а для 43,3% – инструментальной. Однако под влиянием современных жизненных ситуаций картина меняется. Отвечая на вопрос: «Верите ли Вы, что не добрым людям живется лучше, чем добрым?», среди тех, кто верит, уже 47,1% респондентов считают знания главным достоянием человека, а 52,9% придерживаются мнения, что в наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги.

Архетип совести проявился в согласии молодых людей с пословицей: «Хоть мошна пуста, да совесть чиста». Его влияние на возвышение терминальной ценности знания (59,4%) над инструментальной (40,6%) явилось следствием внутренних моральных принципов в коллективном бессознательном, унаследованных этой частью молодежи. Это доказывает, что формирование нравственных качеств личности молодого человека проявляется во всех сферах его жизнедеятельности, в том числе и в отношении к образованию.

Влияние архетипа спасителя на отношение к знанию как к терминальной ценности (58,3%) выразилось в согласии со смыслом пословицы: «Сколько нечисть не тешится, а придет добрый молодец и сокрушит нечестивца». Здесь проявилась надежда этой части молодежи не столько на личные достижения, сколько на высокого руководителя, который ликвидирует коррупцию в образовании, и тогда знания станут главным достоянием человека.

Благодаря влиянию архетипа идеализации прошлого, выразившегося в согласии с пословицей: «Почитая старое, обретаешь новое», доля сторонников терминальных ценностей составила 57%. Диалектика влияния данного архетипа состоит, с одной стороны, в сохранении преемственности исторического опыта, без которого немыслимо поступательное движение, а с другой, в опасности предубеждения к нововведениям, когда в условиях изменившейся реальности продолжается воспроизводство устаревшего опыта. С подобным противоречием мы постоянно сталкиваемся в ходе реформирования образования.

Архетип судьбы в меньшей степени влияет на терминальную ценность знания (52,7%) по сравнению с другими архетипами. Его влияние выражается в согласии с поговоркой: «Чему быть – того не миновать», характеризующей настроение, распространенное в коллективном бессознательном россиян. Отражая зависимость от стечения обстоятельств, и побуждая отмежеваться от ответственности за собственную жизнь, уповая на участь, долю, «авось», данный архетип не одинаково действует в разных жизненных ситуациях, что и проявилось в несущественном отклонении значений в оценках терминальной и инструментальной ценности знания. Поэтому, уточняя степень его влияния на ценность знания, респонденту было предложено определить свою жизненную позицию, выбрав из двух альтернативных пословиц: «От судьбы не убежишь» и «на Бога надейся, а сам не плошай». В распределении ответов картина изменилась. Согласились со второй пословицей, отражающей важность собственной позиции – 58,2% респондентов, разделяющих терминальную ценность знания, и 41,8% – инструментальную. Корректировка влияния архетипа судьбы на когнитивную ценность прослеживается и в ответе на вопрос: «Верите

ли Вы в то, что в Вашей жизни все зависит от Вас». Среди тех, кто верит в свои силы, 60,6% считают, что знания – главное достояние человека и 39,4% выразили инструментальное отношение к знанию.

Таким образом, архетипы, отражая опыт прежних поколений, запечатленных в структурах коллективного бессознательного, обеспечивают формирование и наследование базовых оснований отношения к образованию, что является важным условием расширенного воспроизводства профессионального потенциала молодежи. Дальнейшую конкретизацию в механизме формирования когнитивных и профессиональных качеств специалистов архетипы получают в форме габитусов.

Габитус, по определению П.Бурдьё, это – система прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций), предназначенных для функционирования в качестве структурирующих оснований, принципов, которые порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют целенаправленного усилия¹. Можно сказать, что габитус является результатом индивидуальной истории и социального опыта, благодаря чему помимо воспроизводства социальных структур он участвует и в их производстве. Мы не рефлектируем прошлое, так как оно инкорпорировано в нас, составляет наше бессознательное (Э.Дюркгейм). Диспозиции, составляющие габитус, по большей части неосознаны. Вместе с тем габитус систематическим образом проявляется во всех практиках индивидов, его схемы переносимы из одной сферы в другую. Таким образом, габитус позволяет в социальных практиках связывать воедино прошлое, настоящее и будущее.

Поскольку воспроизводство социальных практик посредством габитуса происходит на неосознанном уровне, диспозиционные структуры можно обнаружить не в сознании индивида, а в продуктах практик, создаваемых в соответствии с этими предрасположенностями. В качестве таких продуктов выступают солидарность, активная жизненная позиция, свобода. Каждый из них может явиться доминантой диспозиционной структуры, оказывающей формирующее влияние на отношение к образованию.

Применительно к целям данного исследования можно выделить диспозиции в следующих практиках: *солидарность – противоборство; активная – пассивная жизненная позиция; свобода – несвобода*. Эмпирическими

¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.

референтами габитуса являются неосознанные установки, выступающие в форме предрасположенностей. Формируясь в индивидуальном и коллективном бессознательном, они связаны со структурой архетипов (табл. 11).

Таблица 11

Связь архетипов с габитусами

2011 г.

Архетипы	Степень выраженности габитусов (К)		
	Степень эмоционального согласия (солидарность/отчуждение)	Характер жизненной позиции (активная/пассивная)	Самоощущение свободы (свобода/несвобода)
Архетип добра			
Согласен	5,91	5,33	5,42
Не согласен	5,52	5,20	5,10
Архетип совести			
Согласен	5,88	5,27	5,35
Не согласен	5,53	4,98	5,25
Архетип идеализации прошлого			
Согласен	5,86	5,31	5,34
Не согласен	5,43	5,14	5,24

К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Степень выраженности габитусов определялась в соответствии с ответами на вопрос: «Оцените состояние отношений в Вашем ближайшем окружении». Габитус, характеризующий степень эмоционального согласия оценивался по 7-балльной шкале как диспозиция между крайними значениями.

Значения габитусов в группе респондентов согласных с соответствующими пословицами существенно выше, чем в группе несогласных, что свидетельствует о наличии связи между архетипами и габитусами. Эта связь проявляется в механизме формирования отношения к образованию. В архетипических структурах наследуются базовые составляющие отношения к образованию, которые, как следует из табл. 11, преобразуются в габитусах (неосознанных установках) в форме предрасположенностей к закреплению в социальных практиках. В феноменологической концепции П.Бергера и Т.Лукмана данный процесс именуется «хабитулизацией» и означает «опривычивание» деятельности.

Проследим характер связи габитусов с ценностями образования и знания (табл. 12).

Таблица 12

Связь габитусов с ценностями образования и знания

2011 г.

Габитусы	Ценности образования и знания молодежи в возрасте 18–29 лет (К)							
	Ценность образования		Ценности знаний					
	Терминаль	Инструмент.	Знания – это главное достояние человека	Без знаний можно обойтись, были бы деньги	Знания необходимы всегда, даже если не востребованы	Знания – не самоцель, а средство	Знания никогда не бывают лишними	Знания важны лишь в определенных ситуациях
Солидарность/отчуждение	5,83	5,80	5,91	5,71	5,84	5,79	5,82	5,80
Активная/пассивная ж. позиция	5,59	5,55	5,65	5,46	5,55	5,56	5,54	5,57
Свобода/ несвобода	5,45	5,40	5,43	5,41	5,38	5,46	5,38	5,47

К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Сравнение значений ценности образования и знания, содержащихся в табл. 12, в зависимости от габитусов, подтверждает наличие такой связи. В наиболее выраженной форме терминальная ценность образования и знания проявляется в зависимости от степени эмоционального согласия, выраженной в установке на солидарность в учебном коллективе. Так, значение терминальной ценности образования (5,83) выше, чем инструментальной (5,80). Оценки отношения к знанию как к терминальной ценности также выше, чем к инструментальной.

Эта тенденция в целом сохраняется и в связи с влиянием габитуса, выраженного в жизненной позиции, а также в связи с самоощущением свободы. Однако, как видно из анализа табл. 12, прослеживается тенденция инструментализации ценности знания. В группе респондентов с более выраженной установкой (габитусом) на активную жизненную позицию оценки инструментальной ценности знания, хотя и незначительно, но превышают оценки

терминальной ценности (5,55 и 5,54). Еще контрастнее выглядит различие в соотношении инструментальной (5,47) и терминальной (5,38) ценности знания в связи с установкой на свободу. То есть в современных условиях габитусы активности и свободы наполняются новым смыслом, который еще не отразился в коллективном бессознательном и не получил закрепления в архетипических структурах. Установка на активную жизненную позицию и самоощущение свободы сегодня предполагает использование знаний зачастую для реализации целей в конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, в процессе хабиитуализации (опривычивания) социальной деятельности формируются предрасположенности к закреплению в социальных практиках не только базовых, но и социально-ситуационных характеристик отношения к образованию, что является необходимым условием формирования профессиональных качеств молодежи. При этом более устойчивое влияние на формирование базовых характеристик оказывают установки на солидарность и внутреннюю свободу, теснее связанные с традиционными архетипами россиян.

Предрасположенность, реализуемая в габитусах, приобретает устойчивость в стереотипной форме.

Стереотип. Посредством стереотипа человек стремится воссоздать для себя привычную, понятную, в каком-то смысле – упрощенную картину мира. При этом он схематизирует социальную реальность, отражая в своем сознании лишь те ее свойства, которые для него несомненны. Упрощенность определяется таким свойством процесса стереотипизации, как экономия времени. В привычных ситуациях мы не стремимся расходовать время и энергию на рациональный анализ своего поведения, а предпочитаем выбор стандартных, стереотипных действий. Исторически апробированный набор навыков и стандартов социального поведения содержится в массовом сознании в форме исторической памяти, не случайно рассматриваемой в социологии как «социокультурный стереотип». Трансформируясь в индивидуальном сознании в собственный опыт, существующие социокультурные стереотипы приобретают личностный смысл, превращаясь, по выражению Шюца, посредством рутинного течения переживаний в естественную установку. Здесь стереотип смыкается с габитусом, представляя собой стандартизированный образец объекта социальной реальности, формируемый в процессе хабиитуализации социальных взаимодействий. В данном исследовании таковым объектом является образование.

Являясь продуктом хабиитуализации, стереотип формируется как механизм идентификации, в котором выделяются по Г.Тажфелу три основания:

1) «Я-образ» (с помощью схематизации, упрощения социальной реальности); 2) «Мы-образ» (с помощью адаптации «Я-образа» под потребности референтной группы); 3) «Они-образ» (продуцирование идеологом как инструмента группового отношения к нереперентным группам)¹. Противостояние «Мы» и «Они» является наиболее устойчивым стереотипом в современном обществе. В этой связи поддержание идентификаций рассматривается в качестве основной функции социальных стереотипов в социокультурном механизме формирования отношения к образованию.

Для определения стереотипов использовался вопрос: «При обращении с другим человеком, по каким признакам Вы испытываете к нему расположение (признаете «своим»), либо недоверие (отнесете к «чужим»)? Анализ связи стереотипов с габитусами позволил получить типологию стереотипов, определяющих размежевание молодежи на «своих» и «чужих».

«Мы-образ» («свои») складывается из признаков, характеризующих доверие к другим людям: отзывчивость, сострадательность; принадлежность к одной национальности; скромность, застенчивость; устремленность к высоким идеалам, ради общего блага; прагматизм, практичность. Кроме прагматизма, отражающего влияние современности, остальные признаки соответствуют традиционным российским архетипам.

«Они-образ» («чужие») включает признаки, на основании которых респонденты выразили недоверие людям: пренебрежение принятыми нормами, эпатаж; равнодушие к материальным благам; стремление к красивой жизни, к приобретению и потреблению; принадлежность к другому этносу; стремление к собственному благополучию. Очевидное противоречие в соединении, казалось бы, несовместимых признаков – равнодушие к материальным благам, стремление к красивой жизни, стремление к собственному благополучию, видимо, отражает связь данного образа с установкой на солидарность и внутреннюю свободу, т.е. с соответствующими габитусами. Основаниями для солидарности в представлении современных молодых людей, особенно когда это касается «чужих», часто выступают весьма парадоксальные мотивы. Не редко усиливает противоречие и ложно понимаемое представление о свободе.

Проанализируем, как влияет полученная типология стереотипов на отношение молодежи к образованию (табл. 13).

¹ См. *Tajfel H. Social stereotypes and social groups. Oxford, 1984.*

Таблица 13

Связь стереотипов с ценностями образования и знания

2011 г., в %

Стереотипы	Ценности образования и знания молодежи в возрасте 18–29 лет							
	Ценность образования		Ценности знаний					
	Терминаль	Инструмент.	Знания – это главное достояние человека	Без знаний можно обойтись, были бы деньги	Знания необходимы всегда, даже если не востребованы	Знания – не самоцель, а средство	Знания никогда не бывают лишними	Знания важны лишь в определенных ситуациях
«Мы-образ»	37,6	62,4	55,3	44,7	48,2	51,8	74,7	25,3
«Они-образ»	33,4	66,6	72,2	27,8	55,6	44,4	83,3	16,7

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Данные табл. 13 показывают, что стереотипное сознание усиливает тенденции, отражающие глубинные процессы, зачастую придавая им иррациональную направленность. Будучи более чувствительными к социально-ситуационным изменениям стереотипы оказывают соответствующее влияние и на отношение к образованию, и на отношение к знанию. Это проявилось в изменении отношения к образованию как к терминальной ценности. Если в структурах архетипов и габитусов отмечалась доминанта терминальной ценности образования, то в стереотипном сознании доминируют инструментальные ценности. Причем независимо от направленности стереотипов на «своих» и «чужих». То есть в конкретных жизненных ситуациях формирующиеся стереотипы способны существенно скорректировать базовые характеристики отношения к образованию.

Аналогично, но со знаком плюс, проявляется влияние стереотипов на отношение к знанию. Знания в современном стереотипном сознании ассоциируются с возможностями социального продвижения и поэтому в большей степени связаны с терминальной ценностью. Под влиянием стереотипов, независимо от их типологии, большинство респондентов (55,3% и 72,2%) признают знания главным достоянием человека и считают, что знания никогда не бы-

вают лишними (74,7% и 83,3%). Хотя при этом около половины респондентов (51,8% и 44,4%), руководствуясь современными представлениями, придерживаются мнения, что знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач.

Итак, представления о «своих» и «чужих», закрепленные в стереотипном сознании в идентификациях «Мы-образ» и «Они-образ», не оказывают заметного влияния на отношение к образованию и к знанию. То есть образованность и стремление к знаниям не являются значимым фактором размежевания в молодежной среде. По терминологии рыночных отношений эти социальные качества не капитализируются и не становятся основанием конкурентной борьбы, без чего не мыслимо становление профессионализма. Однако это не означает, что ценности образования и когнитивные ценности индифферентны по отношению к стереотипам. Как показал проведенный анализ, стереотипы способны существенно влиять на базовые характеристики отношения к образованию, усиливая или ослабляя их значения, влияя тем самым на формирование профессиональных качеств молодых людей.

Установки (габитусы) и стереотипы, отражаясь в коллективном бессознательном, закрепляются в ментальных структурах, выполняя в них социально-регулятивную функцию.

Менталитет – в широком смысле это социокультурная система, отражающая своеобразие коллективной жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре; способ восприятия и оценки людьми окружающего мира, мышления и чувствования, имеющий надситуативный характер, сложившийся в результате исторического длительного воздействия естественно-географических, социально-политических, этнических и культурных условий их проживания и проявляющийся в их своеобразной поведенческой активности. Менталитет восходит к бессознательному слою духовной жизни. Основными его компонентами являются социокультурные установки и стереотипы, заложенные в нас на генном уровне, которые передаются по наследству и формируют особый тип мышления – не понятиями, а образами, заимствованными из прошлого и реализуемыми в привычках, традициях и обычаях.

Для анализа использовалось распределение ответов на вопрос: «В какой степени, по Вашему мнению, перечисленные качества отражают национальный характер россиян?». Все варианты ответов были разделены на две группы: характеризующие традиционные представления о менталитете россиян и современные стереотипы сознания. К традиционным качествам российского менталитета относились: любовь к своему отечеству, милосердие, про-

являющееся в готовности помогать другим, честь, достоинство, любовь к ближнему, подозрительность в отношении к иностранцам. К современным стереотипам – отношение к стране как к месту проживания, жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать глубину своего сочувствия, стремление отстаивать права человека, рационализм, открытость, восприимчивость ко всему иностранному. Оценка производилась на основании среднего суммарного значения средневзвешенных коэффициентов по каждому из перечисленных качеств. Рассмотрим, какова связь ментальной и современной структур сознания с ценностями образования и знания.

В группе респондентов, разделяющих качества традиционной российской ментальности, значения терминальных ценностей образования ($K=4,99$) и знания ($K=5,02$ и $4,96$) превышают соответствующие значения инструментальных ценностей (соответственно, $K=4,93$; $4,88$; $4,95$). Исключение составляет инструментальная ценность знания, обусловленная ориентацией на определенную ситуацию (знания важны лишь в определенных ситуациях), значение которой ($K=5,04$) выше терминальной (знания никогда не бывают лишними, $K=4,94$). Это подтверждает исходную гипотезу о наличии связи менталитета с базовыми характеристиками отношения к образованию, хотя и прослеживается влияние социально-ситуационного фактора.

Иная зависимость прослеживается в группе респондентов, придерживающихся современных ориентаций. Здесь доминируют преимущественно инструментальные ценности образования и знания, за исключением одной позиции, обозначающей терминальную ценность знания (знания – это главное достояние человека, $K=4,79$). Значение ее инструментального антипода (без знаний можно обойтись, были бы деньги) ниже ($K=4,74$). То есть ориентация молодых людей на современные ценности оказывает заметное влияние на процесс инструментализации их отношения к образованию и знанию. Притом, что в современной ситуации, не полностью утрачено самоценное отношение к знанию, присущее российской ментальности.

Этим во многом объясняется невысокая эффективность реформы образования. Направленная на модернизацию образования, она по существу формирует инструментальное отношение к знаниям и к самому образованию. Проводимая без учета традиционной российской ментальности, модернизация образования входит в противоречие с исторически сложившимися базовыми характеристиками отношения к нему, встречая непонимание и неприятие со стороны большинства молодых людей и их родителей. Поэтому в нынешней стратегии реформа образования не может обеспечить в массовом масштабе подготовку высококвалифицированных кадров.

Какой же должна быть стратегия модернизации образования, чтобы преодолеть указанное противоречие? Существует распространенное мнение, что инструментальная мотивация способствует быстрому развитию рыночных отношений, которые отрегулируют процесс формирования профессиональных кадров путем конкурентного отбора. Подобная ориентация прослеживается и в проводимой реформе образования. Однако результаты данного исследования показали уязвимость такого подхода. Следуя осуществляемой в настоящее время стратегии модернизации образования, наше общество не сможет избежать ее негативных последствий, если забудет об истоках российской духовности. Знания в России традиционно являлись терминальной ценностью, и в этом состоит традиция русского просвещения в отличие от западноевропейского.

Следует подчеркнуть, что дальнейшая модернизация образования не нуждается в проведении новых реформ. Важно по существу перенацелить реформируемую систему на достижение качественных характеристик образования. Во-первых, путем повышения его ценности в сознании молодежи, обеспечив связь модернизационных стратегий в образовании с традиционным менталитетом россиян, с духовными традициями российского просвещения. Во-вторых, пересмотрев существующие стандарты образования в направлении всестороннего развития учащихся, усилив в них гуманитарную составляющую. В-третьих, восстановив систему конкурсных экзаменов при поступлении в вузы, учитывая в них средний балл успеваемости в аттестате зрелости и единого государственного экзамена, проводимого на добровольной основе. Такое изменение стратегии модернизации образования станет важным фактором роста молодежного потенциала в системе подготовки высококвалифицированных кадров в стране.